

693

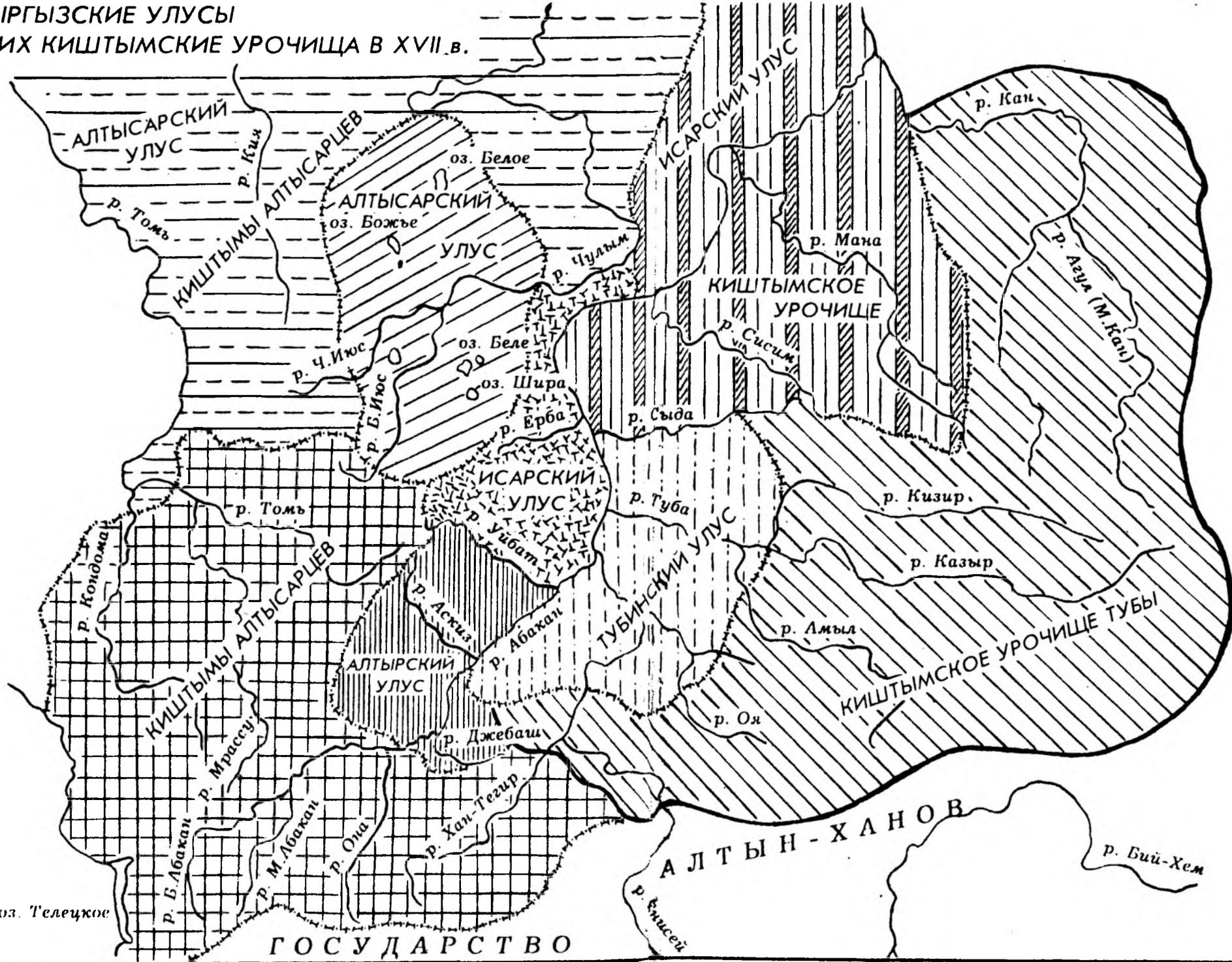
В.Я. БУТАНАЕВ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ ХАКАСОВ

КЫРГЫЗСКИЕ УЛУСЫ
И ИХ КИШТЫМСКИЕ УРОЧИЩА В XVII в.

В. Я. БУТАНАЕВ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ ХАКАСОВ

Пособие для учителей

*Утверждено Министерством образования
Республики Хакасия*

Национальная
библиотека
им. Н. Г. Доможакова
Республики Хакасия

ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН • 1996

ББК 63.5(2)

Б 93

В. Я. Бутанаев

Б93 Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей.—Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1996. — 224 с.: илл.

ISBN 5-7091-0068-4

В книге доктора исторических наук В.Я. Бутанаева представлен большой фактический материал по истории и этнической культуре хакасов. Работа открывает уникальную возможность для учителей в воспитании и обучении на традициях своего народа.

Б 0505000000—038
М 164 (03)—96 15Р. -96 ..

ББК 63.5(2)

ISBN 5—7091—0068—4

© Бутанаев В. Я., автор, 1996
© Кыласов В.Н., оформление, 1996
© Бурнаков Г.П., фотографии, 1996

ВВЕДЕНИЕ

Данное учебное пособие рассчитано на учителей средних школ Республики Хакасия, работающих со школьниками по изучению этнической культуры хакасов. Освоение знаний о культурном наследии своего народа необходимо молодежи, дабы возродить утраченное и продолжить преемственность культур между поколениями.

Особенности этнической культуры, как правило, возникают в результате исторического развития народа. Поэтому через призму её национальной специфики можно воссоздать общие штрихи различных этапов формирования народа, хотя вопрос соотношения процесса развития общества и истории культуры довольно сложный. В данном случае нами за основу берутся основные доминанты культуры. Необходимо также учитывать государственно-политические, социально-экономические и экологические факторы воздействия на сложный характер этнокультурных процессов. Современное решение проблем духовного возрождения народа невозможно представить без знаний о культурном наследии, чем и определяется актуальность работы.

В учебном пособии впервые даются описания календаря и календарных праздников, семейно-бытовых обрядов, народной медицины. В комплексе представлены национальная одежда, типы жилищ и хакасская кухня. Большое внимание уделяется историко-культурной лексике, без которой невозможно представить традиционную культуру любого народа.

Для обозначения понятия «культура» в хакасском языке бытовал термин «чүлүн». Например: «Тадар чүлүні тоозыларга чөр». — «Хакасская культура исчезает» (так с печалью говорит старшее поколение о размыве национальной самобытности, когда дети становятся русскоязычными, когда забрасывается национальная одежда и уходят в прошлое обычаи). Можно

встретить выражение: «Чүлүні пасха чон». — «Народ чужой культуры» (у которого и речь другая, и образ мыслей, и внешность, и характер другой).

Данный термин восходит к корню «чүл», обозначающий в различных сочетаниях поведение человека (синоним «сындыр»), внешний облик (синоним «чүзүн») и душевный склад (синоним «сүрүн»). Таким образом, понятие «культура» хакасы связывали с представлением о национальном характере и духовном мире людей, а также с особенностями внешнего облика народа и своеобразием созданных продуктов труда. Термин «чүлүн» существенно отличается от первоначального смысла арабского слова «маданият» — городская цивилизация, и ближе стоит к латинскому «культура» — возделывание, воспитание и монгольскому «сойол» — просвещение. Исходя из языковых данных, хакасскую культуру вряд ли можно считать рождённой в городах Древнехакасского государства.

В настоящее время возникла необходимость нового осмысления культурного наследия, в том числе тех сторон культуры, которые при коммунистическом режиме искажались и трактовались однозначно как реакционные. Это относится и к хакасскому шаманизму как части духовной жизни общества. Автор не обошёл его своим вниманием.

В настоящем пособии мы стремились решить следующие проблемы, имеющие важное социально-культурное значение. Во-первых, представить комплексное описание этнической культуры хакасов и выяснить её происхождение. Аналитический взгляд позволит решить вопрос об отношении этнической культуры хакасов к различным очагам цивилизации Востока и Азии. Во-вторых, на материалах наиболее значимых сторон национальной культуры реконструировать историческое прошлое хакасов не только в условиях Российского государства, но и на более ранних этапах развития. Изучение родоплеменного состава, языка и взаимодействия культур позволит раскрыть сложные пути этногенеза народов Саяно-Алтая. До сих пор в исторической литературе не разрешён чрезвычайно актуальный вопрос о степени родства енисейских кыргызов, предполагаемых исторических предков хакасов, и кыргызов Тянь-Шаня.

Проблема взаимосвязей современного населения Саяно-Алтая с жителями Тянь-Шаня уже более 200 лет привлекает внимание исследователей. В эпоху средневековья на территории этих двух регионов проживали народы с общим

Герб Республики Хакасия.
Авторы В.Я. Бутанаев и В.Ф. Лагодич

этнонимом «кыргыз». В исторической литературе по этому поводу имеется несколько точек зрения. Сторонники одной доказывают родство двух этносов в результате переселения кыргызов на Тянь-Шань из Южной Сибири, другие настаивают на разном происхождении каждого из них. В последнее время исследователи склонны считать, что в этногенезе тянь-шаньских кыргызов приняли участие как переселившиеся племена из Саяно-Алтая и Центральной Азии, так и местное по происхождению население. В какой степени енисейские кыргызы приняли участие в этнической истории народов Центральной и Средней Азии можно узнать только тогда, когда будут выявлены глубинные истоки этнокультурной истории хакасов.

Хакасы (самоназвание «тадар») — тюркоязычный народ, в основном проживающий на территории Республики Хакасия. Численность их, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, составляла 80,3 тыс. человек, в том числе в Хакасии — 63 тыс. (80% всего числа), в Туве — 2,3 тыс., в Красноярском крае — 6,5 тыс., в Кыргызстане, Казахстане и

Узбекистане — 1,5 тыс. К началу XIX в. хакасы разделялись на четыре этнические группы: качинцев (хааш, хаас), сагайцев (сагай), кызыльцев (хызыл) и койбалов(хойбал), каждая из которых (за исключением койбал) имеет свой диалект. Койбалы почти полностью ассимилировались среди качинцев и сохранили своё этническое самосознание только в д. Койбалы Бейского района. Хакасское население долины р. Матур и верхнего Таштыпа говорит на шорском диалекте. Сами себя они считают сагайцами, но последние противопоставляют их и называют «чыстанас» — т.е. таёжные асы (упоминание о народе «аз», проживавшем в горах Саян и Кузнецкого Алатау, встречается ещё в древнетюркских текстах).

В царской России хакасы, как и ряд других тюркских народов, именовались татарами (минусинские, ачинские, абаканские). Двухвековое управление русской администрации содействовало закреплению последнего имени в сознании народа. В связи с этим они в XIX в. стали называть себя «тадар» (т.е. татарин). Помимо хакасов этноним «тадар» закрепился также среди соседних тюркоязычных народов Южной Сибири — шорцев, телеутов и северных алтайцев. По всей видимости, «тадар» не является их историческим именем. Смена этнонимов отразила произошедшие изменения в структуре и содержании этносов после присоединения Южной Сибири к России.

Термин «хакас» для обозначения коренного населения Хакасско-Минусинской котловины официально принят в первые годы Советской власти. Он был заимствован из китайских источников. В китайских летописях IX—X вв. формой «хягасы» передавалось звучание имени енисейских кыргызов. Принятый этноним отождествлял современное население долины Среднего Енисея с кыргызами и способствовал их политическому возрождению. Однако в связи с принятым искусственным термином «хакас» в научной литературе распространилось ошибочное мнение о хакасах как искусственном объединении качинцев, сагайцев, кызыльцев и койбалов в один народ при Советской власти. Но все исторические сведения и этнические определения резко противоречат подобным заключениям.

В ранних легендах и преданиях народов Южной Сибири коренными жителями Саяно-Алтайского нагорья выступают кыргызы. Это был степной народ, занимавшийся не только скотоводством, но и земледелием и металлургией. Они обитали здесь якобы в те далёкие времена, когда ещё деревья не росли. В китайской летописи

Хань шу (I в. до н.э.) этноним «кыргыз» передавался в форме «гяньгунь», в хронике Джоу шу (VI в. н.э.) — «цигу», в период династии Тан (IX в.н.э.) — «хягас» или «сяцзясы», а во времена династии Юань (XIII в.) — «цзилицзисы».

Енисейские кыргызы, создавшие в раннем средневековье своё государство, просуществовали в долине Среднего Енисея как господствующий этнос около двух тысяч лет вплоть до начала XVIII в. В зонах контактного соприкосновения соседних племён с кыргызской территорией возникли соответствующие топонимические названия «хырғыс» — т.е. кыргызский. Вдоль таёжной периферии Хакасско-Минусинскую котловину окаймляют речки, именуемые «хырғыс чул» — кыргызский ручей (в русском произношении — киргизка, киргизюль, киргисуль, кургусуль и кургусюл), а июсские и абаканские степные просторы назывались «хырғыс чазызы» — кыргызская степь. По указанным топонимам можно очертить бывшие границы Кыргызского государства, которые в общих чертах совпадают с долиной Среднего Енисея. Именно здесь, как считают исследователи, сложился древний кыргызский этнос.

В 1207 г. старший сын Чингис-хана Джучи с монгольским войском вторгся в пределы Саяно-Алтая. Кыргызские князья — Оребек-дигин, Алдайар и Идей-Инал — после своего поражения признали власть монголов. Кыргызское государство потеряло политическую самостоятельность. Этническая культура подверглась трансформации, население было разорено и частично угнано в плен. Территория Хакасии была включена в состав монгольского государства, где составила один тумен¹.

После распада Монгольской империи в 1368 г. монголы потеряли свою власть над Кыргызской землёй. Вероятно, в течение XV—XVI вв. различные племенные группы Хакасско-Минусинской котловины под эгидой кыргызов образовали этнополитическое объединение «Хонгор» или «Хонгорай». Основанием для подобного заключения являются показания широкого круга источников и, в первую очередь, письменных документов XVII—XVIII в.в. Кроме того, богатое фольклорное наследие народов Южной Сибири сохранило для нас этноним «хонгорай» в качестве одного из старинных названий хакасов. В хакасском языке, в результате процесса стяжения гласных, это слово стало звучать как «хоорай».

¹ Тумен — область, где проживает 10 тысяч семейств.

Оно широко употреблялось в героическом эпосе, исторических преданиях, песнях, пословицах и загадках. Хакасское слово «хоорай» (с известными нам фонетическими вариантами: хоор, хоори, хоорый) есть поздняя форма от первоначального «хонгорай» (с письменными вариантами: хонгор, хонгорой). Бесспорным фактом служат языковые материалы народов Южной Сибири, где в одном случае одно и то же слово для обозначения хакасов и Хакасии звучит, то как «конгырай» (алтайцы, телеуты, монгольские урянхайцы, котты), то в стяженной форме «хоорай» (тувинцы, шорцы, челканцы, камасинцы).

Исторические имена, в разряд которых входит этноним «хоорай», передают нам дух прошедших времён и требуют к себе почтительного отношения. Иногда в хакасских преданиях хоорайский народ отождествляется не с современными хакасами, а с их предками, т.е. енисейскими кыргызами. Например: «Тадар чонның алнындағы чон хоорай полтыр», т.е. «Народ, живший перед тадарами (т.е. хакасами), был хоорай». «Иргиде хоорай чоны полтыр, оларның ханын Хоорай ханы тіцеңнер». — «В древности был хоорайский народ, их правителя называли Хоорай-хан». В большинстве случаев сказители связывают «хоорай» с хакасами: «Толы хоорай чоны тадар чон полган». — «Хоорайское сообщество являлось хакасским народом». «Хоорай чирі — Хакас чирі, ол туста хакасты хоорай тіцең полтырлар». — «Хоорайская земля — это Хакасия, в те времена (имеется в виду до присоединения к России — В. Б.) хакасов называли хоорай».

В первой половине XIX в. известный языковед М. А. Кастрен сообщал, что именем «хонгорай» обозначаются «вообще все татары (т.е. хакасы — В.Б.), платящие подать в Красноярск». Согласно представлениям телеутов, «кроме Алтая Бийского округа, есть ещё другой Алтай, больше этого, который называется Кунг-рай — Сагай». Алтайцы и особенно тувинцы называют сагаев и их соплеменников (т.е. всех хакасов — В.Б.) хонруями, — констатировал в 1842 г. П. Чихачёв. Во времена его путешествия слово хакас было совершенно неизвестно среди местных народов. В XIX в. у тувинцев местность Хоорай стала отождествляться с Минусинским округом. Со временем это название сузило своё значение и стало применяться к городу Минусинску. Отсюда, считает тюрколог Б.И. Татаринцев, и происходит тувинское обозначение города — «хоорай». Подобная эволюция слова произошла и в языке тофаларов, которые в XIX в. Красноярский округ и г. Красноярск стали называть Конгырай. Южная часть Саянских гор, начиная от водораздела р.Хан-Тегир, по-хакасски называлась Соян Сабыназы — Тувинские Сабинны, а северная, включая

долину р. Хан-Тегир, именовалась Хоорай Сабыназы — Хоорайские Сабиньы или Хоорай тайга — Хоорайская тайга. Со своей стороны тувинцы одну из вершин Западных Саян в честь своих северных соседей именовали Хоор тайга. Все их великие шаманы получали свой дар от «хоор албысов», т.е. хоорайских духов, которые происходили из Хоор тайги и Хакасии. На карте Сибири XVIII в., составленной Ф.И. Страленбергом, долина р.Абакан и горный хребет Западных Саян обозначены как территория Хонгорай.

Название Хонгорай применялось и в русском дипломатическом языке. Когда в 1707 г. был построен Абаканский острог, то в письменных документах отмечалось: «На урочищах Хонгорая русские люди поставили город», «И тот Хонгорая — ...киргис, уранхай(имеется в виду население долины р.Абакан — В.Б.), моторы их кочевия».

Аутентичность данного термина подтверждается рядом устойчивых парных сочетаний, употребляющихся в историческом фольклоре и ныне мало понятных. Например: Толы Хоорай (вероятно, сообщество, союз Хоорай), Тиле Хоорай (вероятно, Телеский Хоорай, ибо теленгиты почитали Хакасию как свою прародину), Ал Хоорай (вероятно, Золотой Хоорай), Таг Хоорай — Горный Хоорай и т.д.

Название «хоорай» относится к числу архаизмов, и поэтому ныне в разговорном языке его иногда смешивают с общим понятием народных масс. Подобные метаморфозы происходят и в других языках, когда историческое имя основательно забывается. Например, киргизы под словом «ойрот» понимают уже не джунгаров, а «народ, народные массы», монгольское «хун» (человек) можно сопоставить с именем давно сошедших с исторической арены хуннов и т.д. Кроме того, надо учитывать также и то, что первоначальный смысл многих этнонимов, как правило, восходил к понятию люди, народ, человек. До сих пор в современных алтайском, тувинском и киргизском языках есть слово «хор» (кор), обозначающее народные массы. По всей видимости, этноним «хонгор» восходит к этой основе. Отсюда можно сделать вывод, что название «хонгорай» имеет местное происхождение, ибо по глубокому убеждению многих исследователей, людьми могли считаться только свои соотечественники и никогда так не обозначали иноплеменников.

Согласно китайским летописям, хягасов (т.е. кыргызов) ещё называли вторым именем: гяньгунь (цзяньгунь). Не исключена возможность, что в этой китайской форме запечатлено название «хонгор». По крайней мере, уже в X в. восточные письменные источники отмечали племена кури (хори) «также

из хырхызов». Рядом с их местом обитания находился город Кемиджкет (город на Енисее — В.Б.), где была ставка кыргызского кагана.

По данным исторического фольклора, хонгорайский народ происходил от кыргызов. В речи сказителей употребляется устойчивое определение: «Хыргыстың тогус муң Толы Хоорай чоны». — «Кыргызский девятитысячный союз Хоорай». Действительно, роль кыргызской элитарной группы в Хонгорае была настолько велика, что даже русские служивые люди в XVII в. указанное этнополитическое образование называли Кыргызской землей. В хакасских преданиях, помимо определения «девятитысячный союз Хоорай», употребляется также «Түбен Хоорай» и «Түктіг Хоорай», которые, вероятно, можно отождествить с монгольской десятичной системой военно-административного деления на тумены и туки (провинция, где проживает 100 тысяч семейств). Данные исторического фольклора можно соотнести с указанием летописи Юань ши: «С приходом к власти династии Юань этот народ (цзилицзиси) разделили и создали девять тысяч дворов». Сопоставляя указанные факты, мы констатируем: во-первых, население Хакасии в XIII—XIV вв. входило в состав Монгольского государства и составляло тумен, который выставлял 9 тысяч воинов; во-вторых, формирование этнополитического объединения Хонгорай зародилось в условиях монгольской военно-административной системы. Хакасы, как и большинство тюркоязычных этносов, сложились уже после монгольского завоевания.

В XIX в., согласно свидетельству письменных источников, хакасские этнические группы представляли собой единое образование с общими чертами быта, общеразговорным языком, одинаковой культурой и самоназванием «тадар». Факт преемственности кыргызов и хоорайцев, с одной стороны, и хоорайского народа с хакасами, с другой стороны, не вызывает сомнений¹.

В антропологическом отношении хакасы принадлежат к большой монголоидной расе, однако с явными следами европеоидной примеси. Согласно мнения известного антрополога В.П. Алексеева, эти черты их внешности восходят

¹ Среди некоторых хакасских ученых существует и другая точка зрения на этот вопрос. См. напр. работы Л.Р. Кызласова, И.Л. Кызласова и др. (примеч. ред.)

к древнему типу тагарского населения (VII — I вв. до н.э.). Носители этой культуры были «с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами». Однако в данном случае надо учитывать тот факт, что с XVIII в. идёт процесс метизации коренных жителей с русскими соседями, продолжающийся вплоть до наших дней.

В Сибири выделяют два антропологических типа смешанного происхождения — южносибирский и уральский. Степные качинцы, сагайцы и койбалы относятся к южносибирскому типу, а подтаёжная часть сагайцев и кызыльцев — к уральскому. Однако антрополог А.И. Ярхо отметил, что «хакасские племена обладают общими признаками, составляя в антропологическом отношении известное единство». В героических сказаниях, созданных, вероятно, в эпоху позднего средневековья, внешний вид хакасских богатырей представляется таким: «обладающие сверхбелой кожей лица, с тонким станом, с чёрными черёмуховыми глазами, с круглой головой». И ныне физический тип хакасов соответствует фольклорным показаниям.

Надо сказать, что суровый климат Саяно-Алтая естественно повлиял на склад характера местных жителей. Хакасские мужчины сдержаны, выносливы и немногословны. Не зря бытует среди них пословица: «Внутри мужчины сдерживается оседланный конь, готовый к бегу». Хакасские женщины — это трудолюбивые хозяйки, искусные мастерицы и надёжные жёны. Не зря говорят: «Дорогу мужчины украшает женщина».

Хакасский язык относится к уйгуро-огузской группе тюркских языков. Он составляет особую хакасскую подгруппу, куда входят близкородственные языки фуюйских кыргызов и сары-уйгуров Китая, а также шорцев и северных алтайцев: кумандинцев, тубаларов и челканцев. Хакасский язык — тадар тілі — является основным языком общения коренного населения Республики Хакасия. Согласно классификации С.Е. Малова, он относится к древним тюркским языкам. Географическое положение Хакасско-Минусинской котловины, окружённой малопроезжими Саянскими горами, и местонахождение хакасов на северной периферии тюркского мира способствовали изоляции хакасского языка от сильного влияния южных соседей и консервации лексического состава. Исторически хакасский язык восходит к древнекиргизскому языку. Основной словарный фонд его составляет общетюркский лексический пласт.

Хакасы к началу XX в. полностью (свыше 95 %) сохранили свой родной язык. Однако в конце этого века, к 1989 г., родным языком владело уже 76 % (правда, среди сельских жителей процент владеющих доходит до 84,5 %). Утрата родного языка находится в прямой зависимости от смешанного расселения, особенно там, где доминирует нахлынувшая масса русских переселенцев.

За время пребывания в царской России заметно выросла численность хакасов. В течение XIX в. хакасское население увеличилось в два раза и достигло к 1897 г. 41 тыс. человек. Сравнительно высокий уровень прироста хакасов компенсировал процессы эмиграции в русские волости. Небольшая их часть, поселившаяся среди крестьян и казаков, оседала там, забывала свой язык, теряла национальные черты и переводилась в крестьянское или казачье сословие.

Традиционные хакасские селения — аалы — меняются на глазах. Если в 1928 г. в Хакасии из 567 поселений насчитывалось 295 чистых хакасских аалов (43,9 %) и 84 аала (12,5 %) с примесью русского населения, то в настоящее время таковых осталось не более 100. Такому процессу способствовала коллективизация 1929 — 1930 гг., а затем преобразование колхозов в совхозы в 1957 г.

В городах, возникших в Хакасии только в советское время, формируется городское население. Как отмечают исследователи, доля горожан среди хакасов росла высокими темпами. Так, с 1970 по 1979 годы их удельный вес повысился с 17,6 % до 27,3 %. В 1989 г. из 80328 хакасов 34736 (43 %) были горожанами, а 45592 (57 %) — сельскими жителями. В Абакане хакасы составляют около 10 % всего населения. Архитектура городов Хакасии не отличается своей оригинальностью. Сделаны только первые попытки строительства общественных зданий с учётом этнических традиций. Например, кафе в виде юрты на курорте Шира, аэропорт в г. Абакане, проект музея им. Н.Ф. Катанова в с. Аскиз и др.

Хакасская интеллигенция сложилась из людей административно-управленческого аппарата и массовых профессий. Подготовка творческих кадров происходит в основном за пределами Хакасии. Многие из них, не устроившись на родине, вынуждены искать счастья за пределами Хакасии. Первое поколение хакасской интеллигенции было почти полностью ликвидировано в 1937—1938 гг. Современное поколение отличается своими демократическими настроениями. Оно широко включилось в движение за возрождение национальной культуры и в борьбу против этнической ассимиляции.

Г Л А В А I . ХАКАССКО-МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА—ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ ХАКАСОВ

§ 1. Естественно-географические условия

Территория Хакасии занимает западную часть Хакасско-Минусинской котловины и равняется 62 тыс.км². Протяженность с севера на юг 425 км, а ширина в наибольшей части 210 км. Эта площадь с юга ограничивается горными хребтами Западных Саян, с запада — Кузнецким Алатау. С восточной стороны Хакасию окаймляет р.Енисей, а по северу проходит Солгонский кряж, отделяющий районы Красноярского края.

В Хакасии выделяются три климатические зоны: степная, лесостепная и таёжная.

Степная зона охватывает территорию Хакасско-Минусинской котловины с абсолютными высотами до 500 — 600м, составляя 1/3 пространства Хакасии. Здесь находится основная часть всех поселений. Степная зона является базой скотоводческого хозяйства. Зона характеризуется континентальным и засушливым климатом: в среднем количество осадков 250 — 350 мм. Особенно мало осадков выпадает зимой (около 10 %). Поэтому зимы в степной зоне малоснежны. Кроме того, постоянно дующие ветра уносят и этот небольшой снежный покров. Иногда зимой бывают оттепели, после которых сильные морозы превращают значительные пространства степи в ледяные участки (сойгах). Скот у хакасов круглый год пасся на подножном корму. Весенняя гололедица (ўлегін) приводила ранее к гибели большого количества скота.

Северный холодный ветер, проникающий зимой в долину Среднего Енисея, называется по-хакасски «хыйан». От пронизывающего насквозь ветра часто погибал слабый скот. Зимой сухой и очень морозный воздух (тот) обжигал кожу лица и рук. От тота голые, не покрытые снегом участки степи сильно про-

мерзают и становятся твёрдыми, как камень. Такие места (тондах) были опасны для неподкованных лошадей, которые на них, в отличие от коней монгольской породы, повреждали себе ноги.

Летом в степях стоит жаркая, сравнительно маловетренная погода, от которой травы выгорают. Недостаточная увлажнённость степей, особенно в вегетационный период, требует применения искусственного орошения покосов и пашен.

Лесостепная зона расположена в предгорьях Саян и Кузнецкого Алатау на высоте 600 — 800 м над уровнем моря. Она характеризуется умеренно-континентальным и более увлажненным (350 — 450 мм осадков) климатом. Зима здесь теплая, чем в степях, а лето холоднее. Весна наступает позже. В конце лета — начале осени бывают ранние заморозки:

Лесостепная зона — это район древнего земледелия. Достаточная влажность не требовала здесь дополнительного орошения, а черноземные почвы меньше подвержены ветровой эрозии. В этой зоне имелись незначительные посевы озимых культур.

Таёжная зона охватывает обширные горные массивы Саян и Кузнецкого Алатау, расположенные выше 800 м над уровнем моря. Здесь холодный климат, большая влажность (1000 мм осадков). Зона тайги являлась лесным фондом и, главное, местом охотничьего промысла.

Население степных районов занималось в основном скотоводством, у жителей лесостепных районов хозяйство носило скотоводческо-земледельческий характер. Население таёжных и подтаёжных районов сочетало скотоводство с охотничьим промыслом.

В Хакасии насчитывается более 150 рек. На протяжении 300 км окаймляет территорию Хакасии река Енисей, принимающая в себя на этом отрезке пути крупный левый приток — реку Абакан — длиной 450 км. На севере протекает р. Чулым, образовавшаяся из слияний Черного (160 км) и Белого (150 км) Июсов.

В XIX в. реки изобиловали рыбой, а заливные луга были прекрасными сенокосными угодьями. В начале лета, во время большой воды, хакасы по рекам сплавливали на плотках лес для продажи в Минусинске, Красноярске, Ачинске, Томске.

В хакасских степях насчитывается до 120 различных озёр. Многие из них имеют рыбохозяйственное значение. В солёных озёрах — Шунет, Хызылкуль, Тустукуль и других — добывали соль и бузун (глауберова соль).

На территории Хакасии широко представлены различные виды полезных ископаемых: драгоценные металлы, минеральное сырьё, месторождения угля и др. До сих пор встречаются следы древних разработок железа и меди.

Хакасия является частью Саяно-Алтайского нагорья. Поэтому хакасы считают себя горным народом (тагдаң төреен чон). Согласно мифическим представлениям, их далёкий предок женился на дочери горного хозяина «таг ээзи», от брака которых и произошёл хакасский народ. По народным представлениям также считается, что национальный костюм хакасов заимствован от одежды «горных хозяев». Даже конское убранство якобы тоже взято от них. Таким образом, хакасы связывают своё происхождение с горами и реками своей этнической территории.

С древнейших времён Хакасия имела караванные пути с Монголией, Китаем, Тибетом и Средней Азией. В эпоху Кыргызского каганата существовала кыргызская ветвь Великого шелкового пути. Через Саянские хребты шли дороги, соединяющие с соседней Тувой. Одной из древнейших надо считать дорогу по долине р.Аны (Аны суғ). Этот путь упоминался ещё в древнетюркских рунических памятниках VII—VIII вв. Например, в 710 г. через Саяны по р. Аны прошла армия тюрков под командованием Тоньюкука. Зимой сообщение с южными соседями осуществлялось по руслу р.Енисея. С конца декабря по замерзшей реке везли грузы на санях.

Через Кузнецкий Алатау имелся старинный торговый путь вверх по долине р.Таштып до р.Торсуг. Отсюда колесная дорога переходила в удобную и проторенную конную тропу через перевал на р. Кобырза и в долину р.Мрассу. По этой дороге в XIX в. возили хлеб и прогоняли гурты рогатого скота в города Бийск, Кузнецк и на золотые прииски.

§ 2. Историческая топонимика

Через Хакасско-Минусинскую котловину протекает одна из великих рек мира — Енисей, именуемая по-хакасски Ким (Кем). Последний гидроним известен по письменным источникам, начиная с VI в.н.э. В отличие от Тувы, где термин «хем» употребляется в широком значении «река», в Хакасии под этим словом понимается только Енисей. В бассейне среднего Чулыма имеется крупный приток Кемчуг, который по-хакасски также носит название Кем. Он катит свои воды со стороны Енисея и, вероятно, поэтому был назван в его честь. Хакасы, живущие по Чулыму, употребляют ещё гидроним «Чеңзей» для нижнего течения Енисея (от слияния его с Ангарой и до устья). Заслуживает внимания топоним «Чеңзей тайгазы» (букв. Енисейская тайга), под которым понимаются места обитания енисейских эвенков. Вероятно, гидроним «Чеңзей» был заимствован от них (ср. эвенкийское «Ионеси» — Енисей).

Самым крупным левым притоком Енисея является Абакан (по хакасски Абыган, Агбан). В китайских летописях имеется сообщение, что кыргызы в VI в.н.э. основали своё государство «между реками Афу и Гянь», т.е. Абаканом и Енисеем. Согласно хакасскому фольклору, в древние времена степная долина Абакана была покрыта дремучей тайгой (Ап сабага). Нетрудно увидеть в последнем топониме общий корень «абы», восходящий к самодийскому слову «бы» (би) — река, вода.

Правым крупным притоком Енисея на территории Хакасско-Минусинской котловины служит река Туба, называемая по хакасски Упсү. В русских документах XVII в. она упоминалась как Упса. Современное русское название происходит от этнонима «туба», ибо в долине этой реки обитало племя тубинцев. Топоним «Упсү» впервые зафиксирован в письменных источниках XIII в. В летописях династии Юань даётся следующее описание Кыргызской земли: «Река Цяньхэ (т.е. Кемсуг—Енисей — В.Б.) как раз протекает через центр их владений и течёт на северо-запад. Кроме того, на юго-западе есть река под названием Апу (т.е. Абыган—Абакан — В.Б.), а на северо-востоке Юсуй (т.е. Упсү—Туба — В.Б.)... Все они собираются в Цянь и стекают в реку Ансала (т.е. Ангара — В.Б.), а на севере впадают в море». Китайское название р.Юсуй здесь нельзя отождествлять с Июсами, ибо в указанном источнике ясно говорится о восточном притоке Енисея. Кроме того, гидроним «Упсү» в некоторых районах Хакасии произносят «Уссү».

Река Чулым по-хакасски называется Ўус. Этот гидроним происходит от древнетюркского слова «үгүз» — река. В Хакасии берёт начало р. Томь (по-хакасски Том), имя которой восходит к кетскому «том» — большая река.

Кузнецкий Алатау величался Ўлгенниг сын, т.е. Великий хребет. Согласно народным представлениям, он, не прерываясь, опоясывает всю землю, проходя с севера на юг, как водораздел между Енисеем и Обью, затем на юге сливается с Алтаем, Тянь-Шанем и Тибетом.

Саянский хребет (Саянский Камень) получил своё русское наименование в XVII в., когда Россия вступила в контакты с народами Южной Сибири. Ороним восходит к хакасскому термину «соян» — тувинец, и в переводе обозначает Тувинские горы.

У хакасов Саяны известны как Сабына сын. Название происходит от снежного пика Сабына тасхыл — г.Шабина-Дабага, стоящего в верховьях р. Хан-Тегир. В 1727г., согласно Кяхтинскому миру, на перевале г.Шабина-Дабага был установлен пограничный знак между Россией и Китаем. С этих пор топоним «сабына» занял своё место в хакасском и тувинском языках.

В памятниках древнетюркской письменности и арабо-персидских источниках X — XI вв. Саяны назывались «Көгмен». Данный топоним до сих пор сохранился в форме «Көйпен» (буквы «м» и «п» обычно чередуются в хакасском языке). На древнем пути из Тувы в Хакасию (через Саяны по р.Аны) в верховьях р.Джебаш находится снежный пик Көйпен тасхыл, именуемый по-русски также Копёны. Сохранившийся в народной памяти древнетюркский топоним Көйпен < Көгмен свидетельствует о культурной преемственности хакасов с прежними обитателями Саяно-Алтая. Современные оронимы «саяны» и «сабына» сравнительно позднего происхождения, связанные с историческими событиями XVII — XVIII вв., отражают этнические границы двух народов.

Среди снежных пиков Западных Саян выделяется величественный пятиглавый Борус — священная для каждого хакаса горная вершина. Как гласят предания, в древние времена на территории Хакасии жили кыргызы. Среди них был вещий старец по имени Борус, который узнал о надвигающемся всемирном потопе. Борус соорудил железный корабль, на него посадил всех зверей и птиц. Лишь арғылан (мамонт) и птица хан-киреті (гаруда — двуглавый орёл с телом человека) отказались сесть на него, т.к. рассчитывали на свои силы. Но на 39-й день птица не выдержала, села на голову плывущего арғылана, и они

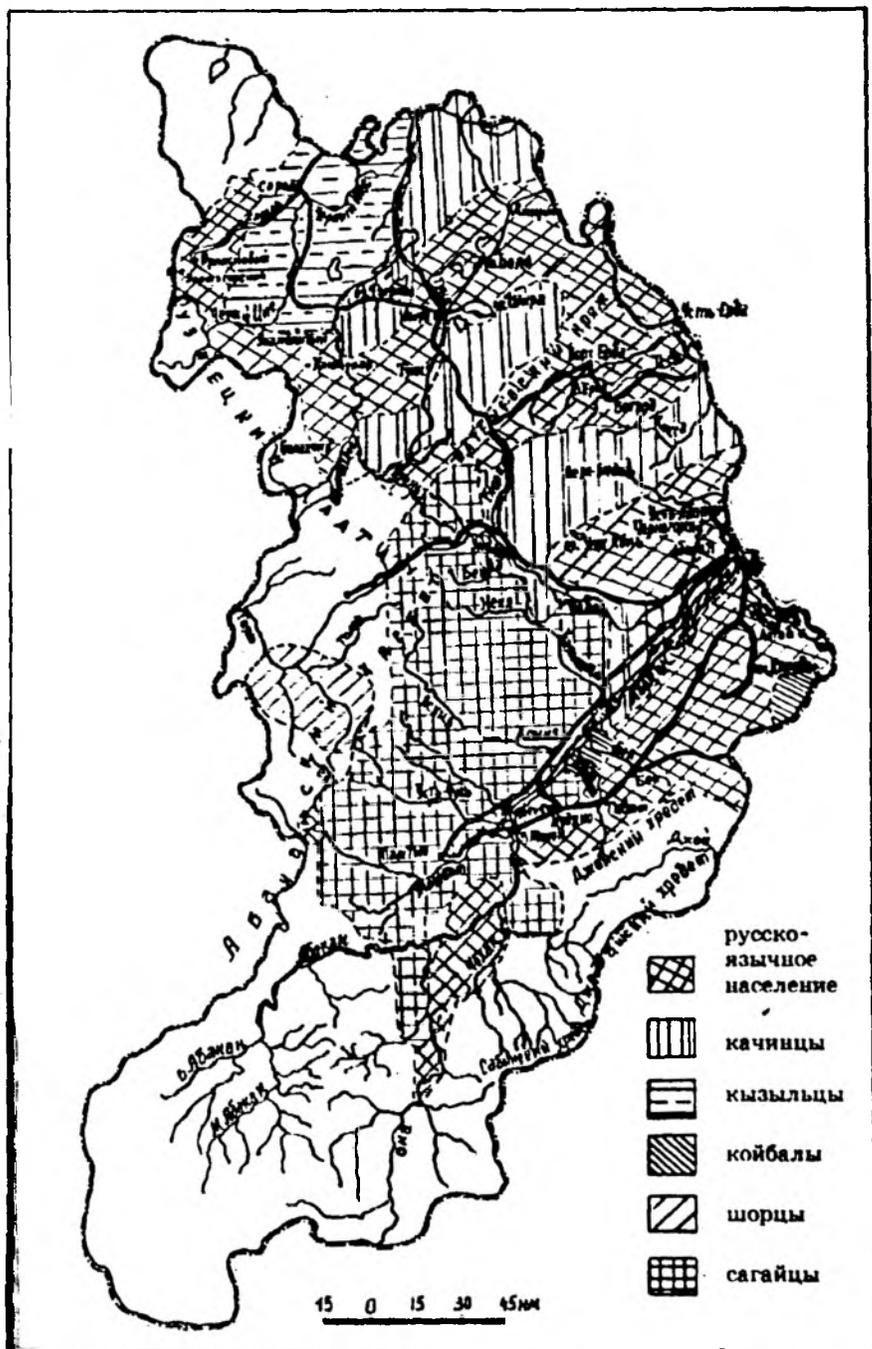
оба утонули. С тех пор, говорят, мамонты и вымерли. Через 40 дней вода стала убывать, и Борус пристал к берегу показавшейся суши. Это оказалось одна из высоких горных вершин Саянского хребта, которая в честь хакасского Ноя и была названа Борусом. От Боруса родились сыновья, ставшие родоначальниками хакасских племенных групп.

В южной Хакасии находится небольшое озеро Алтын кель (букв. Золотое озеро). Легенды гласят, что однажды в голодный год один крупный бай не смог обменять кузок золота, величиной с лошадиную голову, даже на чашку зерна. В отчаянии он бросил золото в это озеро, и с тех пор оно зовётся Алтын кель. Совершенно идентичная легенда бытует на Алтае, где Телецкое озеро известно как Алтын кель. Одинаковые топонимические названия и общие сюжеты легенд свидетельствуют о древних этнокультурных связях народов Саяно-Алтая. Названия крупных рек и великих гор Хакасии давно покрылись «сединой». Они раскрывают нам исторические события, смену языков, отражают былую границу этнических территорий и т.д.

§ 3. Заселение русскими Хакасско-Минусинского края

Начиная с 1727 г. Хакасско-Минусинский край начал обживаться русским населением. Первыми жителями стали казаки, поэтому до сих пор хакасы русских называют «казах». В 1725 г. на «означенном» месте для строительства Саянского острога возникла д.Означенная (по-хакасски Хара тас), одна из первых русских деревень на территории Хакасии. Спустя 40 лет в Хакасско-Минусинском крае насчитывалось около 40 крестьянских поселений (почти все на правобережье Енисея).

Многие русские деревни появились на местах кочевий хакасов. Так, например, д.Курагино (Хурага-тура) была названа в 1730 году по её основателю, кыргызскому князю Кураге. В 1744 г. образовалась д.Сенявино (Орешково), в которой поселились потомки Кузнецкого воеводы Б. Сенявина, рожденные от плененной им кыргызской девушки. В конце XVIII в. они приняли фамилию Орешковых. Вероятно, хакасские фамилии легли в основу названия деревень: Аёшка, Кокорево, Батени (Батенево), Пойлово и др. Объектом особого внимания стали богатые недра

Этническая карта Хакасии на 1990 г.

Хакасии. С 1736 г. возникли Майнские, Сырские и Базинские медные рудники. Они до сих пор у хакасов называются «Хазах хасхан» — русские копи.

В 1758 г., когда в связи с разгромом Джунгарии, Цинская армия вторглась на Алтай, на хакасском участке русско-китайской границы царское правительство в спешном порядке разместило казачьи гарнизоны. На месте бывших хакасских караулов были образованы станицы и форпосты — Таштып, Арбаты, Монок, Шадат (Каратуз), Кебез. С 1758 г., когда пограничную службу стали нести казаки, произошло фактическое закрепление Хакасии за Российским государством.

Во второй половине XVIII в. среди хакасских селений стали возникать русские деревни. В 1780-х гг. два брата Солдатовы из д. Каптыревой поселились по р.Калы и образовали д. Калы. В 1825 — 26 гг. было открыто Сабинское поселение. В 1780 — 90 гг. при хакасских юртах крестьянин И.Я. Байкалов основал д. Бею. В это же время возникает д. Табат. Многие русские деревни возникли на месте бывших хакасских аалов, жители которых перешли на оседлый образ жизни. В 1850 г. Н. Костров зафиксировал, что д.Когунек «образовалась из инородцев, перечислившихся в крестьяне», а д. Табат «состоит вся из оседлых инородцев». Согласно статистическим данным, за 1875 г. в д. Новомарьясово и д. Означенной полностью проживали оседлые хакасы, а в д. Листвягово, Шунеры, Бородино они составляли около 50 %. В течение XVIII в. русские крестьяне и казаки заняли хлебопахотные земли восточной части Хакасско-Минусинской котловины, а коренные жители были оттеснены в степи левобережья р. Енисей. Только с организацией степных дум в 1822 г. произошло официальное закрепление хакасской территории за коренным населением. На основании § 31 «Устава об управлении сибирских инородцев» русским запрещалось селиться на землях хакасских ведомств. В силу этого положения русское население в Хакасии было незначительным. В пределах своих ведомств хакасы сохраняли мононациональные образования, составляя около 98 % всех жителей.

§ 1. Скотоводство

Традиционным занятием хакасов было скотоводство полукочевого типа, максимально приспособленное к местным природным условиям. Скотоводческое направление хозяйства в долине Среднего Енисея установилось уже в эпоху средневековья. В 1253 г. Вильгельм де Рубрук сообщал, что к северу от монголов «также нет ни одного города, а живёт народ, разводящий скот, по имени Керкисы» (т.е. кыргызы — В.Б.).

Хакасско-Минусинская котловина являлась одним из древнейших скотоводческих очагов Сибири. Основными видами стада здесь были лошади, крупный рогатый скот и овцы. Поэтому хакасы называли себя трёхстадным народом. Лошади использовались как убойный скот на мясо и как средство передвижения. Кроме того, от них получали молочные продукты. Кобылиц доили три раза в день с подпуском жеребят, которых привязывали рядом к специальной коновязи — «чиле». В больших кожаных сосудах «пулхунцах» заквашивали кумыс. В XIX в. его производство почти прекратилось в связи с широким распространением айрана. Наличие табунов свидетельствовало о зажиточности хозяина и поднимало его престиж среди скотоводов. Многие байские фамилии предпочитали разводить коней определённой масти. В хакасском языке имеется до 90 названий различных оттенков мастей лошади, что говорит о древности коневодства. Выработана специальная терминология для половозрастного определения животных. Например: «хулун» — жеребёнок, «пугба» — жеребёнок, рождённый летом, «кёрбе» — жеребёнок, рождённый осенью, «хулбан» — жеребёнок, рождённый зимой, «сып» — годовалый жеребёнок и т.д.

Хакасы знали до 12 способов стреноживания коней. Табуных лошадей ловили при помощи лассо — «урух». В основном пастухи кидали лассо стоя с земли и набрасывали его или на

шею, или, пуская кольцо аркана по земле, накатывали на две передние ноги бегущей лошади. Если лассо бросали с верховой лошади, то конец его закрепляли за седло способом «тапчор». Аркан пропускался с левой стороны под седло, затем под брюхо и через левое стремя выводился и затягивался на передней луке седла. Для того, чтобы поймать в степи убегающую лошадь, пользовались укрюком (ур агас). Укрюк — это длинный тальниковый шест с закреплённой петлей аркана на конце. Табунщик верхом на коне догонял бегущую лошадь и укрюком, одев петлю на шею, заарканивал её. В XIX в. укрюк вышел из употребления в связи с сокращением табунного коневодства. Им продолжали пользоваться только конокрады.

Основная порода местных лошадей была «степная, киргизская, оставленная прежними обитателями степей по Абакану и Енисею». Табуны паслись круглый год в степи и в горах на подножном корму. Лошади ходили косяками, охраняемые жеребцом. Средний косяк состоял из одного жеребца и 20—30 кобыл с жеребятками. Лошади уходили за 10 — 50 км от аала, где вольно паслись на своих отдалённых пастбищах. Зимой табуны укрывались в малоснежных горах. В долине Абакана такими благоприятными местами были горы Сахсаар, Саар, Сарой и др., а в Июсских степях — горы у оз. Белё. Вообще площадь у оз. Белё была выгоном общего пользования. Здесь на территории до 1000 км² не имелось ни селений, ни посевов.

Во время снежной зимы лошади способны копытить и доставать корм из-под снега глубиной до полуметра. Большой урон хозяйству приносили ранние весенние оттепели, после которых земля покрывалась ледяной коркой. В период весенней гололедицы «үлегін» лошади страдали от недостатка подножного корма. К весне скот настолько ослабевал, что не в силах был тебеневать. Истощённый за зиму скот носил название «көдiрткен мал», т.е. скот, который надо поднимать. Хакасский обычай требовал, чтобы каждый проходящий мимо обесиленного животного дал ему корм и помог подняться.

Рабочие лошади зимой держались на приколе — «брген». Осенью около аала вбивались колья. Для одного коня нужно было установить 40 кольев, на расстоянии двух арканов друг от друга. Зимой к ним привязывали коня, который находился на подножном корму. За работу по установлению 40 кольев платили овцу. Если кто-нибудь зимой использовал чужой «брген», то хозяин имел право подать на него в суд и требовать возмещения убытка. Во второй половине XIX в. рабочих лошадей стали держать на скотных дворах. Чтобы прокормить коня, надо было заготовить один стог(улам) из 50 копен, по 5 пудов каждая.

Обессиленную рабочую лошадь летом отпускали в степь отдохнуть и нагулять жир. Такая форма отгула называлась «хур». Отпущенный в степь конь «хур ат» за лето полностью поправлялся. Осенью его уже употребляли в работу. Рабочие лошади использовались под верховую езду и для гужевого транспорта. Крупный рогатый скот сдавали под присмотр пастухов. Однако зимой его держали во дворах и по возможности пускали кормиться на аальный выпас — «аал сагы», а на ночь загоняли в крытые хлева. В течение зимнего сезона на одну корову требовался стог сена в 30 копен, по 5 пудов каждая. В зимниках для дойного скота устраивали тёплые хлева (інек хазаазы), молодняк и яловый скот держали в полукрытых сараях (сеер), а для телят делали обмазанную кизяком клетушку — «кирпе». Весной, когда ещё не появилась зелень, коров выводили пастись на прошлогоднюю отаву — «ниге», а осенью выгоняли на острова кормиться сухой травой — «хоот».

Для коров в хлеву насыпали подстилку «чадын» из прошлогоднего сушёного навоза. Зимой, при чистке скотных дворов, весь кизяк сгребали во дворах в кучу, а летом перекапывали и боронили. Когда навоз перегорал и становился сухим, его рассыпали в коровниках. Дойный скот давал основное летнее питание. Из молочных продуктов хакасы могли приготовить до 40 различных видов блюд.

Доение осуществлялось подсосным способом. Для телят на летниках делали специальные привязи — «чиле». Аркан длиной в 6 — 10 м привязывали с двух сторон к коням. От него отходили постромки (чыхта), к которым за ошейник (мончар) прицеплялись телята. Вечером телят подпускали к коровам. Как только корова отпускала молоко, их за ошейник привязывали к чиле. Если погибал телёнок, то из его шкуры делали чучело (тулуп), который при дойке ставился перед коровой. Последняя облизывала его, принимала за живого и давала молоко. Чтобы телята не сосали вымя матери, им на морду прикреплялась деревянная дощечка — «тыбых» или четырёхугольная рамка — «морхах». Для двухлетних телят-торбаков вдевали в носовую перегородку заострённую с двух сторон рогульку — «сіс». Упрямого и непослушного телёнка, который постоянно убегал, связывали за ошейник и за хвост в пару со смиренным собратом. Такой способ умирения назывался «хозахтаан пызо».

Лошади и коровы относились к крупному скоту — «чоон мал». Если крупный скот достигал количества 100 голов, то в разговоре употребляли выражение «множество скота». Их хозяин уже слыл баем.

Местная порода овец с плотной шкурой и жёсткой шерстью была хорошо приспособлена к суровым зимним условиям Хакасии. «Овцы, коих они держат великими стадами, суть ублюдки от калмыцких и российских, они имеют более согнутые носы и висячие уши» — сообщал известный путешественник XVIII в. П.С. Паллас. В XIX в. основной вид местных овец имел чёрную шерсть. Однако ещё в XVIII в. обыкновенными считались белые с чёрными или пёстрыми головами, сохранившиеся до сих пор в северо-западной Монголии. Вероятно, они относились к наиболее древней местной породе, ибо вплоть до XX в. при жертвоприношении небу и горам забивались только белые овцы с чёрной головой. Отары овец круглый год держались на подножном корму. Баи нанимали для себя годовых чабанов. Каждая отара, сдаваемая чабану, насчитывала до тысячи голов. Малоскотные хозяева одного аала объединялись в коллектив по совместному выпасу овец, где соблюдалось правило очередности — «теес». Каждый хозяин ставил свои знаки собственности — метки (ин) — на ушах овец. Хакасами была выработана специальная терминология, насчитывающая более 15 названий различных меток.

Зимой овец пасли в укрытых от ветра ложбинах у незамерзающих родников. Для отары делались специальные загоны. Они огораживались ветлой (карганой). Каждый хозяин привозил по два воза карганы. Затем нужное пространство огораживалось и огребалось снегом. Со временем вокруг загона «харгана хазаа» наметались высокие сугробы, которые защищали овец от ветра. Рядом с ним выкапывали землянку (чир иб) для чабана. Внутри ставилась железная печка. Окон не было. В верхнем углу делали отверстие для входа, которое завешивалось войлоком или шкурой. Для слабых овец существовали специальные полуземляные клетушки — «сулан», где их подкармливали сеном. Иногда обессиленный молодняк держали прямо в землянке чабана.

В феврале, когда солнце начинало пригревать южные склоны гор, образовывались проталины. Сюда на обнажённую прошлогоднюю траву выпускали пастись овец. Рыхлый тающий снег служил питьём. В апреле аалы перекочевывали на весенники (частар). Каждая семья составляла отдельный табор. В это время в степи вырастали первые лютики (хой порчозы), от которых овцы быстро поправлялись и набирали силу. Весенник имел второе название «мал пазы», т.е. начало скота, ибо здесь происходил массовый окот овец. В это ответственное вре-

мя за скотом ухаживали сами хозяева и члены их семей. Пастухам не доверяли. Как гласила хакасская пословица: «Чӱрген кизи саарсых харахтыг» — «Работник имеет всего один глаз».

С мая до октября держали баранов отдельно от овец. За пастьбу (хадарию) баранов баи платили по 10 коп. с головы. Если чабан допускал падёж, то высчитывали штраф «мойны» в десятикратном размере, по рублю с головы. Обычно на 10 овец пускали одного барана. Остальных баранчиков холостили в мае.

Овец доили подсосным способом. После подпуска ягнят привязывали к овцевязи «чӱне». В XIX в. овец доили только в редких случаях, когда среди молочного скота был мор (сырхаа). Мелкий рогатый скот давал хакасу мясо, кожу и шерсть. В 1850 г. овец в четырёх степных думах насчитывалось 75918 голов (из них в Качинском ведомстве — 49722 или 65 %). Через 40 лет, в 1890 г. их число возросло вдвое, до 160301 головы.

Разведением коз хакасы практически не занимались. По отношению к ним существовало много различных суеверий. Например, коз считали скотиной, которую создал бог подземного царства Эрлик хан. У хакасов даже не было выработано специальной терминологии для половозрастных названий этого животного. Как правило, они паслись вместе с овцами. Ещё в начале XIX в. коз доили также как овец, коров и кобылиц. Но во второй половине XIX в. козье молоко почти не употребляли и коз держали в основном из-за мягкого пуха. Из пуха вязали ошейники для телят, варежки и т.д., а из шкур шили тёплые тулупы.

Общая численность скота в хакаских ведомствах определялась на 1917 г. в 461827 голов. По всей Восточной Сибири не было ни одного района с таким развитым скотоводством, как в Хакасии.

В условиях полузасушливых степей Хакаско-Минусинской котловины развитие скотоводства было связано с перекочёвками на сезонные пастбища. В XVII в. русские документы отмечали: «А Киргизская де земля кочевная, живут в избах полстяных /т.е. юртах — В.Б./, а ходят в шубах и зипунах, а едят рыбу и зверь бьют, а бой у них лучной. Лошадей и коров и овец много, хлеба не сеют и не родица». Спустя два столетия, в 1842 г. Койбальская дума признавала, что хакасы «ведения сего родоначалия есть кочующие инородцы, не занимающиеся от природы никогда хлебопашеством, а единственно имеют только пропитание от одного скотоводства, и частью звероловства, переходя ежегодно с одного места на другое в ведомстве своём...».

В первой половине XIX в. байские хозяйства меняли кочевье четыре раза в год, бедные не больше двух. «Кочевая жизнь не есть привычка, но необходимость, происходящая из порядка вещей: кочующие гоняются за травой; если скот вытопчет, выест траву в одном месте, тогда необходимо перегнать его на траву ещё нетронутую».

Перекочёвки со скотом совершались по давно выработанному маршруту и на определённые пастбища. Вплоть до XIX в. всё имущество перевозили, навьючивая на коней, или грузили на волокуши. Например, чтобы перевезти одну войлочную юрту, требовалось навьючить три коня. Остальной скарб грузили на волокуши (салалчы). До присоединения Хакасии к России здесь сенокосение не практиковалось. Но уже в первой половине XIX в. оно прочно вошло в жизнь местного населения.

§ 2. Охота

На протяжении XVIII — XIX вв. значительное место в хозяйстве хакасов (кроме качинцев) занимала охота. Она была чисто мужской профессией. Женщинам не разрешалось прикасаться к оружию. Юношей приучали к охоте с 15 лет. Ко времени совершеннолетия они становились самостоятельными охотниками.

Первый промысел пушных зверей начинался с сентября — октября. Осенью выезжали в тайгу на лошадях и с собаками-лайками (пагырцаң адай). Лайка выслеживала белок, загоняла их на дерево и лаем сообщала хозяину о добыче. В 1827 г. во всех четырёх ведомствах насчитывалось 5753 охотничьих собак. В конце ноября, после выпадения глубоких снегов, охотники возвращались домой. В это время они уплачивали албан за вторую половину года. После уплаты ясака родовые князцы выдавали им боеприпасы: по килограмму пороха, свинца и т.д. В конце декабря — начале января охотники выходили в тайгу на второй сезон, который длился до конца апреля. Они отправлялись без коня и без собак, на лыжах и тянули за собой нарты (санах) с провизией. На одни нарты укладывали до 6 пудов груза (в основном продукты). Лыжи были подбиты камусом, поэтому при подъёме на гору они не скользили назад. На них развивали большую скорость и могли догнать бегущего по снегу марала.

Хакасский охотник на коне.

Фото из фондов Минусинского краеведческого музея

Таёжничать уходили обычно артелями (аргыс) в 5 — 6 человек. Жили в одном балагане (одаг). Запас продовольствия был общий, но порох и свинец у каждого свой. Согласно обычному праву, всю добычу артели после охоты делили между собой поровну (тиң үлес).

Руководил артелью опытный охотник, называемый «одаг пазы». По его имени назывался весь участок. Он, как самый старший, спал в почётном углу балагана (төр). В обязанности одаг пазы входило следить за порядком и дисциплиной в артели, получать от охотников всю дневную добычу, устраивать по случаю крупных успехов угощение — «той». Он отвечал за приготовление пищи. Утром и вечером члены артели питались из общего котла в балагане. На сутки охотник получал в паёк один хурут (хакасские сырцы в виде лепёшечки). Собакам для лёгкого бега давали по утрам один тохчах (колобок из талкана с маслом). После охоты одаг пазы приглашал всех членов артели к себе и угощал.

По представлению хакасов таёжные звери были якобы скотом «горных хозяев». Охотники обязательно по вечерам в балагане играли на хомысе (музыкальном инструменте) и рассказывали сказки. «Горные хозяева» любили слушать музыку и за представленное удовольствие посылали им добычу. В тайге нельзя было сильно радоваться удаче, жаловаться на

свою участь, называть вещи своими именами и т.д. Каждый убитый соболь торжественно отмечался всей артелью. Делалось угощение «албагы тойы». Сто белок по цене равнялись одному соболю. Поэтому, когда охотник набивал сотню белок, отмечался подобный же праздник под названием «тунчух тойы» — праздник одной связки. В одной связке насчитывалось 100 белок. Лапки от шкурок белок и соболей обычно отрезались. Из них делались меховые опушки «хума» для полы шуб. Например, для отделки одной полы шубы уходило не менее 300 беличьих лапок.

Охотились хакасы кремневыми ружьями (отыхтыг мылтых). Заряжались они со ствола. Произведя выстрел, охотники снова отсыпали мерку пороха, забивали пыжи и пули. Поэтому каждый охотник имел снаряжение из мерки для пороха (ирелдей), натруски (таар мүүзи), формочки для выплавки пуль (халып) и т.д. Вплоть до XIX в. хакасы пользовались наряду с ружьями ещё и луком со стрелами.

Хакасы использовали до 30 различных видов капканов и приспособлений для ловли зверей и птиц. На соболя охотились с сетью «чип», длина которой достигала до 80 м, а ширина — 1,8 м. Охотник по свежему следу находил его укрытие (обычно каменные россыпи или валежник) и вокруг раскидывал сеть. Затем соболя выкуривали дымом или ждали, когда он сам выскочит. Запутавшегося в сети зверька убивали тяжёлой лыжной палкой. Таким способом за сезон добывали в среднем 3—5 соболей. В конце XIX в. стали применять железные капканы, которые увеличили улов соболей в несколько раз. Капканы ставились в снегу под свежий след. Соболю, пробежав в одну сторону, обязательно возвращался след в след. Опытный охотник ставил по несколько десятков капканов, а затем ежедневно по «путику» ездил их проверять. Кроме того, на соболя ставили специальные плашки — «тахпай». Приманкой служила тушка белки.

В XVIII в. в Хакасии водились бобры (хундус). Хакасы специально выслеживали и разводили бобровые гнёзда. Один бобр равнялся по цене трём соболям. Не менее ценным считался мех выдры (хамнос). Одна выдра стоила 20 овец или соболя. Выдр и бобров ловили специальными сетями «пара» в виде длинных и узких вентерей с широкой горловиной. Лучшие выдры считались по р. Оне в верховьях р. Абакан. Одежда из меха соболя, бобра и выдры была только байским достоянием. Их шкурами платили албан и калым. Нередко во время ссор муж нарекал жену: «Садып алган сарыг хундузым». — «Купленный мой жёлтый бобр», намекая на уплаченный калым. До сих пор многие

Капсюльное ружье

Кремневое ружье

Ф о т о из фондов ХКМ г. Абакана

реки Хакасии называются Кундусук (хундус суф) — бобровая река, Хундустуюл (хундустыг чул) — бобровый ручей и т.д.

Для ловли диких коз на тропинках зверей (орых) вырывали специальные ямы — «күрүп» или устанавливали самострелы — «айа». Один охотник мог ставить до 150 самострелов. В июне, когда расцветал дикий пион, коз били, призывая манком — «сымысхы». Звук манка подражал голосу детёныша. Услышав сымысхы, самка выбегала к охотнику. Осенью, как только желтели деревья, на горных переходах устраивались засады (сах). Несколько человек загонщиков шли в обход и своим шумом гнали коз в сторону охотников. Добыча делилась поровну между стрельцами и загонщиками.

На маралов хакасы охотились у солонцов — «марачы». Рядом на дереве устраивали лабаз (пахпа), на котором ночью караулили зверей. Иногда делали ловушку — «хазаа». Для этого естественный солонец по кругу огораживали высоким частоко

лом. Входную дверь настораживали на чеку. Марал приходил на знакомый солонец, проникал через дверь внутрь, но чека срабатывала и захлопывала дверь ловушки. Таким способом ловили маралов для срезания пантов (сын муўзи). Целебные панты очень ценились китайскими купцами. Для сохранности их отваривали в солёной воде вместе с баданом.

Осенью, когда у маралов шёл гон, охотились с помощью горна — «пырғы». Звуки его подражали призывам самцов на поединок. Трубили в пырғы в сумерках, вечером и на рассвете, чтобы бегущий зверь не разобрался в ситуации. После удачной охоты звероловы, приближаясь к аалу, победно трубили в пырғы. Женщины и дети, услышав эти звуки, с радостью выбегали их встречать.

В Саянских горах водилась кабарга. Охотились на неё при помощи специальной ловушки — «тис». По гребням гор, где были переходы кабарги, делались длинные загороди. В них оставляли узкие проходы, где ставились волосяные петли (хыл). Кабарга бегала вдоль загороди и, устремившись в проход, попадала головой в петлю. Ловили её из-за дорогостоящей мускусной железы — «хайыр», находящуюся у самцов. Мускус очень ценился китайцами, монголами и другими народами Центральной Азии как сильнейшее лекарство.

Ещё в раннем средневековье восточные путешественники знали, что лучший в мире мускус добывался в стране кыргызов, т.е. в Хакасии.

На медведя охотились в январе, когда он крепко спал в берлоге. Обнаруженное логово охотник метил своей тмгой. По хакасским законам другой человек не имел права занимать меченое место. Охота на медведя сопровождалась сложными обрядами. Хакасы считали его братом человека. В силу религиозных запретов медведя нельзя было прямо называть «аба», т.е. медведь. Говорили иносказательно: «апчах» — старик, «аған» — дедушка, «хайрахан» — господин, «тир тон» — потная шуба и т.д., ибо боялись прогневать его своим неуважением.

Группа охотников отправлялась к найденному месту. Каждый из них занимал установленную позицию. Один охотник засовывал в отверстие берлоги небольшое ветвистое дерево — «сыгдаган» и им будил зверя. В этот момент самый старший охотник произносил заклинание: «идет китайское войско, закрывай двери свои, «чёрная покорность». Магическими словами он как бы снимал подозрение с хакасских звероловов. Разбуженный зверь в ярости тянул на себя просунутое дерево и

появлялся у загороженного входа берлоги. В этот момент ему стреляли в голову. Убитого медведя свежевали на месте. Череп вешали на дерево. Ночью устраивали поминки «аба тойы», т.е. медвежий праздник. По убитому медведю нарочно плакали и причитали со словами: «Абам өлді» — т.е. умер наш отец. Всю ночь не спали и рассказывали сказки под струны чатхана или хомыса.

Мелких зверей (барсук, горноста́й, колонок, ласка и т.д.) ловили петлями (тузах) и черканами (сіргей), которые обычно настораживали у выхода нор. На тропинках этих зверей ставили петлю — «чачырас». Её делали из белого конского волоса и привязывали за согнутый прутик. Когда зверёк попадался в петлю, то прутик разгибался и подвешивал тушку. Для того, чтобы заплатить полугодовой албан (3 рубля), сдавали 10 горностаев по стоимости 30 копеек за шкурку.

Для ловли водоплавающей птицы, различных пород уток и гусей ставили на воде петли «тузах», натягивали над водой «пара». Приспособление «пара» имело вид большого вязаного сачка, отверстие которого растянато через всю ширину реки. Плывущие по течению птицы попадали и запутывались в ней. Например, в 1826 г. Ф. Ачисов из аала Можары ставил на Белом озере для уток до 200 петель.

В степной части Хакасии существовала облавная форма охоты — «аб». Её участниками становились все жители аала. В связи с этим бытовала пословица: «Аал — күннің абы пір, вал — хончықтың хобы пір». — «У аальной общины есть единая облавная охота, у соседей — единые сплетни». В XVIII в. облавная охота была подробно описана Г.Ф. Миллером.

Охота была суровым и нелёгким трудом. Недаром хакасы сложили пословицу: «Силы женщины забирают дети, силы мужчин забирает тайга».

§ 3. Земледелие

Зарождение плужного земледелия со сложными ирригационными системами относится к периоду Кыргызского каганага. После монгольского завоевания произошёл упадок земледельческой культуры. Ко времени присоединения Хакасии к России земледелие сохранилось только в подтаёжных районах и было примитивного подсечно-мотыжного типа.

По хакасским преданиям, возрождение хлебопашества в долине Абакана связано с бельтырами, которые сохранили от

монгольских погромов ячменные семена. Не случайно в XVIII в. они считались лучшими пахарями среди хакасов. В 1745 г. бельтыры сеяли ячмень, пшеницу и ярицу. Их пашни находились в подтаёжной влажной зоне, где не требовалось искусственного орошения. В сезонную пору бельтыры выезжали на уборку полей общеродового пользования в долину Матура.

В XIX в. пашни располагались вокруг зимних кочевьев на расстоянии от 2—3 и до 10 км от аала. Поля измерялись десятинами — «чир». В каждой десятине было 16 загонов (сарол, атыс), по 5 саженой ширины и 40 длины.

В XVIII в. основным земледельческим орудием служил «абыл» — тип кетменя, представляющий массивную железную лопату с насаженным под углом черенком. Он изготовлялся местными кузнецами. Абылом вскапывали земельные участки, расположенные на южных склонах гор и холмов. Эти пашни не требовали полива, т.к. весной было много влаги от тающего снега. Кроме того, на солнечной стороне быстрее вызревали хлеба. За день сильный человек абылом вскапывал один загон, где можно было засеять один пуд ячменя. В конце XVIII — начале XIX в. в связи с распространением земледелия в степных районах и возрождением орошаемого земледелия на смену абылу пришла соха — «салда». Абыльная обработка земли сохранилась только на трудных участках, где не мог пройти конь с сохой. Для пашен стали выбирать ровные, пойменные места. За день на хорошей лошади сохой вспахивали до полдесятины пашни. В XIX в. распространилась соха-рассоха — «азыр салда», которая имела два сошника и колёса. В конце XIX в. в хакасских ведомствах появилась «туюх салда» — соха — одинарец с железным сошником и деревянным отвалом (халгах). Произошло качественное улучшение вспашки. Под влиянием бельтыров плужное земледелие проникло в Туву. Об этом свидетельствует не только фольклор, но и тувинское название сохи с железным сошником «белдир андазын» (хайнах андазын) — бельтырская соха и даже сорт ячменя — «белдир тараа» — бельтырский ячмень.

Пахать хакасы начинали в мае. Время вспашки определяли народным способом. Прорыв борозду вокруг загона, садились на вспаханную землю и закуривали трубку. Если за время её выкуривания нижние оголённые части тела не замерзали, значит, земля тёплая и годная для сева.

Во время посева семена разбрасывали руками по участкам вспаханного поля. На загон уходил в среднем пуд зерна. Обязательно учитывали фенологические наблюдения. Если весной у лютика было много цветов, значит, хлеб хорошо взойдёт. Если мало, то год обещал быть неурожайным и сеяли зерна вдвое больше. Когда появлялось в степи марево(күске өрті), заморозков уже не боялись. Если осенью шёл продолжительный и сильный дождь, а зимой земля, промёрзнув, растрескалась, то следовало ждать хорошего урожая, ибо летом в этих трещинах долгое время хранилась влага. Если зимой на деревьях не было куржака, то урожая не ждали. Когда наблюдался обильный куржак, значит, хлеб будет хороший. Если верхушки распустившихся верб были на четверть сухие, значит, год неурожайный. Если лёд на крупных реках (Енисей, Абакан) зимой был в торосах(харгын), а весной шёл шумный ледоход, то урожай будет хороший и т.д.

После посева пашню боронили деревянной бороной (поранды) с железными зубьями. В XVIII в. применяли «хара тал» — куст ветвистого чернотала, привязанного вершиной за постромки лошади.

В посевную страду сагайцы и бельтыры придерживались различных суеверных обычаев. С первого дня работы на пашне они не умывались, иначе можно смыть счастье. Запрещалось спать вместе с женой, иначе посев будет с сорняком. Нельзя было делать талкан, иначе зерно будет с сажей и т.д. После завершения посевной в поле организовывали «үрен хурты» — праздник убивания земляного червя. Земледельцы, под руководством старейшины, окропляли засеянные пашни хлебным вином, сделанным из остатков зерна и просили землю оградить молодые побеги от уничтожения червями и дать хороший урожай. Люди надеялись, что после моления силы природы будут на их стороне. Наличие давно сложившихся обрядов говорит о древности местного земледелия.

В XVIII — XIX вв. основной посевной культурой был ячмень, который особенно хорошо рос по склонам гор. У хакасов бытовал особый сорт, похожий по виду на пшеницу и называемый «чалаас көче», т.е. голый ячмень. В традиционных земледельческих районах Хакасии ячмень носил название «ас», т.е. хлеб, еда. Действительно, он занимал большое место в питании хакасов. Из него делали традиционный талкан. Чтобы пригото-

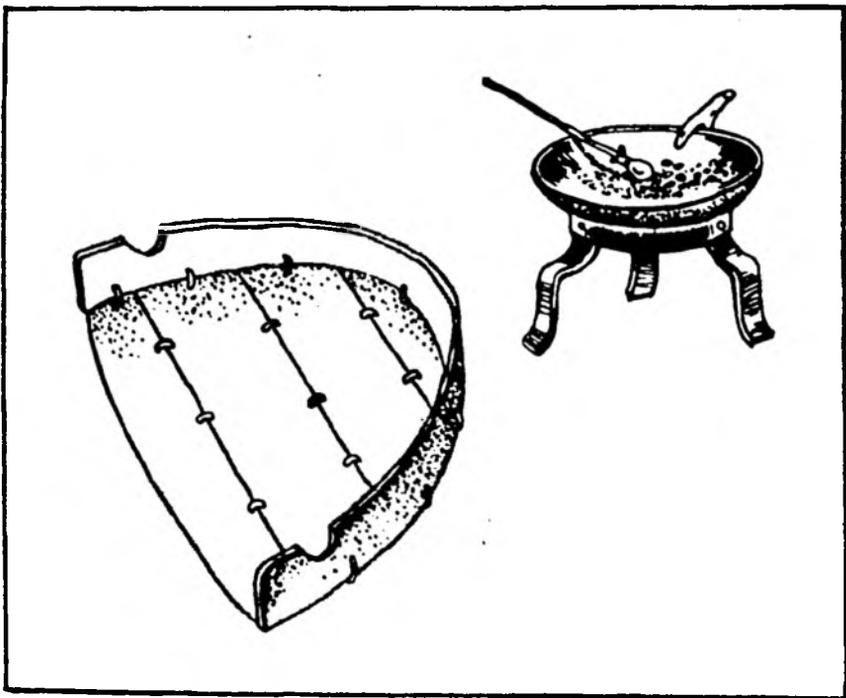
вить талкан, ячменные зёрна сначала поджаривали в железных чашах, рушили в ступках, затем веяли на веялках и под конец мололи на ручных мельницах.

Из талкана готовились десятки различных кушаний. Например, во время сенокоса для утоления голода и жажды делали напитки из талкана с айраном или талкана с водой и мёдом. В качестве угощения готовился «саламат» из талкана, масла и молотой черёмухи и т.д. В 1849 г. в Сагайской думе ячмень занимал 63 % посевной площади. Однако вследствие влияния рынка к 1890 г. посевы его сократились и составили только 15,6 % общей посевной площади.

В XIX в. хакасы сеяли пшеницу (пугдай), ярицу (арыс), овёс (сула), озимую рожь (чадыган), гречиху (хырлых) и просо (таран). С древних времён выращивали особый сорт пшеницы «хызыл пугдай» (красная пшеница), с мелкими зёрнами и пышными усиками колоса (по-русски красная усатка). Затем он был вытеснен новым сортом «ах пугдай» (белая пшеница). На удобренных местах, где обычно стояли сеновалы, садили технические культуры — коноплю (киндр) и лён (ёлең киндр). Последние шли на изготовление ниток, тканей, растительного масла. Например, в 1877 г. в Сагайской степной думе структура посевов выглядела следующим образом: ярица 591 десятина, пшеница 196,5 дес., овёс 569 дес., ячмень 470 дес., просо 7,5 дес., гречиха 3 дес., горох 0,5 дес., картофель 29,5 дес., конопля 24 дес., лён 9 дес.

Хлеб убирали серпом в конце августа, который назывался «оргах айы», т.е. месяц жатвы. Жатый хлеб связывали в снопы (поом), которые затем складывали в скирды или суслоны (көпен). Скирда состояла из десяти снопов и одиннадцатым закрывалась сверху. С одной скирды намолачивали 1—2 пуда зерна. С одного загона выходило 10 скирд урожая, т.е. 10—20 пудов зерна.

При большом урожае делали клады. В одну кладь укладывали 40 скирд. Кладь огораживали, закрывали соломой и оставляли на зиму. Зерно в ней не замерзало. На следующий год хлеб молотили и употребляли в пищу (азый тамах). Подсушенные в скирдах снопы хлеба в сентябре свозили на ток — «үртүн». Ток представлял собой очищенную и утрамбованную площадку рядом с пашней. На площадке тока в ряд вбивались раздвоенные колышки, на которых укреплялась горизонталь-

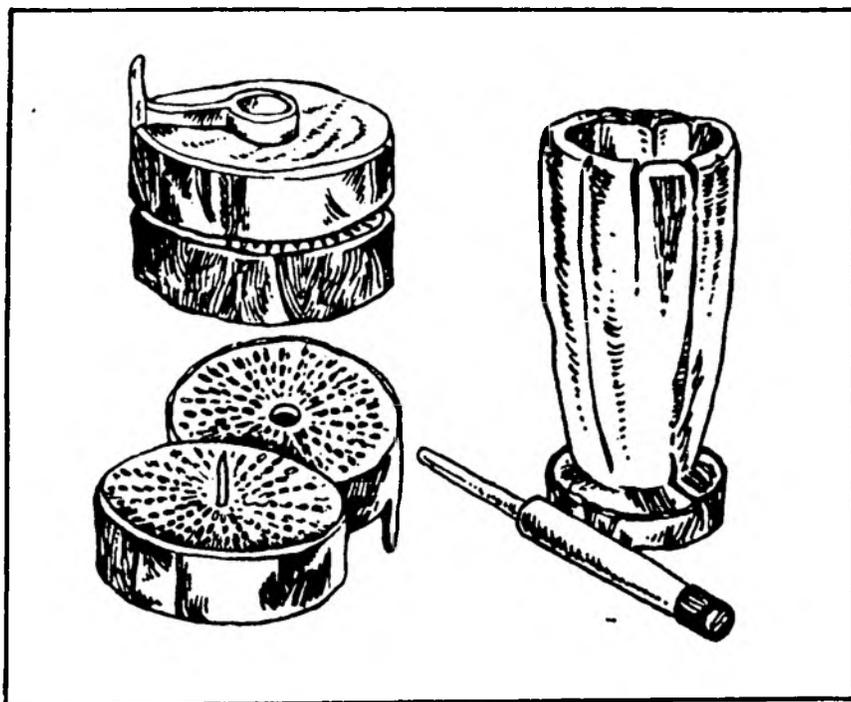

Сеяльница (сарго), казан на треножке (очыхтыг казан)

ная жердь — «артпах». Снопы ровными рядами укладывали на жердь таким образом, чтобы колосья свешивались за неё. Затем горящим пучком соломы или бересты жгли стебли у основания колосьев. Колосья падали на площадку, а солома отбрасывалась в сторону. После этого молотили хлеб колотушкой и веяли на ветру.

Зерно для повседневного употребления держали в закромах юрт. Остальной урожай хранили в специальных ямах — «ора», выкопанных у пашни на склонах гор. Чтобы избежать сырости, дно и стенки ямы выжигались разведённым костром, а затем обивались сшитой берестой. Наполненное зерном хранилище сверху закрывалось берестой и засыпалось землёй. Законсервированное таким образом зерно могло храниться всю зиму. Подтаёжные бирюсинцы зерно хранили на лабазах в берестяных коробах — «ныбыш».

В XVIII — начале XIX в. зерно хакасы мололи на каменных и деревянных ручных мельницах (теербен), растирали на каменных зернотёрках (паспах). На каменной ручной мельни-

Ручная мельница (теербен)

це за день работы получали полтора мешка талкана или три ведра пшеничной муки. На зернотёрке — полмешка талкана или полведра молотой черёмухи. С середины XIX в. зерно стали молоть на водяных мельницах, построенных русскими крестьянами.

Пашня, смотря по почве, эксплуатировалась в течение 10—20 лет. Признаком истощения служили вырастающие на ней сорняки: пырей (көлей оды), повилика (чӱргеміс) и лебеда (кирен), которые полностью заглушали посеянный хлеб. Брошенную в залежь пашню (көлей) использовали как покос (сабын). Признаком восстановления почвы служило появление лютика. Отдохнувшая после залежи земля носила название «күрме». Она давала хороший урожай. В XIX в. на ней сеяли обычно пшеницу или ярицу, потом года два подряд овёс и затем делали пар — «хадаан хыра». После этого шло правильное чередование посева и пара.

Целинную землю (наа чир) поднимали в начале июня, после всех посевных работ. В первый год вспаханную землю не засевали. Давали киснуть, чтобы образовался хороший перегной

(чызытха). На следующий год поднятая новь, перешедшая в разряд «күрне», приносила самый обильный урожай.

В XIX в. в Хакасии возродилась древняя система орошения пашен. Сначала ирригационные сооружения использовались для мочения покосов. Старейшие из сенокосных мочагов были проведены по рекам Сон, Уйбат, Биджа и База. В 1896 г., согласно весьма заниженным сведениям из инородческих управ, в Хакасском регионе числилось 66 оросительных канав, которыми пользовались 76 аалов. Общая протяженность составляла около 200 км, а орошаемая площадь 3305 дес. Из них 2802,5 дес. были мочажные сенокосы и только 502,5 дес. — орошаемые пашни.

В 1827 г. по всем хакасским ведомствам насчитывалось 900 дес. посева. Самым хлебопахотным ведомством было Сагайское. В 1832 г. здесь насчитывалось 420 дес. пахотной земли и 469 хлебопашцев. Начиная с середины XIX в. развитие земледелия в Хакасии резко усиливается. К 1875 г. в Сагайской степной думе территория запашек увеличилась до 2005 дес. В Качинском же ведомстве в это время насчитывалось 250 дес. обрабатываемой земли, а в Кызыльском — 482 дес. В 1890 г. общая площадь пашен составляла уже 13747 дес.

§ 4. Рыболовство

Традиционное рыболовство было распространено только у бирюсинцев и кызыльцев, а в степных районах Хакасии ему не придавали большого значения. Согласно хакасскому фольклору, их предки испытывали отвращение к речной рыбе и, чтобы пользоваться питьевой водой, проводили специальные каналы. До сих пор среди степного населения рыбу иносказательно называют «суг хурты» — водяные черви. У таёжных жителей рыба являлась неотъемлемой частью пищевого рациона.

В реках и озёрах Хакасии водилось около 20 видов различных рыб. Среди них к ценным породам относились ленок, хариус, нельма, таймень. По главному руслу Енисея и Чулыма водились редкие рыбы — осетр(сарыг палых) и стерлядь (осхай). Ещё китайские летописи эпохи Тан сообщали, что в стране Хякас в реке Гянь (Ким, т.е. Енисей), имелась рыба «длиною около семи футов, гладкая и без костей, рот под носом». В рассматриваемое время осетровых ловили на самолов (кёспе). Этим промыслом занимались на перекатах в августе до листопада.

Большое разнообразие рыболовных снастей имелось у кызыльцев, которые проживали среди богатого рыбой озёрного края. На озёрах у родников устанавливались плетёные изгороди — котцы (толаңат). Зимой, когда водная гладь покрыта льдом, или в жаркое лето, когда вода озёр сильно нагревалась, косяки рыб устремлялись к прохладным источникам и попадали внутрь плетёной городьбы. Попавшуюся в котцы рыбу вылавливали саком (солбы). Летом ловили рыбу на дорожку (чутпа). К бечёвке привязывали блестящий кусок свинца с укреплённым крючком и разноцветными тряпочками. Наживы не употреблялись. Чутпа привязывалась за корму медленно плывущей по озеру лодки. На неё ловилась только хищная рыба — щука, окунь, нельма, язь. Летом среди камыша ставили вентера (пендір), куда попадали щука и окунь. Ранней осенью на небольших ручьях кызыльцы рыбачили рукавами (хабаг), по форме напоминающими вентера. Выше установленного хабага мутили воду болтовушкой (пысхы). Рыба опускалась вниз и попадала в поставленные снасти. Зимой щук ловили жерлицей (күлбе). Её ставили на ночь, а наживкой служила сорога.

Весной и осенью рыбачили неводом (сөзірбе). У кызыльцев они были артельными и составлялись из паёв. Один пай невода имел 5 м длины и 3 м высоты. Во время рыбалки они сшивались в один общий невод. Артель объединялась из близких родственников и соседей. За один раз из озера вытаскивали от 5 до 10 пудов рыбы. Улов распределялся поровну между всеми артельщиками по числу паев. Во время листопада бирюсинцы рыбачили небольшими неводами в омутах рек. С одного омота вытаскивали 1—2 мешка рыбы. Хозяин невода получал двойной пай.

Осенью койбалы и бельтыры, проживавшие в долине р. Абакана, отправлялись рыбачить на реку Хан-Тегир. Она славилась жирными хариусами. Рыбачили до ледостава. Подсолённый хариус на месте замораживали в выдолбленных колодах. В декабре на конях поднимались за ней по льду Енисея и привозили домой. Одна лошадь тянула по три колоды. После привоза рыбы в аале делали общее угощение «палых тойы» — праздник рыбы. Хариус считался самой вкусной рыбой.

Осенью, как только замерзала вода, ходили по тонкому насту глушить (тоңзорлап) налимов. Увидев рыбу, с силой били колотушкой

(сохпар) по льду. Затем лёд разламывали и вытаскивали оглушённого налима.

Одним из древних орудий рыболовства была верша (сүген). В героическом эпосе упоминается о бедняках, которые существовали за счёт поставленных ловушек на зверей и верш для рыб(хырда тузах тигип, сугда сүген сугып). Весной, когда рыба шла вверх на нерест, верши (чохтаг) ставились устьем вниз. С двух сторон её устанавливались «крылья» (күү), перегораживающие протоку. Осенью, когда рыба спускалась вниз, вершу (одыртпас) ставили отверстием вверх по течению.

Поздней весной для крупной рыбы (таймень и ленок), которая, отложив икру, спускалась вниз, устанавливали заездку (пара). Небольшая речка полностью перегораживалась изгородью, в середине которой оставлялось отверстие для рыбоприёмного короба (одырчих).

Начиная с лета и до октября ловили рыбу посредством лучения (одарлап). Рыбаки выезжали ночью на лодке. На носу её устанавливали железный поддон, где горел факел из бересты или смолья. Выплывшую на свет рыбу (налим, хариус) били острогой (сасхыс) или стреляли из лука специальными стрелами с трезубцем (атхыс).

В XIX в. рыболовство прочно входит в быт различных групп хакасов. Древние традиции скотоводов изменились, хозяйство становится более комплексным.

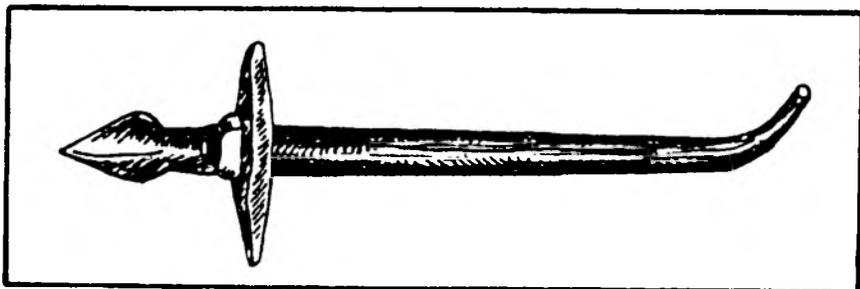
Невод (сбзирбе), острога (сасхыс).
Фото из фоцдов ХКМ г. Абакана

§ 5. Местные промыслы и ремесла

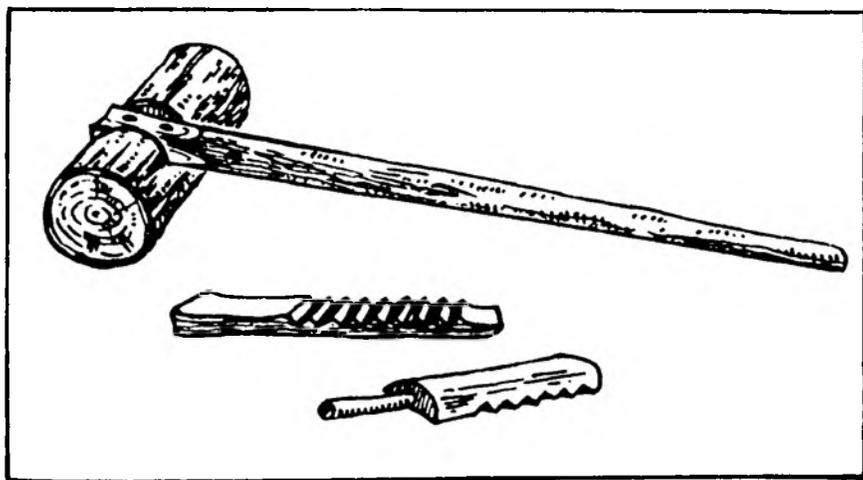
Осенью в сентябре подтаёжное население Хакасии выезжало на сбор кедрового ореха (хузух). Для сбивания шишек применяли колот — «нохы». Он представлял из себя громадную чурку, насаженную на толстую жердь. Упирая жердь концом в землю, нохы с силой били по стволу молодого кедра — «плет». На толстые старые кедры (абыг) залезали и сбивали шишки гибкими прутьями — «сыргай». Весной, в конце апреля, выходили на подбор паданки, пролежавшей под снегом. Орех шелушили при помощи деревянных терок — «напах». На хозяйство добывали от двух до двадцати мешков чистого ореха, смотря по урожаю и по времени работы. Лакомым блюдом считались «мирек» — большие пельмени с ореховой начинкой. Сытная каша из кедрового ореха (тохчах потхы) в течение двух недель восстанавливала вес и силы отощавшего охотника.

Весной и в начале лета женщины и дети выходили на промысел кандыка(хандых, пис) и сараны (сарғай, сип). Выкапывали их специальным орудием «озоп». В день можно накопать до одного ведра. На одно хозяйство заготавливали до 5 мешков кандыка или сараны. Их мыли, нанизывали в связки и сушили. Сушёные корни мололи на ручных мельницах, а из муки делали каши, пекли лепёшки и т.д.

Осенью пожилые женщины разыскивали съедобные запасы мелких грызунов. Они с корнекопалками отправлялись к болотистым местам, где отыскивали их хранилища — «күлүм». В одном күлүме добывали до 3—4 ведер очищенных съедобных корней «мөкезім» или «милегір». Если рядом были пашни, то в күлүме находили чисто обмолоченный хлеб. Бурундуки и зверьки «урсан» запасали до 16 кг зерна, а хомяки до 48 кг. Собираательство было важным подспорьем в хакасском

Корнекопалка для сараны и кандыка (озоп)

Колот для сбивания кедровых шишек (нохы),
цалек для шелушения шишек (сииртпес, паспах)

хозяйстве. Эта традиция уходила в далёкое прошлое. Дикорастущие плоды и съедобные корни широко применяли в своем рационе енисейские кыргызы. Например, в 1660 г. русский посланник С. Грек сообщал: «И живучи многое время в Киргизах, и в Тубе, и в Керентах, и в Алтырах покупали себе на еду скот и бараны, и молоко, и крупы, и кырлышную муку, и сарану, и кандык, и всякой коренья, езя по улусам дорогой большой ценою и тем питались много время».

Основное занятие хакасов — скотоводство диктовало развитие определённых видов домашних промыслов. В каждом хозяйстве занимались выделыванием кож, катанием войлоков, свиванием арканов и т.д.

Осенью женщины брались за выделку овчин. Шкуру смачивали водой, сворачивали в рулон и мяли ногами. Обычно это делали подростки. Мяли до тех пор, пока затвердевшая шкура не размякнет. Затем мездру смазывали бардой (поча) от перегонки айрана и оставляли так на двое-трое суток. Через трое суток подсохшую мездру скоблили старым лезвием косы (хыйрах) и опять мяли ногами. После этого шкуру мыли, чтобы шерсть стала чистой, и вешали в юрте у дымохода или в специальных коптильных ямах — «ыстых». В них помещали ведро с дымящимся сухим кизяком и вешали до 10 шкур. Коптили до тех пор, пока они не пожелтеют. Затем их снимали, поверх мездры насыпали влажный овечий назем, сверху покрывали другой

овчиной и придавливали грузом. После того, как мездра отсыреет, овчину начинали выделывать при помощи кожемялки «изірек» в форме зазубренной палки. В конце XIX в. под влиянием русских крестьян для выделки овчин стали употреблять крюк (хыйган). После крюка шкуру отбеливали. Для этого готовили специальную закваску — «палаты». Отваренную баранью печень погружали в сыворотку и добавляли барду «поча» от перегонки айрана. Дня через три она приобретала белый цвет. Затем печень мелко толкли в ступке, смешивали с сывороткой и айраном, добавляли ржаной муки. Через трое суток густая «палаты» считалась готовой. Мездру на двое — трое суток намазывали закваской и опять обрабатывали кожемялкой (изірек). Затем шкуру растягивали на деревянном гладиле «сүргү». Мездру посыпали ржаной мукой и скоблили старым лезвием косы (хыйрах). После этого шкуру шлифовали полированной дощечкой «хыло». Выделанная шкура приобретала блестящий белый цвет и при растягивании издавала скрип.

Хакасы умели изготавливать дублёные кожи. Для этого шкуру коровы или лошади намазывали бардой (поча) от перегонки айрана, сворачивали в рулон и клали в тёплое место. Выпавший волос соскабливали старым лезвием косы (хыйрах). Сушеное лыко тальника (сарыг тал) или кору лиственницы (тыт) крошили, разминали в порошок и кипятили в котле. Затем в охлажденный отвар клали шкуру. Через неделю или немного больше задубевшую кожу вынимали и сушили на солнце. Иногда процедуру повторяли в отваре из лиственничной коры, где шкура приобретала красный цвет. В заключение её в течение 1 — 2 дней мяли на кожемялке (талгы). Чернение дублёных кож производилось чёрным красителем «сандар», получаемым в результате реакции ржавого железа в барде от перегонки айрана. Обработку дубленых кож производили мужчины зимой.

Из овечьей шерсти изготавливали войлоки (киис). Весной, после стрижки овец, на открытой площадке у юрт, шерсть (нүн) раскладывали и сушили на солнце. Затем её перебирали руками и складывали в одноцветные груды, по 5 — 10 кг каждая. После этого женщины и подростки ритмично взбивали их гладкими тальниковыми прутьями — «сабос». Когда вся шерсть вспушится, то её расстилали на специальной длинной холстине — «ике». Затем уложенную шерсть обрызгивали теплой сывороткой и осторожно сворачивали в рулон вокруг гладкого

деревянного валика (ике палазы). Свёрнутая в холстине шерсть зашивалась и обвязывалась верёвками. После этого два человека брались за концы арканов, которые привязывали к валику ике палазы и катали свёрнутый рулон до тех пор, пока войлок «не войдёт». Большие войлоки (садыр) для покрытия юрт катали на лошадях. Затем его освобождали от холстины и заносили в юрту. Окончательно войлок уплотняли ударами локтей. Женщины садились на корточки вдоль войлочного рулона и ритмично сбивали его локтями о стенку юрты. От последнего вида работы у женщин буквально не оставалось живого места на локтях. Если кто-нибудь случайно заходил в юрту, где изготовляли войлок, то по обычаю, он должен был помочь в работе. Иначе, как шутили, войлок не скатается. Это был коллективный труд. Времени на катание войлоков уходило в хозяйстве от одной до двух недель. За один день группа в 4—5 человек могла сделать 2—3 войлока. На один средний войлок шла шерсть 10 овец. Из войлока делали кошмы, покрытия для юрт, ковры, матрацы и т.д.

Хакасы знали ткачество. Например, известный путешественник И.Г. Георги отмечал, что у качинцев «женщины прядут шерсть и крапиву (киндір), ткут толстое сукно и холст на татарских станках, валяют войлоки, выделывают кожи, причём вместо сала употребляют печёнку и морз звериный, шьют платье и пр».

Наличие природного сырья и развитая для этого ремесла терминология позволяют нам сделать заключение о местном возникновении ткачества. Хакасский ткацкий станок (сохчаң түбел) по своей конструкции относился к станкам горизонтального типа, с одной нитченкой (күзүг), основоразделителем (адырға), приводимым в движение руками. Станок устанавливался на полу юрты. Нитки основы привязывались к двум колышкам, вбитым на расстоянии 2—3 м друг от друга. В основе насчитывалось 50 ниток. Ширина ткани равнялась 25 см. Чтобы соткать материю, необходимую для одного охотничьего халата «сабыр», т.е. 6—7 м, надо было затратить дней десять. Хакасы ткали: «озаң» — крапивную материю, «сабыр» — конопляный холст, «киден» — льняное полотно, «таар» — полушерстяную материю и «сикпен» — сукно.

В XVIII в. у хакасов бытовали берестяные лодки «тос киме». Разваренную в котлах бересту сшивали в два слоя гибкими ко-

реньями черемухи и крепили на деревянном каркасе. Длина берестяной лодки достигала до пяти метров. В XIX в. они полностью вытеснились долблёнками.

Хакасские мастера умели делать прекрасные долблённые лодки (киме) из тополя. Весной составлялись небольшие артели из 3—5 человек. По островам Абакана, Енисея и Июсов срубались крупные тополя (хара тирек). Сначала выстругивали приблизительную форму лодки длиной в 6—7 м, затем сердцевину выдалбливали специальным топориком — «адылга». По днищу просверливали ряд дырочек, куда забивались колышки из коры тополя (собра). Они определяли толщину лодки и являлись ограничителями при выдалбливании сердцевины. Для разведения бортов внутрь наливали воду, в которую опускали раскалённые на огне камни. Горячей водой дерево распаривали, и борта долблёнки при помощи упругов — «киргис» разводились. Разводка бортов требовала большого умения, ибо при небольшой оплошности дерево трескалось. Некоторые опытные «асы» могли выгнуть борта лодки даже наизнанку. В конце XIX в. этот промысел постепенно исчезает, т.к. острова с необходимыми тополями (хара тирек) были захвачены баями в личное пользование.

Во времена Кыргызского каганата народы Южной Сибири широко использовали керамические изделия. Наряду с хозяйственной посудой создавались прекрасные вазы, выполненные на гончарном круге. Секрет изготовления необычайной по прочности серой керамики — «кыргызских ваз» (палчан) — до сих пор остаётся тайной. В XIX в. на Саяно-Алтайском нагорье гончарство сохранилось только в Шории, в устье р. Мрассу. Кузнецов (тимир узы) было немного. Например, 1841 г. в Сагайском ведомстве насчитывалось всего 5 кузнецов. Самые лучшие мастера назывались «хыдат узы» — букв. китайский мастер. Это название наводит на мысль о южном происхождении Саяно-Алтайского кузнечества. Покровителем кузнечного дела считался фетиш «тума төс», родина которого якобы находилась в Монголии. Принимая во внимание, что в Хакасско-Минусинской котловине со времён Тагарской культуры существовал мощный очаг металлургического производства, можно предположить, что в эпоху позднего средневековья здесь либо были поселены китайские мастера, либо местные кузнецы обучались в Китае.

Ювелирные украшения

В XIX в. металл у кузнецов был покупной. Однако ещё в XVII—XVIII вв. хакасы подтаёжных районов сами добывали руду и считались искусными плавильщиками железа. Самобытная технология изготовления железа сохранялась у хакасов вплоть до конца XVIII в. Небольшие плавильные печи «хура» сооружались из глины внутри зимних жилищ.

Железную руду очень мелко толкли в ступах, а затем небольшими порциями вместе с углём сыпали в небольшое верхнее отверстие печи. Двумя мехами (кёрік) постоянно нагнетали воздух и поддерживали высокую температуру горения. За одну

плавку получали до 1,5 кг железа. Кузнецы изготавливали ножи, тавра для скота, озопы для копания корней, абылы и т.д.

Среди хакасов существовало ювелирное ремесло. Как и другие народы Центральной Азии, они очень ценили изделия из серебра. Серебряных дел мастера (күмүс узы) своими нехитрыми инструментами делали перстни, серьги, огнива, наборную упряжь и т.д. Это искусство уходит в глубокую старину. Например, в XVII в. русские документы сообщали, что в «киргизской, и в тубинской, и в алтырской, и в керелской землях серебряных мастеров, которые из серебра узды делают и по железу набивают, добре много».

Итак, хакасы вели традиционное хозяйство с локальными особенностями у каждой этнической группы. В результате перехода большей части населения к оседлому образу жизни (к 1890 г. более 80 % хозяйств) изменилась структура стада, появились стационарные жилища. Под влиянием русских крестьян развилось плужное земледелие, огородничество, сенокосение. Российский рынок полностью вытеснил мелкое металлургическое производство и гончарство у хакасов. Однако продолжали сохраняться многие традиционные черты их натурального хозяйства.

§ 1. Поселения и жилища

Основным видом хакасских поселений были аалы — полукочевые объединения нескольких домохозяйств (10—15 юрт), как правило, родственных между собой. К началу XX в. коренное население проживало приблизительно в 520 аалах. Других форм поселений — городов, деревень и поселков — хакасы, как и другие народы Саяно-Алтая, не имели.

Аалы обычно назывались по фамилии или имени аал пазы (аального старшины), реже по сеоку обитателей или географическому признаку. Если выбирался новый аал пазы, то менялось и название всего аала.

Скотоводство, основа местного хозяйства, определяло характер и ритм жизни хакасского поселения. Главным местом расположения являлся зимник — «хыстаг», который обычно находился по берегам рек, где имелись покосы, пашни, вода и лес. На зимнике жили с октября и до апреля. Зимние усадьбы (теергин) были обнесены городьбой, внутри которой находились юрты, крытые скотные дворы, амбары и бани.

В апреле, как только зазеленеет степь, аал перекочевывал на весенник — «частаг», который располагался в степях или ложбинах гор. Весной здесь рано появлялись травы, и было много снеговой воды. Если частаг стоял у соленого озера, то рядом выкапывали колодцы (хутух) для питья. На весеннике происходил окот скота. Поэтому его еще называли «мал пазы» — т.е. начало скота. От зимника до весенника обычно считывалось 10—30 км.

С частага на летник «чайлаг» перекочевывали в середине мая — начале июня. Однако в XIX в. большинство хакасских скотоводов отправлялось на летник сразу с зимника. Чайлаг располагался за поскотиной, вдали от покосов и пашен, в прохладных местах у воды и рощ. Ещё в XVIII в. кочевание совер-

шали на дальние расстояния. Например, Хоор Сукин имел летник на Кузурбе (р. Чулым), а зимник более чем за 100 км в Сарагаше (р. Енисей). Летние усадьбы располагались недалеко друг от друга, т.к. рядом не было покосов и разнообразных хозяйственных построек. Зачастую несколько аалов на лето объединялись в одном месте.

В сентябре перекечевывали на осенник «күстег», который, как правило, находился по островам рек. Скот перегонялся с летних пастбищ на выкошенные луга и мочаги. Отсюда поздней осенью возвращались на зимники. Данные о трех-четырёх разовом кочевании в году характеризуют полукочевую форму скотоводства. Однако в хакасских аалах большая часть хозяйств кочевала только два раза в году с зимника на летник и обратно. По всей видимости, подобное яйлажное скотоводство было переходным от полукочевого состояния к оседлости.

Перекечевки совершались в определенное время согласно сезону и по давно выработанному маршруту. Вплоть до XIX в. все имущество перевозили вьюком на конях и верблюдах, т.к. колесного транспорта народы Южной Сибири не знали. В 1858 г. Минусинский окружной начальник А.К. Кузьмин писал, что хакасы «всегда ездят верхом и не имеют телег, а потому нет у них дорог, кроме верховых тропинок в поларшина шириною». Вместо телег использовали волокуши — «салачы». Зимой применяли сани — «соор». Они привязывались за постромки хомута (хооп). Во второй половине XIX в. среди хакасов распространяется колесный транспорт, прокладываются Июсский (225 верст) и Аскизский (82 версты) проселочные тракты (улаг чолы). Хакасские дороги отличались употреблением ветлы (харгана) вместо вех, груды которых накидывались по обочине через каждые 50 саженей. По склонам гор были прокопаны специальные колеи — «хыйыг», а через реки установлены лодочные переправы. Через каждые 25—30 верст находились станции «улаг иб» для смены лошадей. Первые хакасские телеги «чалаң хаңаа» делались сплошь из дерева, а колеса из массивных чурок. При движении все это визжало и скрипело. Однако у баев встречались сделанные по заказу тарантасы (хазах хаңаазы), таратайки (абра), дрожки (ізеңеліг хаңаа), пролетки (ханаттыг хаңаа) и др. Станционных лошадей запрягали цугом (кёлгек). Один кучер сидел на вожжах, а другой верхом на коне. На 1909—1910 гг. у хакасов насчитывалось 8823 телеги и 16543 саней.

Благодаря исследованиям археологов на территории Хакасии обнаружены остатки средневековых городов периода Кыргызского каганата. Их существование было известно только по восточным письменным источникам. Подтверждение подобного факта мы находим и в хакасском фольклоре. Например: «Ах саар полган аал турыпча, аймах-пасха чон чуртапча». — «Стоит белый город, в котором живут различные люди». «Ах хайлах полган аалның учы-хыри көрінмин турадыр». — «У белого города не видно ни конца, ни края». «Хорым осхас чурт поладыр». — «Есть поселение как город». «Пу улуг чуртта, пу хагыртта, синнең улуг кизи чоғыл». — «В этой большой обители, в этом городе, старше тебя нет человека». Различные слова, обозначающие понятие «город» в хакасском языке восходят как к тюркской основе, так и к монгольским и иранским заимствованиям. Термин «хайлах» (хайлых) происходит от древнетюркского «кай» — город, его синоним «саар» — от персидского «шахар», слово «хорым» — от монгольского «хороон» (ср. Каракорум), а последнее — «хагырт», вероятно, местного происхождения. Указанные факты свидетельствуют о бывшем градостроительстве в Южной Сибири, причем зодчими выступали не только мастера из Средней и Центральной Азии, но и местные строители.

В XVII в. русские документы отмечали у хакасов наличие «каменных городков». Вероятно, это крепостные сооружения «сивее», расположенные в горных местах. Подобных крепостей по Хакасии находится более 70. Легенды связывают их возведение с эпохой борьбы против монгольского владычества. Косвенно это подтверждается и термином «сивее», монгольским по происхождению.

Русские остроги и города Сибири народы Саяно-Алтая называют «тура». Например: Том-тура — г.Томск, Ачых-тура — г.Ачинск, Аба-тура — г.Кузнецк, Тобыл-тура — г.Тобольск, Сойан-тура — Саянский острог и т.д. Интересно отметить, что деревянные дома хакасы также стали называть тура, т.е. по сравнению с юртами они представлялись укрепленными зданиями.

Резиденция хана и ставки князей обозначались как «орда» или «өрге». Порядок расположения их напоминал монгольскую орду, где впереди всегда находился шатер правителя. Например: «Улуг аалның пазында ханның-пигниң улуг ордазы айга-күнге сустал турадыр». — «В начале большого селения великий дворец правителя блестел под солнцем». «Ах саар

шали на дальние расстояния. Например, Хоор Сукин имел летник на Кузурбе (р. Чулым), а зимник более чем за 100 км в Сарагаше (р. Енисей). Летние усадьбы располагались недалеко друг от друга, т.к. рядом не было покосов и разнообразных хозяйственных построек. Зачастую несколько аалов на лето объединялись в одном месте.

В сентябре перекочевывали на осенник «күстег», который, как правило, находился по островам рек. Скот перегонялся с летних пастбищ на выкошенные луга и мочаги. Отсюда поздней осенью возвращались на зимники. Данные о трех-четырёх разовом кочевании в году характеризуют полукочевую форму скотоводства. Однако в хакасских аалах большая часть хозяйств кочевала только два раза в году с зимника на летник и обратно. По всей видимости, подобное яйлажное скотоводство было переходным от полукочевого состояния к оседлости.

Перекочевки совершались в определенное время согласно сезону и по давно выработанному маршруту. Вплоть до XIX в. все имущество перевозили вьюком на конях и верблюдах, т.к. колесного транспорта народы Южной Сибири не знали. В 1858 г. Минусинский окружной начальник А.К. Кузьмин писал, что хакасы «всегда ездят верхом и не имеют телег, а потому нет у них дорог, кроме верховых тропинок в поларшина шириною». Вместо телег использовали волокуши — «салачы». Зимой применяли сани — «соор». Они привязывались за постромки хомута (хооп). Во второй половине XIX в. среди хакасов распространяется колесный транспорт, прокладываются Июсский (225 верст) и Аскизский (82 версты) проселочные тракты (улаг чолы). Хакасские дороги отличались употреблением ветлы (харгана) вместо вех, груды которых накидывались по обочине через каждые 50 саженей. По склонам гор были прокопаны специальные колен — «хыйыг», а через реки установлены лодочные персправы. Через каждые 25—30 верст находились станции «улаг иб» для смены лошадей. Первые хакасские телеги «чалаң хаңаа» делались сплошь из дерева, а колеса из массивных чурок. При движении все это визжало и скрипело. Однако у баев встречались сделанные по заказу тарантасы (хазах хаңаазы), таратайки (абра), дрожки (ізеңеліг хаңаа), пролетки (ханаттыг хаңаа) и др. Стационарных лошадей запрягали цугом (кёлгек). Один кучер сидел на вожжах, а другой верхом на коне. На 1909—1910 гг. у хакасов насчитывалось 8823 телеги и 16543 саней.

Благодаря исследованиям археологов на территории Хакасии обнаружены остатки средневековых городов периода Кыргызского каганата. Их существование было известно только по восточным письменным источникам. Подтверждение подобного факта мы находим и в хакасском фольклоре. Например: «Ах саар полган аал турыпча, аймах-пасха чон чуртапча». — «Стоит белый город, в котором живут различные люди». «Ах хайлах полган аалның учы-хыри көрінмин турадыр». — «У белого города не видно ни конца, ни края». «Хорым осхас чурт полладыр». — «Есть поселение как город». «Пу улуг чуртта, пу хағыртта, синнең улуг кізі чоғыл». — «В этой большой обители, в этом городе, старше тебя нет человека». Различные слова, обозначающие понятие «город» в хакасском языке восходят как к тюркской основе, так и к монгольским и иранским заимствованиям. Термин «хайлах» (хайлах) происходит от древнетюркского «кай» — город, его синоним «саар» — от персидского «шахар», слово «хорым» — от монгольского «хороон» (ср. Кара корум), а последнее — «хағырт», вероятно, местного происхождения. Указанные факты свидетельствуют о бывшем градостроительстве в Южной Сибири, причем зодчими выступали не только мастера из Средней и Центральной Азии, но и местные строители.

В XVII в. русские документы отмечали у хакасов наличие «каменных городков». Вероятно, это крепостные сооружения «сивее», расположенные в горных местах. Подобных крепостей по Хакасии находится более 70. Легенды связывают их возведение с эпохой борьбы против монгольского владычества. Косвенно это подтверждается и термином «сивее», монгольским по происхождению.

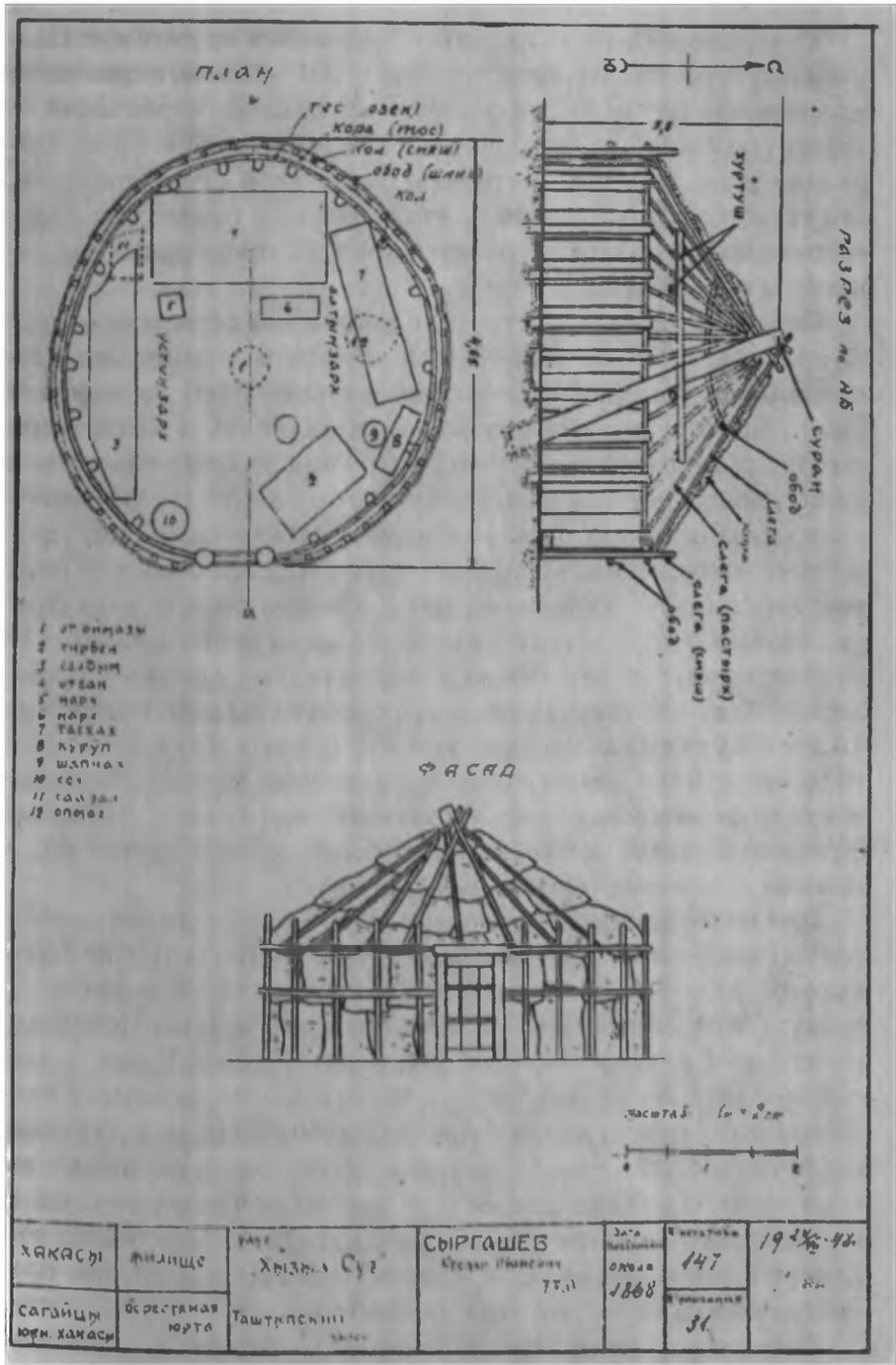
Русские остроги и города Сибири народы Саяно-Алтая называют «тура». Например: Том-тура — г.Томск, Ачых-тура — г.Ачинск, Аба-тура — г.Кузнецк, Тобыл-тура — г.Тобольск, Соян-тура — Саянский острог и т.д. Интересно отметить, что деревянные дома хакасы также стали называть тура, т.е. по сравнению с юртами они представлялись укрепленными зданиями.

Резиденция хана и ставки князей обозначались как «орда» или «брге». Порядок расположения их напоминал монгольскую орду, где впереди всегда находился шатер правителя. Например: «Улуг аалның пазында ханның-пигниң улуг ордазы айга-кўнге сустал турадыр». — «В начале большого селения великий дворец правителя блестел под солнцем». «Ах саар

полган аалның пазында, айга-кўнге сусталып, ат ибїрбее ах ѳрге турчададыр». — «Во главе белого города, сверкая под солнцем и луной, стояла белая урга огромных размеров». В хакасском фольклоре, кроме того, встречается слово «пайзаң» (пайзым) в значении «дворец». Последний термин имеет китайское происхождение (ср.фанза). В хакасский язык он проник через монгольский, в котором слово «байшын» обозначало каменное или кирпичное здание в городах Монголии.

В XVII—XIX вв. основным жилищем хакасов служила юрта — «иб». В хакасском языке слово «иб» употребляется не только в значении «юрта», но и в более широком смысле — «дом». Оно стало основой для ряда других словообразований: ипчи — женщина (букв. домашняя), тигїриб — церковь (букв.небесный дом), ибленерге — жениться (букв.обзавестись домом) и т.д. Юрта была максимально приспособлена для полукочевого хозяйства, которым занимались народы Саяно-Алтая. Традиционным жилищем хакасов служила переносная цилиндрическая юрта — «тирмелїг иб» каркасного типа. Ее остов составляли стены из раздвижных решеток «тирме» или «хана» с дверной рамой и куполом, образованных из жердей — «ух», укрепленных нижними концами к решеткам стены, а вверху вставленными в круг дымохода «хараачы». Чтобы перевезти такую юрту, требовалось навьючить трех (иногда шесть) коней или одного верблюда, а чтобы поставить ее каркас, 3—4 человека затрачивали около полчаса.

Решетчатая основа «тирме»делалась из основных планок «сы», скрепленных между собой наперекрест через сквозные отверстия сыромятными ремешками «сарым» из конской кожи. На решетки одной юрты уходила кожа одного коня. Связать их стоило 3 рубля. В одном звене решеток насчитывалось до 20—30 планок (по 10 или 15 в каждой диагональной оси) длиной 200—250 см. В сложенном виде звено решетки представляло одну охапку. При установке юрты они связывались между собой, образуя цилиндрическую форму, а с внутренней стороны укреплялись кольями к земле. Высота стенки равнялась 130—150 см. Каркас обычной юрты составлялся из шести тирме. Например: «Тѳрт паханныг, алты тирмелїг ах киис иб». — «С четырьмя подпорками, с шестью решетками белая войлочная юрта». Диаметр ее равнялся 700—800 см. Богатые юрты баев насчитывали восемь, десять и даже двенадцать тирме. Естественно, от их количества зависит и размер юрты.

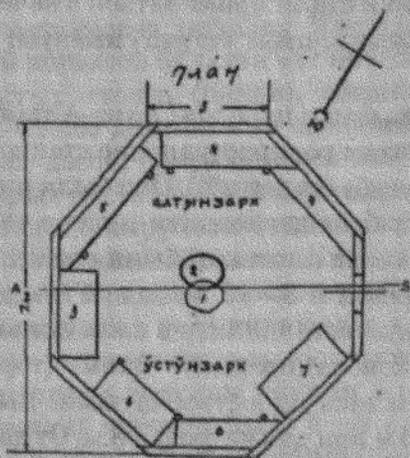
Чертеж-схема берестяной юрты (тос йб)

как в лагерях палатки. Они покрыты бывают в два или три ряда войлоками, ровно как и перекладины, лежащие на них, и обвязываются веревками (аркан)».

Летом юрты покрывались берестой (тос). Белая сторона обыкновенно обращалась наружу, создавая радостное впечатление для путников в степи. Бересту для юрт заготавливали в июне, который до сих пор по-хакасски называется «тос айы» — месяц заготовки бересты. Снятые куски сворачивали в рулоны, затем опускали в большие казаны с горячей водой, закрывали кошмами и распаривали их до эластичности. Гибкую и мягкую бересту сшивали волосяными нитками из гривы лошади в большие полосы (шириной до 50 см и длиной по высоте стены), края берестяных полотнищ обшивались двойным слоем бересты (көбее). Для их сшивания пользовались цыганской иглой (тибене). Дымовое отверстие закрывалось берестяным тунчуком, а дверь затягивалась берестяным пологом. Иногда для большей герметичности поверх нескольких слоев бересты настилали лиственничную кору (хахпас). Берестяные покрытия перевязывались арканами(хурчаг). Но в XIX в. стены берестяных юрт стали опоясываться черемуховыми или тальниковыми обручами — «сыых».

В первой половине XIX в. войлочная юрта стоила от 75 до 150 рублей, а берестяная — 30—35 руб.

У хакасов бытовала стационарная цилиндрическая юрта «чарча». Стены ее состояли не из раздвижных решеток, а из вертикально вбитых по кругу лиственничных кольев (бзек) и планок (сыы), расстояние между которыми 10—15 см, иногда переплетенных между собой в виде плетня. Из одной лиственницы получали до 100 планок для стен. Вверху стены скреплялись внутренним ободом (сыых) из тальника. На него опирались жерди, образующие конический купол. Они поддерживались наклонно врытым центральным столбом «суран». В центре купола находилось дымовое отверстие «түнүк». От дверей к противоположной стороне через центр подвешивались две горизонтальные сосновые жерди «хуртус», прикрепленные с двух боков к поперечным балкам. Они служили для сушки продуктов и одежды. Чарча покрывалась берестой или лиственничной корой. Снаружи стены обхватывались двумя обручами (сыых) из молодой сосенки или лиственницы. Поэтому ее

- 1 отрок
- 2 кыргыз
- 3 кыргыз
- 4 кыргыз
- 5 парак
- 6 парак
- 7 сусек

РАЗРЕЗ «АВ»

ФАСАД

Масштаб 1:100

ХАКАС	ЖИЛИЩЕ	улуу ДОМОНАКОВ Колхоз	ДОМОНАКОВ Павел Афанасьевич (от.л.) -	20.10.1940.	74	1936 г.в.
КАЧИНЦЫ	ЮРТА	Дуураа дала У.А.А.А.А.А.А.А.А.А.А.А.	АХ ХАСКА	1940.	37	Н.Ш.

Чертеж-схема деревянной юрты (агас иб)

иногда называли «сыых иб» — обручевая юрта. Со второй половины XIX в. подобные постройки стали применяться в качестве летней кухни. В настоящее время словом «чарча» именуют времянку.

Начиная с середины XIX в., среди народов Саяно-Алтая (хакасы, алтайцы, буряты) получили распространение стационарные деревянные юрты — «агас иб» (тадар ибi). Они были шести, восьми, десятиугольными, а у баев двенадцати и даже четырнадцатигранными. Стены их (хана или тала) были сложены из отесанных лиственничных бревен в 8—10 венцов. Углы подогнаны «в лапу» (хыйган), иногда вставлялись в пазы специальных отолбов. Бревна проконопачивались мхом (торбас). Деревянные двери «ізік» делались одностворчатыми. Высота средней юрты доходила до 3,5 м при диаметре 6—8 м. От дверей к западной стороне были протянуты два параллельных шеста «хуртус» (артхы) для сушки продуктов и одежды. Концы их врубались в верхние венцы стен.

Крыша (хыр) деревянных юрт была двух типов. Первый по своей конструкции напоминал каркас купола войлочной юрты «тирмеліг иб». Массивный деревянный круг дымохода (хараачы) укреплялся на стропилах «ох агас» (тепкіс), идущих от каждого угла юрты. Крышу покрывали тесом (чарды), края дымохода окаймляли слоем плах «чапанчы», предназначенных для закрепления крыши от порывов ветра. Второй тип конструкции представлял решетку из балок «хыйынды», сложенных в виде пирамиды. Каждая балка свода крыши врезалась в концы двух соседних, образуя продолжение боковых граней многоугольной юрты. Кверху они укорачиваются. В хыйынды насчитываются до 10 венцов. Посередине оставлялось дымовое отверстие. Свод крыши покрывался сначала берестой, а сверху лиственничной корой (хахпас). Для укрепления кора придавливалась слагами «пазыт». За постройку деревянной юрты давали двух волов или одну дойную корову. Бедняки с трудом возводили себе одну шестигранную юрту с корьевой крышей, а баи справляли различные жилые, кухонные и айранные юрты, покрытые тесом. Глава зажиточного семейства с женой занимал одну юрту, дочери — другую, женатый сын — третью и т.д.

В 1840 г. в Хакасии насчитывалось 3073 войлочных и 890 деревянных юрт. В конце XIX в. войлочных и берестяных уже не было, а отмечалось 4047 деревянных юрт. На 1909—1910 гг.

их стало 6018. За годы Советской власти юрты перестали строиться и сейчас сохранились в незначительном количестве.

В подтаёжных районах Хакасии бытовал летний стационарный корьевой балаган «ат иб». Каркас его составляли четыре врытых столба (пахан), соединенных сверху деревянной рамой. Стены делались из наклонно установленных кедровых колотых досок, опирающихся вверху на деревянную раму. В некоторых местах сооружали заплот — «хана»: в четырех врытых столбах вырубались пазы, куда горизонтально вставлялись обтесанные бревна. Крыша была такой же, как у деревянной юрты, т.е. представляла решетку из балок хыйнды, сложенных в виде пирамиды, с дымовым отверстием в центре. Она поддерживалась наклонно врытым столбом «суран», упирающимся верхним концом в раму дымового отверстия. В поперечнике жилище было 5—6 м, а в высоту достигало 2,5 м. Крыша и стены ат иба покрывались лиственничной корой. За день обдирали до 100 деревьев. Один человек мог построить ат иб в течение трех дней. В конце XIX в. он стоил 3 руб. Ат иб был одним из древнейших жилищ народов Саяно-Алтая. Его название сейчас непереводимо. Объяснение, что ат иб стоит на четырех столбах как конь (ат — конь), маловероятно. У якутов, предки которых связаны с Саяно-Алтаем, имеется подобное жилище с идентичным названием «ат балаган». Он обнаруживает и конструктивное сходство.

Другим архаичным видом жилища был «алачых» — конический шалаш наподобие чума. Основу его составляли три толстые жерди — «суран», установленные на земле по кругу, а вверху скрепленные тонким березовым обручем хараачы. На основу суран настилались 9 мелких жердей «ух» (сайаш). Алачых покрывался полосами вываренной бересты, лиственничной корой или войлоком, а вверху оставлялось дымовое отверстие. Покрытие его придавливалось тонкими жердями «пазыт». Согласно описаниям исследователей прошлого века, алачых строился «из сошек до двух сажень в вышину, вбитых кругообразно в землю, так что верхние концы их сходятся на поларшина или на аршин друг к другу и вдельваются в деревянный обруч. Это — отверстие для дыма, а с тем вместе и окошко для света. Сошки изнутри расправляются также обручами, уменьшающимися по мере того, как юрта подходит к отверстию для дыма». Диаметр его основания равнялся от 3,5 до 5 м. Войлочное покрытие алачыха называлось «садыр». Один садыр был 3—5 м длиною. На него шла шерсть 10 овец. В конце XIX в. алачых, крытый лиственничной корой, стоил 2—3 руб.

В это время он почти полностью выходит из употребления и становится летним шалашом для пастухов и косарей. Однако в более ранние времена в них жили семьи бедняков не только летом, но и зимой. На ночь, чтобы огонь не потух, в очаг клали два бревна. К утру крыша алачыха покрывалась инеем. Его обязательно обметали, иначе, если иней растает, намокнет земляной пол, и будет грязь.

Во время свадьбы с северной стороны юрты отца жениха обязательно устанавливали алачых, куда садили молодых. В дальнейшем на этом месте для них строили юрту. Сохранившийся пережиток свидетельствует, вероятно, о том, что алачых когда-то служил основным жилищем далеких предков хакасов.

На весенниках бытовали разборные дощатые юрты — «чарды иб». Они состояли из шести сбитых из досок щитов — «тала» с железными крючьями на концах. При сборке стен щиты скреплялись крючьями. Крыша делалась решеткой из балок хыйынды и покрывалась тесом. Такие дощатые юрты появились поздно, не раньше середины XIX в. Они встречались и среди других тюркских народов, например, у башкиров на летовках, и изготовлялись русскими плотниками.

Зимним жилищем бедняков служила изба — «соол иб», представляющая из себя однокамерный прямоугольный сруб с плоской крышей, покрытой пластами дерна «нуңмес». Бревенчатые стены снаружи утеплялись навозом, а внутри белились белой глиной «ах той» (шофай). С южной стороны стены делалось окошко (көзенек) из брюшины животного (у чулымских хакасов из кожи крупной щуки). Соол иб застилался деревянным полом «пас» (салдам). С правой стороны от входа, в северо-восточном углу, устанавливался чувал «соол» — печь типа камина с широко открытой топкой. Он сбивался из глины. Труба (түнүк) сплеталась из мелких прутьев молодой лиственницы и затем обмазывалась толстым слоем глины. На ночь она закрывалась деревянной круглой заслонкой (тунчух или тунгуш), обитой войлоком. Прежде чем закрыть дымоход, заслонку смачивали водой, чтобы она не загорелась от жары. Рядом с чувалом устанавливали печь «кимеге», служившую для выпечки хлеба. В середине XIX в. хакасское зимнее жилище «соол иб» описывалось следующим образом: «... изба без крыши, с узкими лавками вокруг, заваленными разной конской сбруей и с двумя узенькими окнами, затянутыми пузырем, пол деревянный. Направо от входа ярко пылал чувал-печь, или лучше сказать, род камина, битого из глины, с трубою. Этот чувал то-

пится день и ночь, угасает он разве тогда, когда все обитатели зимника погрузятся в глубокий сон и некому подложить дров». В чувале «соол» дрова укладывались стоймя, отчего внутри помещения было много света и тепла. Пища готовилась на тагане. Топили сухим тальником. За одну ночь расходовалось до одного воза дров. Для чувала топливо заготавливали с весны. Привезенный тальник складывали перед изгородью в кучу — «саалты» — высотой до 2 м, а в длину до 10 м. Вполне возможно, что такая форма заготовки дров осталась хакасам от их кетязычных предшественников, в языке которых находится идентичный термин — «салтэ» — щепка, дрова.

Зимние избушки «соол иб» послужили основой для перехода к следующим формам рубленых домов (тура), заимствованных от русских крестьян. С середины XIX в. вместо первоначальных квадратных срубов стали распространяться пятистенные дома «хос тура» (улас тура). Они состояли из двух комнат — прихожей (ізіктегі тура) и горницы (төрдегі тура). Для обогрева стали строить глинобитные русские печи — «улуф пес». Тесовая крыша (хыр) делалась односкатной или двускатной. Потолок держался на матице — «арга». При постройке дома под концы матицы клали на счастье серебряные монеты, а сама она обвязывалась разноцветными лентами (чалама), представляющими знак уважения хранителю жилища (тура эззі). К дому пристраивали сени (сенек) и крыльцо (кірлес). В конце XIX в. газета «Сибирский вестник» отмечала: «Живут они в домах, как русские; часть их и летом не выходит из этих домов; а многие летом хотя и перемещаются в юрты, но эти юрты отстоят от крыльца дома на 5—10 шагов. Только часть откочевывает на летники; верст за 5—6 от зимних домов; но таковых с каждым годом становится все меньше и меньше». В 1840 г. в хакасских ведомствах было построено 125 домов. К 1890 г. их стало насчитываться 4939, а к 1910 г. — 6574. В настоящее время все хакасы живут в деревянных домах. Рядом с жилыми помещениями устанавливали летнюю айранную юрту «кестек» (кецлек). По своей конструкции она напоминала стационарную юрту «чарча» и иногда даже так называлась. В ней находился самогонный аппарат (хазан-хахпах) для перегонки айрана, печь (кимеге) для выпечки хлеба, очаг для приготовления пищи. В зимней усадьбе (теергін) строились деревянные амбары (аңмар) для хранения продуктов питания. На 1910 г. в хакасских аалах насчитывалось 4195 амбаров. Некоторые хозяева имели бани (мылча). Они были двух типов. Хара мылча — черная баня — представляла небольшой сруб, наполовину

врытый в землю, где устанавливалась печь. Горячая вода грелась в казане, вмazanном в печь. Холодная вода держалась в кадке. Дым и гарь выходили через открытую дверь. Ах мылча — белая баня—делалась с русской печью и трубой, выходящей на крышу. В печке имелась каменка. На 1910 г. в хакасских поселениях насчитывалось 335 бань. Согласно народным представлениям, от мытья в бане кожа становится хрупкой и не держит тепло тела. Поэтому количество бань было небольшим и хакасы предпочитали мыться в юрте. Чтобы обезопасить себя от дьявольских сил, в казан с кипящей водой добавляли три горсти богородской травы (ирбен).

Среди северных хакасов были известны шатровые палатки — «селек», сшитые из домотканного холста. Их брали с собой на рыбалку во время непогоды. Ставились они и над кроватью, как полог от комаров. На одну палатку шло 30 аршин холста.

Согласно хакасским поверьям, в покинутом жилище (ээн чурт) поселяется нечистая сила. Поэтому, если туда зайти, необходимо 3 раза плюнуть и произнести: «Мин кірбинчем, хазах кізі кірді». — «Я не захожу, русский человек зашел». В заброшенном доме нельзя ночевать, нельзя ничего брать, иначе тебя ожидает несчастье. Детей даже не пускали играть на то место, где стояла старая юрта, ибо там могли остаться домовые. Для постройки нового дома выбирали место следующим образом. Становились к нему спиной и через плечо бросали хлеб. Если он упадет вверх лицом — значит место счастливое, если вниз — к худу. Затем на ночь клали пенек. Если в него заползет паук — к счастью, если жук — плохо. После того, как установят новую юрту, ее место обязательно надо очистить от черных сил земли — «чирнің харазы». Для этого сначала внутренность помещения окропляли вином, а потом обходили его по солнцу и, продолжая брызгать хмельным напитком, приговаривали: «На это место придут жить красивые люди, а вам придется уйти отсюда!»

Во всех хакасских жилищах (за исключением соол иба) в центре располагался очаг — «от оймазы» (от орны), а над ним в крыше делалось дымовое отверстие (түнүк). Очаг был выложен из камней на глиняном поддоне. Здесь же ставился железный треножник (очых), на котором находился незаменимый казан. Рядом с очагом с северной стороны складывали печь — кимеге. На одну кимеге уходило 200 кирпичей. Стоила она 3 рубля. В деревянных юртах для обогрева в северо-восточной стороне ус-

танавливались чувалы (соол). В год на отопление юрты уходило до 15 саженой дров. Ночью для освещения пользовались лучинами — «сырах» (от персидского «чирак» — светильник) и жирниками — «чарытхы». Золу из очага выносили только в дни новолуний и ссыпали в специальное место (күремдік). Считалось, что разбрасывать золу нельзя, иначе скот будет разбегаться.

Огонь особо почитался у народов Саяно-Алтая. Он являлся оберегом семьи и дома (кізі хуйағы). Огонь представляли в образе пожилой женщины, которую называли «от инезі» (букв. «мать огня»). Ее обязательно кормили перед каждым приемом пищи. Особенно ею чтилась жирная каша на сметане — «потхы», а внимания не заслуживал сухой талкан. Утром, пока в огонь не бросят несколько кусочков пищи или не брызнут айраном, из дома не выходили. На очаг нельзя было наступать и сметать мусор, иначе осерчает от инезі, и ты заболеешь. Огонь в другую юрту не давали, а после захода солнца даже не разрешали выходить с прикуренной от очага трубкой. Можно только принести огонь из отцовского крова в новую юрту отделившегося сына, дабы последнего опекало счастье родителей (пабаның талааны ползын). Если строили новое жилище, то хозяин сам зажигал новый очаг, высекая огонь серебряным огнивом.

Хакасская юрта в социальном отношении делилась на почетную и не почетную части. Пространство от входной двери до очага называлось «от соо» — «низ огня» и считалось не почетным. Обычно сюда садили бедных родственников. Противоположная сторона за очагом именовалась «от пазы» — «глава огня» и являлась почетной. Здесь же находился передний угол, носивший специальное название «төр». В переднем углу устанавливался столик (сірее), за которым обычно сидел хозяин юрты и уважаемые гости. Уважаемого гостя проводили перед «пас параан» к изголовью «пас частыха». Столики были невысокие, с квадратным или круглым расписным верхом и на четырех или шести ножках. За ними сидели, подогнув ноги по-турецки. Стол был почитаемым предметом (улуг ниме). На него нельзя было не только сесть (так могли поступать только бескультурные таежные чыстангасы), но даже облокотиться. В том случае, если на него положить ребенка, то последний станет очень капризным. Гостю надо попробовать все яства, разложенные на столе, иначе стол проклянет гостя: «Ты не пробовал

мой сласти, поэтому ходи голодным и страдай жаждой!» За столом остерегались называть вещи своими именами и применяли иносказание. Его нельзя шатать, иначе люди не будут сытыми. Когда убирают со стола, то крошки нельзя сметать в сторону дверей, т.к. уйдёт счастье (үлүс). Если гость торопился уйти, а угощение оставалось не убраным, то выходящий произносил: «Сірее тут!» — «Держите стол!» Хозяйка со словами «стол тутым» правой рукой придерживала его край, чтобы из дома «не уплыл» достаток вместе с выходящим. Обычно гость должен уходить после того, как стол прибран. Сразу после ухода человека нельзя убирать в доме, иначе смоешь следы, и он не вернется. Если ребенок смотрит между ножками стола, то жди гостя.

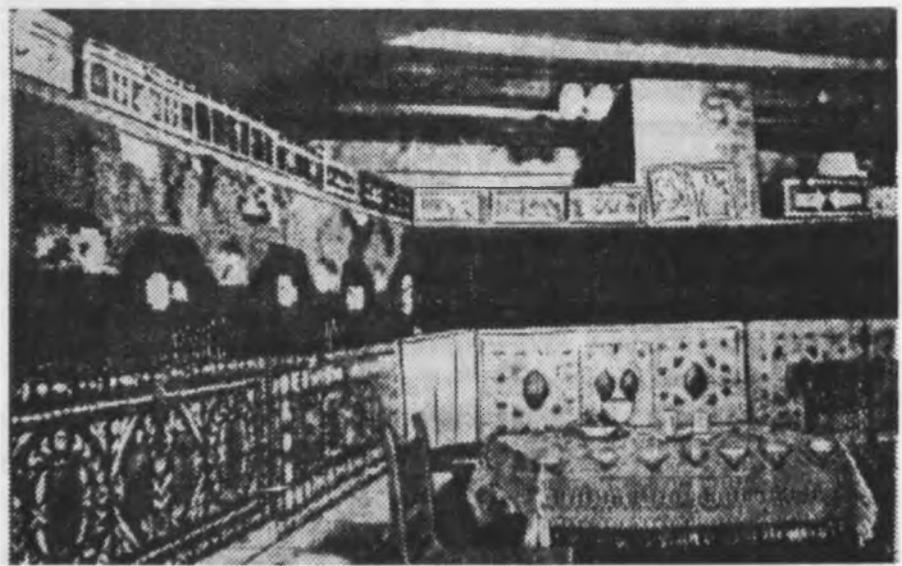
В бытовом отношении внутреннее пространство традиционных жилищ разделялось на мужскую и женскую половину. При входе правая сторона называлась «алтынзарых» (север) и считалась женской. Левая сторона именовалась «үстүнзарых» (юг) и была мужской. Подобное деление существовало у всех тюрко-монгольских народов.

Дверь (ізік) хакасских жилищ была строго ориентирована на восток. «Төр кидер — ізік іскер». — «Почётный угол на западе, а дверь на востоке», — гласила пословица. Расположение двери на восток, вероятно, было связано с почитанием восходящего солнца и господствующим в этом крае западными ветрами. К дверям и особенно к порогу хакасы относились с чувством почтения, смешанного со страхом. В пословице говорится: «Иркін — кізі чобаа», т.е. «Порог — это человеческая беда». Хакасы никогда не здоровались через порог, а обязательно, войдя в дом, снимали головной убор и только тогда подавали руку для приветствия. Если при входе человек запнется за порог, то надо вернуться и перешагнуть его заново. Но если зажмешь дверью ногу, то жди гостя издалека. Дверь нельзя закрывать, сильно хлопая, иначе жизненный путь станет суровым. Ее нельзя открывать ударом ноги — станешь злоязыким. Нельзя наступать на порог, тем более сидеть на нем. Если человек будет стоять в дверном проеме, то порог проклянет, и беда коснется его семьи. У человека может помутиться разум, если он, стоя в дверях, будет держаться двумя руками за верхние косяки. Хакасы были уверены, что ребенок, сидящий на пороге, не вырастет, а у взрослого заболит поясница. При

мытьё полов нельзя забывать про порог, иначе он с плачем проклянет: «У тебя для меня не хватило рук, пусть они отсохнут, пусть твой ребенок станет плаксивым!» Молодые девушки боялись, что из-за этого они не выйдут замуж.

Юрта, дом и вся мебель (аран параан) приобретались на средства мужа и его родни. Все внутреннее убранство (иб істі) — постельные принадлежности, утварь для буфетных стоков, имущество для мебельных секций — состояло из приданого жены. Она с собой привозила 5,7 или 9 сундуков добра и 3 ковра. В ранние времена родители невесты сетовали: «Хыстың чазалы улуг». — «Снаряжение у девушек большое».

Напротив входа у западной стены ставилась супружеская кровать — орган (орындых). Она изготовлялась из дерева. Ее фасад «орган хамагы» (букв. «лоб кровати») обивался 4—5 рядами резных реек, обтянутых цветным сукном — красным, зеленым, синим. Постель (төзек) состояла из многослойной, в 4—5 рядов, простеганной белой кошмы. Под нее сагайцы и бельтеры стелили цинковку «ой сип». Каждый слой кошмы с лицевой стороны (төзек миизи) обшивался разноцветными полосками сукна — красным и зеленым. Сверху стелился матрас (олбы) из однослойной белой кошмы. Олбы для прочности и для красоты простегивался геометрическим орнаментом, а с лицевой стороны обшивался красным сукном. Постель покрывалась овчинным одеялом (чорган) и заправлялась легким покрывалом из ситца (хыблых). Зимнее одеяло (хара чорган) шилось из шкур овец, а летнее (ах чорган) — из мерлушек и покрывалось синей бязью. Богатые хозяева имели нарядные одеяла (көлбеске чорган), сшитые из хорошо выделанных мерлушек или даже соболей (кис). Сверху они покрывались шелком, а по краю делалась кайма (хачы) из шелка другого цвета. Лицевой край одеяла опушивали беличьими или собольими лапками (харсах хума). С двух сторон постели лежали хакасские подушки (частых). Они делались в виде суженных с тыльной стороны валиков из дубленой кожи. Лицевая сторона валика обрамлялась четырехугольной дощечкой, обтянутой плисом. Плисовая сторона украшалась вышивкой «чеек» из плетеных шелковых шнурков. С тыльной стороны частыха было отверстие, куда складывали белье и одежду. Подушка, лежащая в изголовье с южной (мужской) стороны, называлась «пас частых» — головная подушка. На ней спал хозяин юрты. С противоположной

Мужская половина юрты (ибшч устусари)

стороны находилась «азах частых» — нижняя подушка, на которой отдыхала жена. На период своего отъезда хозяева помещали на кровать березовый обрубок, чтобы постель не оставалась пустой и не потерялась жизненная сила — «хут».

На стене над кроватью вешался войлочный ковер (сыраан киис) длиной 2,5 м и шириной 1,20 м. По толстому войлоку, вдоль боковых краев, вышивались контурные узоры из повторяющихся фигур. Ковер окаймлялся плисом.

Кровать завешивалась пологом — «кбзеге». Он делался из шелка или парчи. Верх полога (чага) шился из двух полос плиса, между которыми вшивалась полоса шелка. Он украшался раковинами каури и перламутровыми пуговицами (тана). Полог укреплялся петлями (илбик) за специальную жердь (артхы). Сшивался он из пяти полотнищ (кбзеге пуды) разных цветов — синего, красного, зеленого. Над пологом натягивали поперечную штору (талбырга) из шелка другого цвета с оборками и кисточками. Постель и полог в юрте молодоженов готовились одновременно. После смерти супругов постель и полог разрезали пополам и хоронили вместе с ними. Исследователи прошлого века, побывавшие в традиционной хакасской юрте, описывают их убранство следующим образом: «Внутренность летней юрты производит приятное впечатление. Против входа, в нарочно устроенной нише, помещается парадная по-

Женская половина юрты (ибііц алтысари)

стель хозяина в виде софы, покрытая тюменским ковром с двумя по бокам четверосторонними валиками из замши, обшитыми в узор шелковыми разноцветными шнуточками, к прочим стенам приставляются скамьи, покрытые войлоком, и полочки, на которых были размещены в большом порядке святые иконы. Тюменские обитые жестью ящики, расписанные красками туески, медные ковши, чайники, горшки с молоком, стеклянные штофы, наполненные аракою и молочным вином, и различная посуда».

С северной стороны юрты, на женской половине, находились три буфетные стойки, имеющие общее название «алтынзархы параан» или «алтынзархы тасхах».

Первая от входа буфетная стойка известна как «сабан ілгөрі» — полка для кадок (а также «ізіктегі ілгөр» — дверная полка, «азахтағы ілгөр» — последняя полка) на нижней подставке «нарых», идущей вдоль стены, стояли кадки с айраном и творожистой массой «аарчы». Над ними находились полки для различных ведер и берестяных туесов. Рядом устанавливалась тренога (чахы) из соединенных трех жердей, служащая для подвешивания мяса. Здесь же на полу располагались ручная деревянная мельница (теербен), ступа (согах) с пестом, зернотерка (паспах) и другая утварь.

Средняя буфетная стойка носила название «улуг ілгөр» — большая полка (а также «айах ілгөрі» — полка для чашек). Она состояла из 6 или 7 рядов полок, где устанавливалась разнообразная посуда из стекла, фаянса, фарфора и металла. (Керамику «той ідіс» хакасы не любили). Треснутые тарелки и чашки убирались, т.к. они сопровождают только умерших. На самой верхней полке размещались бутылки. Ниже находилась серебряная, медная и бронзовая посуда (кувшины, кумганы, тазы и т.д.). Каждую пятницу дети начищали ее золой, смешанной с песком и сывороткой. В самом низу располагалась посуда из прессованной кожи — бурдюки, фляжки, торсуки, тазоры и т.д. Согласно хакасскому обычаю, невытую посуду никогда нельзя давать людям, иначе свое счастье уйдёт.

Третья буфетная стойка находилась у кровати и называлась «кічіг ілгөр» — малая полка (а также «чірче ілгөрі» — полка для чайной посуды). Она состояла из двух настилов, где стояли самовар, различные чашки, стаканы и блюда. Внизу ее хранились два сундука (пазах) и три кожаных самодельных чемодана (көң хап). Они завешивались коврами.

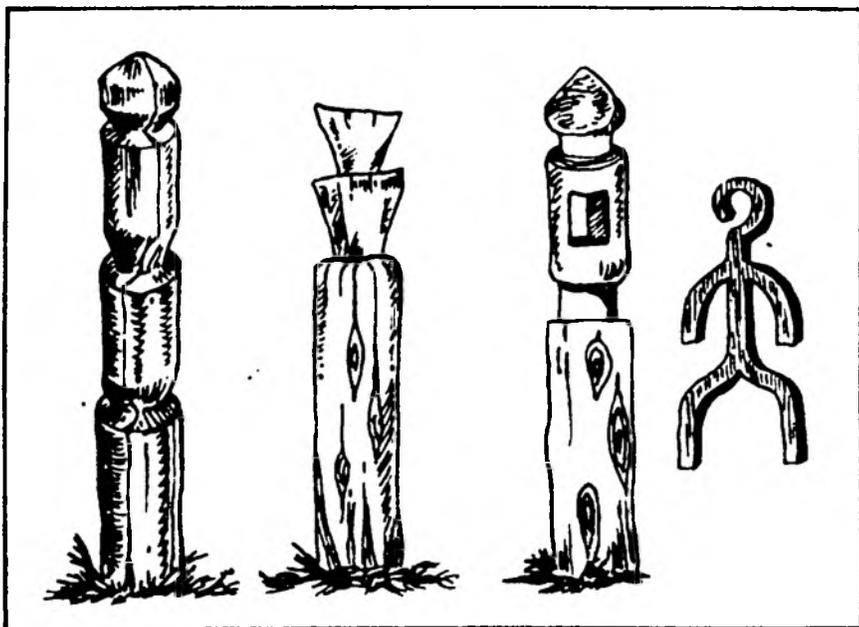
С южной стороны вдоль стен были установлены три мебельные секции «үстүнзархы параан» или «үстүнзархы тасхах». Самая почетная, под названием «пас параан» (главная мебельная секция), находилась у кровати. На ее нижних подставках стояли два больших сундука (пазах) из наследства мужа. Они были завешаны дорогим персидским ковром (сын кибіс). Над ковром устанавливалась полка с расставленными шкатулками «абдыра». Здесь же уживались святые иконы и почитаемые шаманистами онгон «чалбах төс» и изображение богини Умай. Все имущество, находящееся в пас параане, состояло из наследства мужа.

В средней мебельной секции «хос параан» (ортын параан) также внизу на подставке из разных плах стояли два сундука (пазах), затянутые ковром. Народ победнее завешивал их матерчатой занавеской «парачын». Над ковром или занавеской шла полка со шкатулками «абдыра» и сумами «похча» (длинной 1 м и шириной 0,5 м) из красной дубленой кожи. В них складывали предметы женского рукоделия (ах хурчух) или хранили гостинцы. На самом верху стопками складывали шубы (сыртап) и халаты так, чтобы их вышитые спинки украсили вид юрты.

Третья мебельная секция находилась у дверей и называлась «азах параан», т.е. крайняя или «ізіктегі параан», т.е. дверная.

На нижней подставке хранились кожаные сундуки, которые обычно завешивались ковром или занавеской. Хакасы сами изготавливали сундуки: сир хап — из сыромятной кожи, көң хап — из конской кожи, тім хап — из дубленой скотской кожи. Кожа натягивалась на деревянную раму в сыром виде и твердела как железо. В сундуки сир хап засыпали сушеный кандык, сарану или зерно, в тім хапе хранили сушеные сырцы (пічірбө, хурут), в чемодане көң хап держали обувь. Вдоль мебельных секций (үстүнзархы параан) были пристроены длинные лавки (тахта или салдам). На них днем сидели, а ночью они служили для сна.

Пол традиционных жилищ хакасов (за исключением соол иба) был земляной. Он застилался невыделанными шкурами (талбах), а сверху покрывался кошмами (киис). Сагайцы, кроме того, у дверей клали дорожки из холста (ике), а кызыльцы при входе стелили циновки (чирлік). Для почетных гостей держали узорчатый белый войлочный тюфяк (сөөк киис). После ухода гостей его сворачивали и складывали за ковром в средней мебельной секции. Особым ореолом почтения был окружен веник (сыбырғы) — орудие борьбы за чистоту помещения, выполнявший также функцию оберега. Его изготавливали из колючего кустарника (таволочника, золотарника, боярышника и др.). Постоянным местом его нахождения была площадка у дверей. Хакасы верили, что по своей магической силе веник равен шаману и не пропустит нечисть в дом. Сметенный мусор обязательно выносили в помойную яму. Если грязь оставить дома под веником, то нечистая сила пролезет мимо оскверненного орудия труда. Веник нельзя передавать в руки другого хозяина, иначе они станут врагами. Им нельзя ударить человека, а тем более ребенка — это к беде. Рабочую часть веника нельзя обрубать. В противном случае его «открытая» вершина не сможет бороться против агрессии нечистых сил и болезней. Кто рубит верх, у того ребенок станет немым. Когда переезжали в новую юрту, то старый веник забирали с собой. Но если хотели выбросить, то обязательно разрезали или распускали связывающую его бечевку. В противном случае брошенный в пустом доме старый веник превратится в дьявола и, прыгая, достигнет своего хозяина, которому от него будет грозить несчастье. Таким образом пропагандировался культ чистоты в хакасском жилище.

Коновязи и тамга (сарчын, тацма)

Перед юртой обязательно устанавливали коновязь (сарчын) высотой 1,5—2 м. По обычаю ее надо было установить раньше, чем будет поставлено жилище. Верх коновязи делали фигурный, из 3 или 5 зарубок (киртпек) для привязывания поводьев. У младшего сына сарчын имел сквозное квадратное отверстие. Коновязь нельзя срубить или сжечь, иначе потеряешь счастье. Хакасы следили, чтобы на этот почитаемый предмет даже не мочились собаки. Если сарчын сгнивал, то его клали на крышу юрты, дабы люди не наступали на него ногами.

Итак, хакаские поселения аалы и традиционные жилища были максимально приспособлены к полукочевой жизни кочевников. Они не отличались по форме и по содержанию от таковых же у других скотоводческих народов Саяно-Алтая и Центральной Азии. В результате перехода к оседлой жизни изменяется строительный материал традиционных жилищ, и распространяются стационарные дома русского типа.

§ 2. Национальная одежда и украшения

Народный костюм хакасов представляет собой исторически сложившийся комплекс, впитавший за долгое время своего развития различные моды предшественников. Он не находит своих прямых аналогий с комплексом одежды соседних этносов Южной Сибири (исключая некоторые общие элементы) и отличается национальным своеобразием.

Первые отрывочные сведения о хакасской одежде встречаются в русских документах XVII в. и в сказках служилых людей. Более полную информацию мы получаем из материалов путешественников и исследователей Сибири XVIII—XIX вв. В 1896—1897 гг. была проведена экспедиция по изучению быта и хозяйственного положения хакасов, результатами которой явилась книга А. Кузнецовой и П. Кулакова «Минусинские и ачинские инородцы». Здесь впервые в одной из глав сделано научное описание хакасской одежды. В советское время данный вопрос не раз рассматривался в работах, посвященных этнографии коренных жителей долины Среднего Енисея. Среди них имеется и специальное исследование по хакасской одежде, выполненное этнографом Ю.А. Шибаевой. Указанная монография дает наиболее полное представление о хакасском костюме. Однако стремление автора выявить этнокультурные и генетические различия среди одежды хакасских групп, имеющих единую культуру, отрицательно отразилось на стройности изложения и привело к тавтологическим повторам. В данной работе мы, опираясь на материалы предыдущих исследователей, дополняем описания костюмного комплекса нашими полевыми сборами за 1970—1990 гг.

Материал для одежды (тавар-тувар). Хакасы кустарным способом изготовляли различные сорта кожи и меха, валяли войлоки, ссучивали нитки и т.д. Весь этот материал применялся для шитья различных видов одежды. Из местного сырья ткали крапивную материю — озац, конопляный холст — сабыр, льняное полотно — киден, полушерстяную материю — таар и сукно — сикпен. Одежда повседневной носки шилась из перечисленных местных тканей, а также из хлопчатобумажных (көбец тавар) фабричного производства: далимбы (талийма), дабы (таабы), цуямбы (сулийма), кумача (хумагы), тика (салтиик), бумазеи (кемезей), бязи (пӱс), ситца (ситсе), сарпинки (сардам)

и др. Последние стоили дешево, и поэтому их могли приобретать даже бедняки. Праздничная одежда шилась из шелковых тканей (торгы): камки (хамгы торгы), кафы (хаңма торгы), чесучи (чунча), атласа (көбең торгы), штофа (стоп торгы), бархата (кілің), плиса (кілің торгы), китайки (маңных) и др. Указанные товары привозились в Хакасию купцами из Китая, Средней Азии и России. Ткани с крупными фабричными рисунками (улуғ ойығлығ) назывались мужскими (іргек маңных, іргек кілің и т.д.) и шли на одежду мужчин, а с мелкими (кічіг ойығлығ) — женскими (тізі маңных, тізі кілің и т.д.) и предназначались для женщин. Предпочтительным цветом для костюма был красный, синий, зеленый, коричневый, бордовый и черный. Хакасы не любили желтый цвет, ибо он ассоциировался с видом духа-хозяйки малярии (тудан ээзі) и желтухи (сарығ хат). Пожилым людям не рекомендовались яркие ткани (саңылтах).

Нательная одежда (іс кип). Основным видом нательного белья служили у мужчин рубаха (ир көгенегі), а у женщин — платье (ипчі көгенегі). Для повседневной носки они шились каждый год весной на Пасху из хлопчатобумажных тканей, а праздничные — из шелка.

Покрой мужской рубахи напоминал женское платье, но делался намного короче и посередине спинки не вставлялись клинья (чыынчак). На ее пошив шло до 5 метров ткани. Она кроилась с поликами (ээн, иңмен) на плечах, с разрезом на груди и отложным воротником, застегивающимся на одну пуговицу (төс марха). С двух боков стана вшивались по два клина (сабығ). Спереди и сзади ворота делались складки (чыырынды), благодаря чему рубаха была очень широкая в подоле. Объемные рукава с частыми сборками у поликов (ээн пазы) заканчивались узкими обшлагами (моркам), вокруг которых также собирались сборки. Под мышками вставлялись квадратные ластовицы (холтых) (см.рис.). Полики, обшлага и подол мужской рубахи делались из одной и той же ткани.

На женское платье шло до 7 м полотна. Две полосы (ин) материи составляли переднюю часть стана, две шли на спину и одна на рукава. В отличие от мужской рубахи посередине спинки женского платья вшивалось два узких клина «чыынчак», а с двух боков вставлялось по одному широкому клину «сабығ». Задний подол делался длиннее переднего и образовывал не-

Хакасское платье и рубаха (көгенек)

большой шлейф (хузурух). В женском платье, под правой ластовицей, находился разрезной карман (нан ізебі). К стану сначала пришивали воротник, а затем рукава (см.рис.). На шве рукава под мышками и над обшлагами оставляли непроштыкованные полоски, длиною в четверть, которые скреплялись швом «через край» (чөрбен). Такие полоски назывались «хут сыынчаң» — т.е. место притяжения души человека. Их зашивали после его смерти на похоронах. Полики, ластовицы, обшлага, кайма (көбее), идущая вдоль подола, и углы отложного воротника женского платья делались из материи другого цвета. На севере Хакасии, в долине Июсов, по нижней части платья нашивалось 2—3 черные ленты (хурчаг). В долине Абакана такой моды не было, но некоторые женщины над каймой, идущей вдоль подола, делали оборки (талбырга). Прямой разрез (паар) застегивался у ворота одной круглой перламутровой пуговицей (тана).

Женское платье никогда не подпоясывалось (за исключением вдов). По своему покрою (наличие характерных поликов на плечах, ластовиц, сборок у ворота и на рукавах) хакасская национальная одежда аналогична кетскому платью, что, несомненно,

свидетельствует о древних этнокультурных связях. Данное предположение подкрепляется общей хакасско-кетской терминологией для обозначения указанных элементов костюма. Например: холтыцай (кет.), холтых (хак.) — ластовицы; ен (кет.) — клинья, ээн (хак.) — полики: хоэн (кет) — полочки (распашной одежды), хойын (хак) — пазуха и т.д. Учитывая также древность кыргызской ветви Великого Шелкового Пути, снабжавшей население Хоорая китайскими и персидскими товарами, нет полного основания говорить о русском происхождении характерных деталей хакасского наряда.

На праздничном женском платье полики, обшлага и кайма (көбее) украшались национальными узорами. Кроме этого, по краю обшлагов и подола нашивались надставки (одырынчы) из материи другого цвета. Под воротником с двух сторон разреза пришивали по перламутровой пуговице, украшенных кораллами и серебряными навершиями (силбі). Надо отметить особое отношение хакасов к пуговицам (марха) и воротнику, считавшимися хранителями души (хут) человека. При продаже одежды обязательно надо отпороть пуговицы, иначе вместе с ними уйдет счастье. На одежде умерших их не отпарывали, а отрезали. Если на дороге находили красивую пуговицу, лежащую лицевой стороной вверх, то ее разрешалось взять. Если вниз — то нельзя. Когда старую рубашку пускали на тряпки, портянки и т.п., то обязательно отпарывали воротник, дабы освободить ее «душу». Согласно хакасским поверьям, человеку нельзя ходить в рубашке с разорванным воротом, ибо в такой одежде только хоронят.

Хакасские женщины, живущие в верховьях р.Таштып, наряду с общенациональным платьем, носили также «сыбай» (арта салгыш) — нательную одежду другого покроя. Сыбай шился прямым, со швами на плечах. Поликов и ластовиц не было. Воротник отложной. Прямой разрез отделялся планкой. С двух боков стана вставлялось по клину. Обшлага (чыңмах) рукавов шились из общей материи. С двух сторон сыбая, начиная от плеч, по груди и спине шли по три продольных складки, образующие пышную форму. На это платье требовалось до 5 м ткани.

Русские платья (килгейек көгенек) из-за их узкого покроя хакаски носить не любили. Однако под влиянием соседних крестьян в XIX в. среди коренного населения Хакасии стало распространяться нижнее белье «ис кип» или «урбаха». Ис кип

шился в виде майки из льняного полотна или ситца. В основном нижнее белье одевали женщины.

Для пастухов шились рабочие рубахи «хырна көгенек» из овчины со снятым ворсом. Они делались глухими, без ворота, только с прорезью для головы. Кожаные рубахи «хырна көгенек» носили не только бедняки, но даже некоторые баи, наподобие знаменитого хакасского скупердяя Нартаса Азракова.

Во время кедрового промысла подтаежные жители одевали холщовые рубахи «озаң көгенек» (сабыр көгенек) из крапивного или конопляного холста. В таких прочных рубахах было удобно подниматься на деревья.

Поясная одежда хакасов состояла из нижних штанов «ыстан» и верхних брюк «чаңмар», названия которых были общими для всех тюркских народов. Повседневные мужские брюки шились из темной хлопчатобумажной ткани, а праздничные — из плиса. Для мужской поясной одежды существовало два типа покроя. Наиболее распространенными были брюки с квадратными вставками «тахтай» или «ластып». Штанины делались из двух согнутых вдоль прямоугольных полотнищ, между которыми вставлялось дно (түп) из четырёх треугольных клиньев, сшитых попарно между собой. Над клиньями спереди и сзади пришивались квадратные вставки «тахтай». Благодаря им брюки получались с очень широким разводом (расстояние между вытянутыми штанинами до сажени). Штанины и вставки сверху подгибались и прошивались, образуя поясной край «чаға». Брюки держались на шнурке «пил пағ», свитом из белой шерсти и пропущенном внутри подшитого поясного края. (см. рис.). Другой тип брюк назывался «пут хабы» (пут кибі) и шился без вставки, только с клиньями между штанин. Оба типа покроя штанов были широко известны среди тюркских народов Средней Азии и Южной Сибири. В начале XX в. многие хакасы перешли на русский крой брюк (казах пычызы).

Праздничные мужские брюки «плис ыстан» обязательно делались с прорезными карманами (ізеп) по бокам. Поверх карманов нашивались шелковые или парчовые лампасы, алеющие из-под подола рубахи в виде раздвоенной вилки.

Женские панталоны «сүбүр» обычно шились из синей дабы. По своему крою они не отличались от мужских штанов первого типа, т.е. с обязательной квадратной вставкой тахтай. Штани-

ны заправлялись в голенища сапог. Концы их не должны видеть мужчины, и особенно свекор.

Пастухи зимой носили кожаные штаны «хырна ыстан» из овчинной или козловой шкуры со снятым ворсом. Для изготовления их требовалось две шкуры, из которых кроили две штанины. Шились хырна ыстан без клиньев и без квадратной вставки.

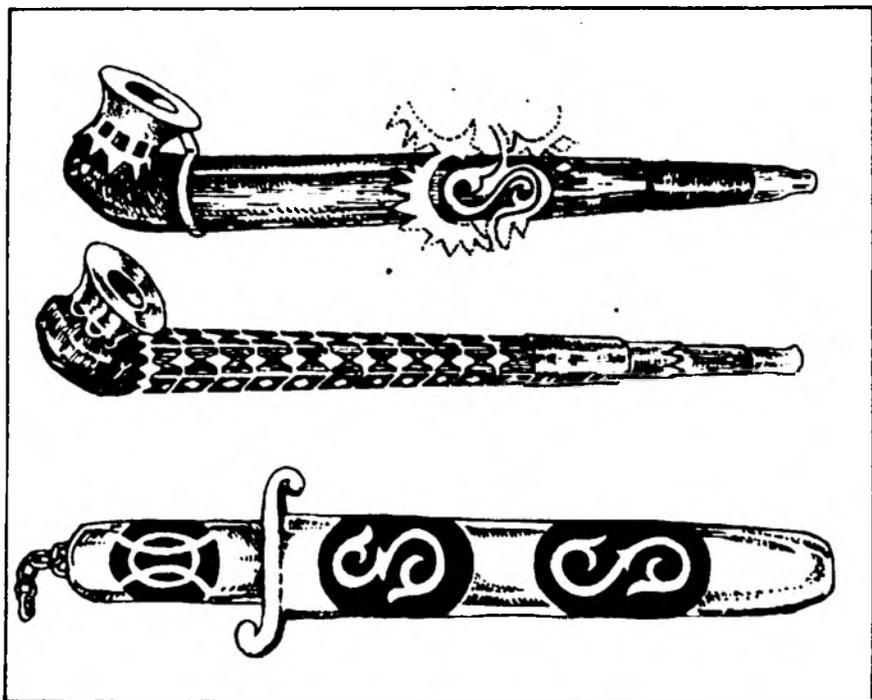
Охотники пользовались крепкими холщовыми брюками «чаңмар», одевавшимися поверх нижних суконных штанов. Покрой их не отличался от поясной одежды первого типа (т.е. с квадратной вставкой). По нижнему краю штанин делались манжеты (сырғанчык). Чаңмары носились навывпуск и закрывали голенища сапог от снега.

Малышам одевали трусики «сантах». Они сшивались из двух штанин, прикрепленных к поясному краю (чаға). Дно было открытым, и поэтому ребенок мочился, не увлажняя сантах. Трусики с открытым дном одевали на малыша, когда тот начал ползать.

Летняя верхняя одежда (кип-азах). Во время летней прохлады поверх мужской рубахи или женского платья одевали черную суконную или нанковую распашную безрукавку «холтырбас» на китайчатом подкладе. На женском холтырбасе проймы и отрезная спинка обшивались растительным орнаментом. В первой половине XIX в. безрукавка оценивалась в 15 рублей.

В холодную погоду поверх платья или рубахи одевали меховую телогрейку «көгіспек». Она шилась из мерлушки, без рукавов и покрывалась сверху тканью, полы и подол украшали шелковыми узорами.

Среди баев были популярны мужские халаты — «чимче» (чыпча). Для повседневной носки они шились из сукна, а праздничные — из плиса и шелка (іргек маңных). Подклад делался из холста или синей нанки (көк пös), а в подтаежной местности из меха горностая и колонка. Полы халата были прямыми. Длинный шалевый воротник, обшлага рукавов и борта обшивались черным бархатом. В архивных делах XIX в. часто встречаются упоминания о мужских халатах (чимче). Например: «Халат шелковый красной китайской материи» стоимостью

Хакасские трубки и нож (хацза, пычак)

125 руб. «Мужской халат, голубой китайчатый подклад девятиельного холста» стоимостью 15 руб. и т.д.

Мужской халат, как и любая другая мужская верхняя одежда, обязательно подпоясывался шерстяным кушаком «хур», два конца которого, согласно традиции, завязывались и спускались спереди. Праздничный чимче подпоясывался шелковым кушаком «чібек хур», с золотой каймой и разноцветными кистями на концах. С левой стороны кушака прикреплялся нож в деревянных, орнаментированных оловом ножнах «хынныг пычак», а за спиной привешивалось за цепочку серебряное огниво (отых) с коралловыми инкрустациями. Подобная мода на ношение огнива и ножа существовала у алтайцев и калмыков. Вполне возможно, что она восходит к традициям населения Джунгарского ханства.

Трубки (хацза) вместе с кисетом мужчины носили в кармане, а женщины за голенищем сапога. Хакасские мужские трубки (пагыр хацза) инкрустировались оловом или серебром. Как отмечает этнограф В.П. Дьяконова, подобное инкрустиро-

вание не типично для других народов Саяно-Алтая. Кроме хакасов, оно характерно только для кетов. Такое совпадение следует расценивать как еще одно свидетельство их этнокультурных связей в прошлом.

Пастухи и бедное население в ненастье поверх нательной одежды накидывали дождевики «сабыр» из конопляного холста. Он шился прямым, со швом на плечах и без подклада. У ворота сабыр застегивался на одну деревянную пуговицу и подпоясывался кушаком. Шалевый воротник,

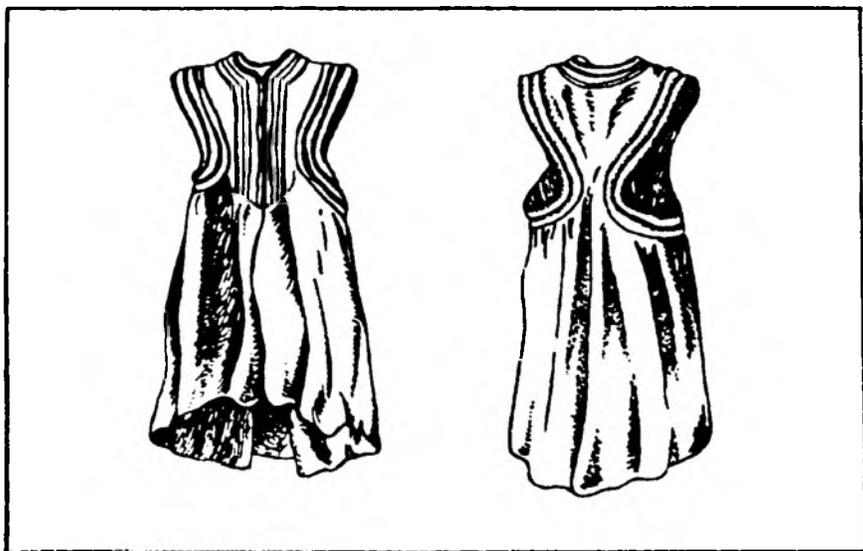
Сшипка женской шубы

шириной в четыре пальца (төрт иліг), покрывался чёрной материей. Сабыр являлся необходимой одеждой во время промысла кедрового ореха. Кроме того, сабыр одевали охотники в тайге поверх войлочной куртки «киис тон».

Женщины летом носили халаты «чайлых». Обычно они шились из синей нанки (көк пös) на холщовом подкладе. Борта чайлыха обшивались каймой (көбее) из красного шелка. Основа (чаба) кительного воротника делалась из трех-четырех матерчатых прокладок, склеенных клеем, и была идентична технике изготовления в тувинских костюмах. Воротник и обшлага обшивались плизом. Левая пола с четырехугольным выступом «пайир» запахивалась на правую.

Согласно русским источникам начала XVIII в., у хакасов «женский полк ... летом носят жайлоки / т.е. чайлыхи — В.Б./ по их вере и сверх того носят чигилек / т.е. сигедек — В.Б./, подобен басроку».

Замужние женщины поверх праздничного костюма (халатов и шуб прямого покроя) обязательно одевали своеобразную безрукавку «сигедек». Девушки и вдовы не имели право носить подобный наряд. Сигедек шили распашным, с прямым разрезом. Полы сходились посередине и завязывались у ворота. Широкие проймы (ойых), ворот (чага) и полы (паар) украшались радужной каймой «чекк». Вокруг проймы нашивались две до-

Женская безрукавка — сегодек (сигедек)

рожки чеека, а по полам и вороту — одна. Каркас сигедека делали из четырех слоев ткани, склеенных клейстером, благодаря чему он хорошо сохранял свою форму. Подобная основа называется «чаба». Первоначально чаба изготовлялась из тонкой кожи. Такой факт отмечен Ю.А. Шибяевой и, кроме того, подтверждается данными хакасских диалектов, где термин «чаба» (чама) сохранился еще в значении «кожа, шкура».

Сигедек был двух типов: отрезной и прямой. Последний шился из шелка. Спинка украшалась растительным орнаментом. Для отрезного сигедека использовался плис. Он состоял из лифа на подкладе и пришитой юбочной части. Спинка украшалась тремя, пятью или семью аппликациями «пырат». Под каждой из них делались сборки, и с двух сторон пропускались кисточки (чачах). Присобранная в талии юбочная часть «хондырых» изготовлялась из шелка, парчи, бархата с нашитой по низу бахромой. Во второй половине XIX в. шелковая женская безрукавка стоила 20 рублей. Хакасскому сигедеку близки женские безрукавки западных бурят, алтайцев (чегедек) и калмыков (цзгедек). По всей видимости, эта форма одежды ойратского происхождения.

Женский праздничный халат «тузальных», в отличие от чайлыха, кроился прямым со сборками на подоле. На уровне колен

подол халата сзади и с боков простегивался сухожильными нитями, образующими перехват «тузалых» (т.е. путы) из мелких сборок. Производилось впечатление, что ноги связаны и человек может упасть. По своеобразному перехвату ведет свое название и весь халат. Тузалых обычно шился из шелка или плиса на подкладе из хлопчатобумажной ткани. Воротник кительный. Левая пола с прямоугольным выступом «пайир» запахивалась на правую. Борта и манжеты рукавов опушивались мехом выдры (шириной в четыре пальца). С двух сторон под рукавами тузалыха имелись петли «ілбік», за которые женщины для красоты привязывали шелковые платки или длинные декоративные кисеты.

Женский халат «тузалых» украшался своеобразной радужной вышивкой «чеек», несущей основную декоративную нагрузку. Чеек представлял собой нашитые вплотную, ряд за рядом, швом «через край», узенькие шнурочки, сплетенные на руках из цветного шелка. Сначала три человека ровно ссучивали три нити одного цвета. Затем из трех ссученных нитей сплетали шнурочки, которые нашивали на одежду, обязательно по два одноцветных рядом. В декоре чеек сочетались семь цветов, напоминающих радугу: малиновый, желтый, оранжевый, белый, голубой, зеленый и алый. Ширина вышитой дорожки равнялась ширине большого пальца. В более ранние времена вышивали три дорожки чеека, а в современный период делают только одну. Радужная кайма из плетенных шнурков известна среди вышивок одежды тувинцев (чзэк), казахов (жиек), калмыков (зег) и других тюрко-монгольских народов.

Декором чеек украшался кительный воротник (мойдырых чеегі), прямоугольный выступ (пайир) левой полы (паар чеегі), рукава повыше локтя (ниин учындагы чеек) и подол над сборками (тузалых чеегі). В середине XIX в. женская шелковая летняя шуба стоила 80 руб. Тузалых обязательно одевался с безрукавкой (сигедек). После смерти хозяйки, согласно традиции, праздничную одежду хоронили вместе с ней. Вероятно поэтому в настоящее время подобные наряды среди хакасов практически не сохранились. Праздничный наряд, в котором отправляют покойного в загробный мир, называется «кибен». В других тюркских языках термин «кибен» обозначал саван.

Демисезонная одежда. Осенью и весной в качестве повседневной одежды употреблялся армяк (таар). Он шился из грубой

домотканой полушерстяной материи. На один армяк требовалось девять аршин ткани. Шалевый воротник покрывался плисом. Борта и манжеты рукавов обшивались тесьмой или кожей. Женщины носили таар, как и другую верхнюю одежду, без пояса, а мужчины подпоясывались кушаком.

Во второй половине XIX в. мужчины стали носить верблюжьих азямы — «эзем» (өрбек), заимствованные от русских крестьян. Они представляли собой тонкий шерстяной плащ желтого цвета с отложным воротником, покрытым плисом. Во время работы пастухи и бедняки носили кожанки «чаргах тон» (хагдыр тон), сшитые из осенних шкур диких козлов со снятым ворсом. Чаргах тон был нагольным и без подклада. К вороту пришивался кожаный капюшон «пастых». В средние века чаргах тон одевали под кольчугу. Подобный вид одежды «жаргах» бытовал среди казахов и киргизов.

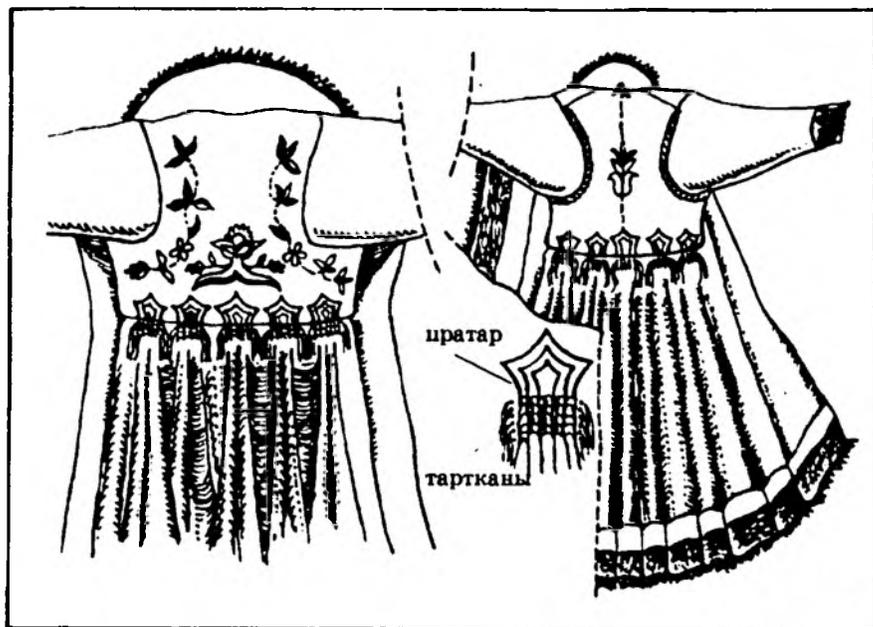
По праздничным дням молодые женщины одевали распашной кафтан «сикпен» или «хаптал». Он шился из тонкого черного сукна и был двух типов: отрезной и прямой. Шалевый воротник покрывался красным шелком или парчой. На лацканах нашивались перламутровые пуговицы (тана) или раковины каури, а края окаймлялись жемчужными пуговицами (үзүмчүк). У северных хакасов-кызыльцев воротник вышивался растительным орнаментом. Под лацканом, на левом борту сикпена у застежки, нашивались три, шесть или девять (по три в три ряда) перламутровых пуговиц. Обшлага рукавов и клапаны карманов шились из черного бархата или плиса и украшались шелковыми узорами. Следует отметить, что концы обшлагов сикпена (как, впрочем, и у другой женской верхней одежды) в долине Абакана делались со скошенным выступом в форме конского копыта. Подобная форма носит название «омах». Скошенные обшлага были удобны для прикрытия лица стыдливых девушек от назойливых взглядов парней. На севере Хакасии, в долине Июсов, концы обшлагов делались прямыми. Форма «омах» характерна для одежды бурят и калмыков, что свидетельствует об этнокультурных связях хакасов с монгольскими народами.

Спинка прямого сикпена украшалась растительным орнаментом, а линии соединения проймы рукавов обшивались декоративным швом «өрбе» — козлик или козлежка наперекрест. Шелковые нитки шва пересекаются и образуют косую сетку.

Хакаска различают следующие его разновидности: ачых өрбе — открытая козлежка, туюх өрбе — замкнутая козлежка, азахтыг өрбе — ножная козлежка, аргалыг өрбе — спинная. Для хакасской вышивки характерны яркие цвета растительного орнамента, причем у качинцев доминируют сочетания стилизованных трилистников (үс азыр), а у кызыльцев и сагайцев — натуральные стебельчатые цветки (от пүри). Мастерицы сначала вырезали трафарет «үлгү» из бересты или бумаги, а затем переводили орнамент на ткань. При шитье хакаска применяли более 15 различных швов: тамбурный (сөзіртп тіккен чік), шов «через край» (чөрбеп тіккен чік), штыковка (точып тіккен чік), гладь (толдырып тіккен чік) и др.

При шитье распущенные из мотка шелковые нитки обязательно разрезали вместе с подставленной щепочкой или травинкой. «Насухую» разрезать нельзя. Не передавали «голую» иголку без нитки. Обязательно в таком случае присоединяли травинку или щепочку. Чужой ниткой одежду не подшивали. Если брали из других рук иголку с ниткой, то сначала их три раза продевали сквозь рукав. Вероятно, таким действием предотвращали нежелательное влияние чужих сил. Если на нитке был узелок, то его надо было обязательно оторвать. Нельзя шить чужим узелком. В противном случае между тем, кто завязал его и шьющим возникнут ссоры, сплетни, и они возненавидят друг друга.

Отрезной сикпен украшался аппликациями «пырат». Шелковый квадрат материи натягивался на картон и пришивался по низу спинки. По виду фигура аппликации напоминала трехрогую корону. В ряду насчитывалось три, пять или семь пыратов. Каждый из них обшивался тамбурным швом, затем декоративной вышивкой (өрбе), которую опять окаймляли тамбурным швом. Над аппликацией вышивался рисунок «пять лепестков» (пис салаа, пис азыр), напоминающий лотос. Возможно, этот рисунок был заимствован в поздние времена из орнамента монгольских народов, где почиталось изображение лотоса, приносящего людям счастье. Под каждым пыратом спинка собиралась в четыре продольные складки, которые обшивались декоративным швом (өрбе). Кисточки здесь не пришивались. Красивые аппликации (пырат) являлись предметом тщеславия мастериц, которые любили продемонстрировать перед людьми свое искусство. Хакасское название данного вида

Женская отрезная шуба (одыртпахтыг тон)

орнамента «пырат» — т.е. бурятский, возможно, свидетельствует о его бурятском происхождении.

Зимняя верхняя одежда (тон азах). Зимой хакасы носили овчинные шубы — «тон». Вероятно, в более ранние времена шуба являлась универсальной одеждой для всех времен года. Об этом свидетельствуют не только общетюркский термин «тон» (тонанарга — одеваться), но и этнографические факты. Например, многие бедняки ходили в шубах летом. Причем, в жару руки вынимали из рукавов, и она держалась на кушаке, обнажая голый торс. Форма ношения скинутой с плеч шубы на поясе называется «пилтірбес». Подобная мода существовала у всех народов Южной Сибири.

Шубами могли укрываться вместо одеяла. Согласно хакасскому поверью, шубу клали поперек человека, воротником к стене. Накладывать ее воротником к голове запрещалось, ибо так укрывали только покойников.

Мужские шубы всегда кроились отрезными (кизек чарын-ныг). Задняя часть подола была длиннее передней, чтобы было удобней сидеть в седле. Воротник делался отложной, борта прямые. Однако еще в первой половине XIX в. царские чиновники

отмечали, что мужские шубы были с небольшим стоячим воротником, а левая пола «с клапаном на груди». Указанная форма относится к древнему покрою одежды хакасов и характерна для костюмов алтайцев, тувинцев, бурят и других народов Центральной Азии. Прямые борта и отложной воротник появились, вероятно, позднее, под влиянием русских соседей.

В хакасской одежде левая пола (паар) всегда запахивается на правую (ичёр — букв. внутренняя пола) и застегивается наглухо у ворота на одну пуговицу «чага марха». Раньше бытовали круглые бронзовые пуговицы (хола марха) с ушком. Такие пуговицы, согласно суеверным представлениям, обладали особой силой против нечистых духов, которых можно поразить из ружья, заряженного ими.

Края бортов мужской шубы и обшлага рукавов обшивались меховой опушкой «хума» (обычно из меха выдры). Отрезная спинка делалась с глубокими проймами (холторым). При ее раскрое обязательно левая лопатка вырезалась шире и длиннее, а правая короче на ширину трех пальцев (үс илir). Узкий выступ на спинке мужской одежды называется «чүлчүк». Мужчинам запрещалось одевать шубы без выступа. Ниже спинки вставлялось до шести клиньев (сабыг), расширяющихся к подолу. Под рукавом шубы пришивалась деревянная пуговица или ажурная бляшка «нандых» в виде двух головок лошадей. К ним пристегивались за петельку (илбiк) полы шубы во время хождения по снегу или при посадке на лошадь и т.д. У бедняков шуба была единственной зимней одеждой, причем зачастую шили они ее из непрочных шкур «торых» от пропавших овец.

Женщины носили шубы двух типов: с отрезной спинкой (кизек чарынныг, одыртпахтыг) и прямые (суур чарынныг, хыйган тон). В качестве повседневной женской одежды служила нагольная шуба «суу тон» (суур тон) с прямой спинкой и небольшим шлейфом. По бортам она обшивалась меховой опушкой (хума). Воротник делался отложным, поля прямые. Для украшения использовалась декоративная вышивка, идущая по швам спинки и проймам рукавов. В конце XIX в. суу тон стоил от 6 до 25 руб. На одну хакасскую шубу шло девять овчин (три на спину, три на грудь и по одной на рукава и воротник). В сильные холода поверх шубы одевали доху «чახы» или «хатых». Она шилась прямой из собачьих или козловых шкур

Женская шуба свахи

шерстью наружу. Подклада не было. Дохи одевали и мужчины, и женщины во время поездки по морозу.

Легкий овчинный полушубок «сөкпек» (чапчаахай) шился нагольным. Бедняки делали его из укороченной старой шубы. Сөкпек служил для выполнения хозяйственных работ во дворе. В последнее время этот термин перенесли для обозначения рабочего ватника. Северные алтайцы словом «көспек» называли халат из плиса.

Охотники пользовались легкой войлочной курткой «киистон». Шилась она прямой, без воротника. Войлок покрывался хлопчатобумажной тканью и простегивался. Поверх киистона одевался брезентовый дождевик «сабыр». Плечи и шею закрывала пелерина «чапанчы», сшитая из холста или козловых камусов. Она предохраняла от попадания снега за шиворот. При шитье охотничьего костюма швее запрещалось делать узелки на конце нитки.

К выходному наряду относилась белая нагольная шуба «оңтон», или «көбіскек». Она шилась отрезной из шкур двухлетней овцы. Воротник был отложной, полы прямые. Подол мужской

шубы сшивался из 6 клиньев, а женской — из 8—10 клиньев. Воротник и меховая опушка (хума) делались из мерлушки. Над опушкой шла кайма «хачы» из плиса (у мужчин) или шелка (у женщин). Көбіскек — единственный вид шубы, носимый мужчинами, где имелась кайма, характерная только для женского наряда. Спинка көбіскека, носимого женщинами, украшалась аппликациями и декоративным швом.

Праздничные крытые шубы шились из белых мерлушек. Мужские шубы покрывались шелком (торгы тон) или сукном (сикпен тон). Отложной воротник и опушка, идущая по бортам и по краю рукавов, делались из меха выдры. Рукава украшались национальным орнаментом. Торгы тон трижды обвязывался шелковым кушаком (чібек хур). Подобные шубы составляли праздничный наряд жениха на свадьбе, при поездке к родителям невесты и т.д.

В XVII в. хакасские княгини имели соболиные шубы «кіс тон», исчезнувшие к нашему времени и сохранившиеся только в фольклоре. Во времена Кыргызского государства меха собольи и рысьи составляли богатое одеяние местных ханов.

К выходной женской одежде относилась отрезная шуба «күпейке», сшитая из белой мерлушки и покрытая черным плисом. Низ и прямые полы обшивались меховой опушкой (хума), составленной из передних лапок белок (тиин харсах) или соболей (кіс харсах). На одну опушку уходило до 300 лапок зверьков. Они нашивались в два ряда. Меховые обшивки из передних лапок белок и соболей были характерны для одежды кетов. Меховая опушка по внешнему краю оторачивалась черной мерлушкой. Такая оторочка называется «чылбых» или «көдіртпек». Она присуща только женской одежде. Над меховой опушкой на шубу нашивалась широкая кайма (хачы) из шелка или парчи. Обшлага рукавов делали из меха выдры. Поверх их нашивалась шелковая кайма. Края обшлагов, отороченные черной мерлушкой (чылбых), делались в форме «омах». В местах соединения обшлагов с рукавами и рукавов с проймами оставляли недоштыкованные полоски (первую длиной с толщину пальца, вторую — с четверть), которые скреплялись швом «через край» (чөрбен). Они считались местом притяжения души (хут сыгычан). Отложной мерлушковый воротник с тыльной стороны обшивался опушкой из меха выдры. За ним шла шелковая кайма. При посадке воротника со стороны спины остав-

ляли недошитую полоску шва длиной с толщину пальца для притяжения души. Спинка купейки обязательно украшалась пятью или семью аппликациями «пырат» с шелковыми кисточками, унизанными медными пуговками и кораллами. Отрезные пубы и кафтаны с аппликациями (пыраттыг тон), служащие выходным нарядом, носились без сигедека. Под отрезной спинкой сшивалось от 6 до 10 мелких клиньев «сабыг», благодаря чему подол становился очень широким (равнялся 12 четвертям). Купейке застегивалась на две пуговицы у ворота (чага марха) и на груди (холтыг марха). Согласно народному представлению, такой покроей распространился позже идектіг тона.

Самой нарядной и почетной одеждой считалась женская шуба «хат ээнніг тон». Она шилась прямой из белых осенних мерлушек (кинче) и покрывалась китайчатым шелком высшего качества (тізі маңных). Борта обшивались широкой опушкой из лапок соболя (кіс харсах). За опушкой следовала широкая шелковая кайма, отличная от покрытия шубы. Обшлага рукавов делались из меха выдры с характерным скошенным выступом «омах». Кромка опушки и обшлагов оторачивалась черной мерлушкой (чылбах). Кительный воротник украшался радужной каймой «чеек». Прямая спинка и проймы рукавов обшивались декоративным швом «өрбе», от которого шуба имела второе название «өрбеліг тон». Левая пола, находящаяся на правую, кроилась с прямоугольным выступом «пайир». Последний украшался тремя дорожками радужной каймы «чеек», вышитой на черном плисовом фоне. Подол у колен и рукава у предплечья прошивались несколькими рядами сухожильных ниток, образующих перехваты из частых сборок. От данной моды произошло название шубы «хат ээнніг» — т.е. имеющая слоеное предплечье. Основную декоративную нагрузку выполняла радужная вышивка «чеек» на рукавах. Одна радужная кайма располагалась ниже сборок на уровне локтей — «чыганах чеегі», а вторая — над обшлагами — «олтырых чеегі» (ниин чеегі). Вышитые узоры имели форму бараньих рогов или громадных зигзагов. Поверх сборок подола пускались три дорожки радужной каймы «чеек». Шуба «хат ээнніг тон» носилась вместе с сигедеком. Она являлась достоянием только богатых замужних женщин. Вдовам запрещалось ее одевать. Шуба «хат ээнніг тон» относится к одному из древних видов хакасской одежды. Подобные

формы бытовали в одежде соседних народов Саяно-Алтая. Например, тувинцы еще в XIX в. «подол шубы изнутри стягивали в сборки протянутыми жилами. В XX в. их сменили шубы монголо-бурятского покроя».

Для свах существовала специальная свадебная шуба «идектіг тон» (тузамахтыг тон), идентичная предыдущей. Левая пола имела четырехугольный выступ «пайир», украшенный на груди несколькими дорожками радужной каймы «чеек» (паар чеегі). В старинных шубах воротник делался кительным, а в более поздних — отложным. Воротник из меха выдры или бобра с тыльной стороны обшивался выдровой опушкой, вслед за которой шла шелковая кайма. Свадебная шуба отличалась своеобразным перехватом подола, откуда и получила название «идектіг» — т.е. подольная. Подол на уровне колен, с боков и сзади простегивался девятью, одиннадцатью или тринадцатью рядами сухожильных или шелковых ниток (тартхан чібек). Вокруг подола получались сборки, именуемые «тоорым». Нижняя часть подола, покрытая складками, образовывала подобие юбки и называлась «хондырых» (так же, как и юбочная часть сигедека). Зимой в таких шубах было тепло, т.к. снизу ветер не поддувал и было удобно сидеть, поджав ноги.

Ходить в свадебной шубе «идектіг тон» было неудобно, потому что шаг сдерживался перехватом подола. С двух сторон прикреплялись петли (ілбік), куда привязывались шелковые платки. Поверх идектіг тона обязательно одевали сигедек.

Хакасские рукавицы «мелей» шились из овчины мехом вовнутрь. В сильные морозы поддевали вязаные исподки (ыспотка), судя по названию, заимствованные от соседних крестьян. Праздничные рукавицы «хоостаан мелей» покрывались черным плисом. Лицевая сторона украшалась растительным орнаментом, вышитым разноцветными шелковыми нитками. Верхний край опушивался мерлушкой, а за ней следовала шелковая кайма. Шов большого пальца украшался узорами. Пришить правильно большой палец (іргек) рукавицы довольно трудное дело. На этот счет существовало выражение: «Ирге парарга оой, іргек хазирга сидік». — «Замуж выйти легко, а посадить на рукавицу большой палец трудно (т.е. стать мастерицей нелегко)».

Сваха в свадебном наряде

Согласно хакасской морали, нельзя было продавать свою одежду, иначе уйдет счастье. Запрещалось ходить в порванной рубашке, а тем более одевать обгорелую одежду (кӱйӱк кип) — иначе погибнешь. Белье не стирали, боясь смыть счастье. Нельзя подавать людям вывернутое наизнанку платье. Прежде, чем одеть новый костюм, его обязательно обкуривали богородской травой (ирбен). Иначе там окажутся злые силы. Одежду не перелицовывали, боясь потерять хорошую жизнь. В том случае, когда человека ранили режущим оружием, до тех пор, пока рана не заживет, прорезь одежды не зашивали. Если одежду прогрызла мышь, то испорченное место сначала обжигали горящим угольком или каленым железом и проклинали ничтожных тварей: «Пусть твой рот высохнет! Пусть твои зубы сгорят! Пусть твой грех уйдет, а сама ты умрешь! Дорога мыши пусть уйдет в сторону, наша дорога пусть идет вперед!» С этими словами уголек выбрасывали. Затем края прогрызенного места обрезали и накладывали заплатку. Хакасы подозревали мышей в недобром замысле (чабал ыраланча), и если не оградиться огнем (оттаң хуйахтирга), то человек может погибнуть.

Женщине запрещалось одевать мужскую одежду, садиться на неё и даже перешагивать. В противном случае мужчина заболит (сурни пазылча — подавляется психика).

Обувь (өдік-азах, маймах-азах). Хакасы летом носили кожаные сапоги, а зимой — меховые. В качестве будничной летней обуви употреблялись сагиры — сазан маймах, көң өдік или сағыр маймах. Они шились из продыmlенной сыромятной кожи (сазан, көң) крупного скота. Подошву, а порой и полностью сагиры делали из толстой шкуры «сағыр» с крупа лошади. Отсюда происходит их последнее название, которое вошло и в русский язык старожилов. Они шились без каблуков с кожаными задниками, между которыми вставлялась береста. Подошва прикреплялась двойной сухожильной ниткой. Шили наизнанку, а потом выворачивали на правую сторону. Высокие голенища мужчины подвязывали под коленом кожаным ремешком (поос). На девичьих сагирах для этой цели специально употреблялись медные пряжки «тоға поос». Замужние женщины подвязками не пользовались. Сагиры, являвшиеся повседневной обувью, назывались также «хара өдік» — т.е. обычная (букв. черная) обувь.

Летние сапоги «мачаң маймах» (нымзах маймах, чымцах өдік — букв. мягкая обувь) изготавливалась из дубленой телячьей кожи. Для дубления использовался отвар сушеной и размельченной коры тальника (для желтого цвета) или листовницы (для красного цвета). Головка и голенище мачангов кроились отдельно. Подошва состояла из одинарного слоя дубленой кожи, подбитой деревянными гвоздями. Длинное голенище мужчинами подвязывалось ремешком. Женские мачанги посередине носка украшались вышивкой.

В жаркую пору мужчины одевали холщовые сапоги «пағайах» или «перет» (от русского «перед»). Подошвы, головка и пятки шились из дубленой кожи крупного скота, а голенище делалось из холста. Каблуков не было. Вверху голенище подвязывалось ремешком.

Во время покоса, как мужчины, так и женщины, носили кожаные тапочки «чыырбас». Из непросохшей сыромяти или камусов крупного скота выкраивали круг. Затем продевали по его краю ремешок и стягивали кожу вокруг ступни, ворсом наружу. Высохшая кожа сохраняла приданную ей форму. Чыырбасы доходили высотой до лодыжек и поэтому носили второе

название «махпайах» (лодыжка). Их носили с шерстяным носком (ух). При одевании чыырбасов ремешок, пропущенный по краю, обвязывался вокруг голени.

Девушки имели туфли «чебіркей» (черкей), шитые из дубленой кожи. Их чернили и для прочности смазывали салом. Одевали туфли с шерстяными носками, которые вязались женщинами «из черной и белой овечьей шерсти одноцветными и с узорами двух цветов в виде полосок, пашек и др».

Маленьким детям, когда они начинали ползать, шили кожаные галошики «папучах», а зимой меховые чуваки «пойтах» из овчины.

В героическом эпосе имеются сведения о старинном типе праздничной женской обуви «хара махайах» (хара махай). Исходя из идентичности названия с обозначением тапочек «махпайах» или «махайах», можно отождествить их с кожаными туфлями. Например: «Хара махайах өдігін хаңайта кизібіскен, хара тұлгү пөрігін тўндере кизібіскен, хара кіс тонын чайбанчыхха кизібіскен». — «Черные туфли с поднятыми вверх носками одела, шапку из черной лисы нахлобучила, черную соболью шубу на плечи набросила». По всей видимости, кожаная поршневидная обувь относится к одной из ранних форм и поэтому широко распространена у абсолютного большинства народов Северной и Средней Азии.

Зимой хакасы одевали сапоги «талбах маймах» из телячьей выделанной кожи. Шились они шерстью внутрь. Голенище (тўрей) кроилось отдельно от переда (маймах пазы). Подошва (ултуң) делалась из телячьей кожи и штыковалась сухожильными нитками. Мужчины вместо носков ноги обволакивали потничной травой «озаң от», которую специально заготавливали в июне. Запрещалось в качестве стельки использовать сено для скота. Талбах маймахи носили как женщины, так и мужчины.

Повседневной мужской обувью служили пимы «пысхах маймах» (пысхах өдік). В степной части Хакасии они шились из камусов лошади, а в подтаежной зоне из камусов лося, марала или дикой козы. На одну пару требовалось 20 козлиных камусов или 6 конских (столько же маральных и лосиных). Голенище шилось целиком вместе с передом. Делались пимы шерстью наружу. Подошва была из сыромятной кожи, без каблука. На ноги одевали стеганые

Мужские сапоги (кӧң ӱдик).
Ф о т о из фондов ХКМ г. Абакана

войлочные носки (киис ух) или меховые чувяки (пойтах) из овчины.

Зимой хакасы носили меховые сапоги «оландай» или «ӱң маймах» (ӱң ӱдик). Их шили из овчины или из шкур осенних козлов мехом вовнутрь. На пару оlandaев требовалось две шкуры. Они кроились целиком с одним швом, проходящим по лицевой стороне от носков до верха голенища. Отсюда в старину бытовало их второе название «хасха чӱктӱг маймах» — сапоги с

лобным швом. Последний обшивался шелковыми нитками. Оландаи были без каблуков, с подошвой из дубленой кожи. Верх голенища подвязывался ремешком (поос). Мужчины носили их с кожаными галошами «молтырых», которые порой приштыковывались к сапогам. Головки женских оlandaев обшивались дублеными резными союзками «каймит». Отсюда женские оlandaи носили второе название «каймиттӱг ӱдик». Носки союзок напоминали копытообразный выступ «омах». Между нашивками лицевая сторона до самого подъема украшалась узорами. С оlandaями одевали войлочные стеганые носки (киис ух) или меховые чувяки (пойтах), верхние края которых обшивались цветной материей. В качестве стельки (ултурух) использовали войлок, меховые шкурки или потничную траву (озаң от). Согласно хакасским поверьям, обувь нельзя носить без стельки, иначе человек попадет в кабалу и, кроме того, память у него станет плохой. Только у носящего обувь со стелькой будет хорошо работать голова. Если путник заблудился в дороге, то нужно поменять стельки местами и т.д.

Весной, во время весенней слякоти, пастухи одевали на сапоги деревянные колодки «таха». Они делались толщиной в два пальца «икӱлӱг» и в двух местах, спереди и сзади, просверливались. В отверстия вдевали ремешки, которыми прикрепляли таха к подошве сапог.

По праздникам хакасские баи одевали нарядные сапоги «саллыг өдiк» (саллыг маймах) или «хатыг өдiк» (букв. твердая обувь). Они шились из выделанной шкуры дикого козла ворсом вовнутрь. Сапоги были с квадратными, немного загнутыми кверху носками, на низком каблуке и на толстой многослойной подошве. Подошва, толщиной в 2—3 пальца, состояла из пяти или семи слоев сафьяновой кожи — красного, синего, зеленого, белого, желтого и черного цветов. Разноцветные слои подошвы носили название «сал». Женские сапоги «саллыг өдiк», кроме того, на подъеме по швам головки украшались мишурой или бисером (нинçiнең хасхалаан). Они производили особый эффект на ногах всадника, сидящего верхом на лошади. Носили их знатные люди как летом, так и зимой. Аналогичные нарядные сапоги с подошвами из цветных кожаных слоев «шалы» бытовали у киргизов, а также у алтайцев и тувинцев (кадык идик — твердая обувь).

Женская повседневная обувь.
Ф о т о из фондов ХКМ г. Абакана

В летние праздники женщины одевали хромовые сапоги «тiм өдiк» (тiм маймах), которые украшались золотым шитьем. Головка (маймах пазы) сапог разрезалась пополам и затем сшивалась золотыми нитями (алтын çип). Мишурой также обшивался язычок головки в местах соединения с голенищем. Золотые нити сначала ровно наматывались на шило и в таком виде пришивались с сухожилиями. Передняя часть сапог «тiм өдiк» украшалась золотым орнаментом в виде меандра (айланçых) или латинской буквы «S» (хармах). Золотом шитая обувь (алтын ораған өдiк) считалась почетной и была доступна только байским женам. Среди архивных источников за 1825 г. есть упоминание, что женские «пимы золотым шитьем шитые» стоили 60 руб.

Хакасское правило требовало снятую обувь класть на бок. Если их оставить стоять, то ноги якобы не отдохнут. Нельзя обувь на ночь класть перевернутыми подошвами вверх. Так делают только у умершего. Запрещалось ходить, а тем более обедать, с надетым на одну ногу сапогом. В противном случае сын или невестка станут ворами и т.д.

Головные уборы (пöрик). Среди летних головных уборов у мужчин были популярны черные войлочные шляпы «киис пöрик», изготовленные из овечьей или коровьей шерсти. Поля (күрее) с двух сторон подгибались вверх. К началу XX в. они были полностью вытеснены фабричными (слепе). Зимой мужчины носили круглые шапки «хурусха пöрик» с околышем из мерлушки и мерлушковым верхом. Тулья сшивалась из четырех клиньев (тала). Шили хакасские шапки на войлочной основе, которая служила для сохранения приданной формы. Шапки на войлочной основе характерны для большинства тюркских народов. На севере Хакасии были распространены круглые шапки «öстек пöрик» с околышем из мягкой мерлушки козы (öстек) и острой тульей из черной ткани.

В сильные морозы мужчины одевали рысьи малахаи «үс пöрик». Околыш (хас) и клапан (чапхыс), пришитый на затылочной части, делались из рысьего или лосьего меха. В 1737 г. русские источники сообщали: «А на головах носят малахаи лисьи, и рысьи, и волчьи, и овчинные, с челами шелковыми, и бумажными, и нитяными, кроме медвежьих». Об острокопечных шапках с ушами, опущенными рысьими лапами, «вроде поповского треуха» говорят исследователи XIX в. Меховой клапан малахая, длиною в четверть, опускался на плечи, закрывая уши и шею. Тулья с острым верхом покрывалась сукном, а на маковке пришивалась кисть (чалаа) красного цвета. В начале XX в. малахаи «үс пöрик» полностью вышли из употребления.

Костюм охотника дополняла вязаная шерстяная шапочка «киптезек» или «чатпайах», напоминающая берет. Вязали ее из белой козьей шерсти. Вовнутрь подкладывали круглый кусок овчины. Края киптезека подгибали наружу. В подтаежных местах шапочка иногда шилась из конопляной ткани.

По праздникам зажиточные хакасы носили бобровые шапки «камчат пöрик» или собольи «кис пöрик». Они были круглые, с околышем, шириной в 15 см из меха. Низ околыша обшивал-

ся черной матерчатой каймой. Невысокая тулья, поднимающаяся на 5—7 см выше околыша, сшивалась из четырех клиньев (тала) черного плиса, а подклад из белой мерлушки или смушки. Между мерлушковым подкладом и плисовой тульей вставлялась войлочная основа. До революции одна бобровая шапка стоила лошадь. Среди архивных документов XIX в. попадаются описания подобных головных уборов. Например: «Шапка круглая, околыш камчатского бобра, верх зеленого бархату» стоимостью в 100 руб. (1825 год). «2 шапки круглых камчатского бобра, верх из полос малинового бархата» стоимостью по 90 руб. В 1873 г. бобровая шапка стоила 30 руб.

Самым универсальным женским головным убором являлся платок «арчол» (плат). В летние будни одевали ситцевые или шерстяные платки, а в праздники — шелковые. Хакасски подвязывали его своеобразным манером — «күрее». Платок складывался по диагонали пополам, затем делался подгиб, образующий околыш надо лбом, и двумя крайними концами затягивался на затылке. Подобным образом подвязывали платок калмычки. Замужним женщинам нельзя носить его без подгиба, ибо так подвязывались вдовы и покойницы. Если концы платка затягивались под подбородком, то такой способ ношения назывался «тумахти», т.е. как капор. В холода под платки одевали круглые войлочные тюбетейки «тагайах». Зимние шапки обязательно одевались поверх арчола. Косынок хакасски не носили в силу религиозных запретов.

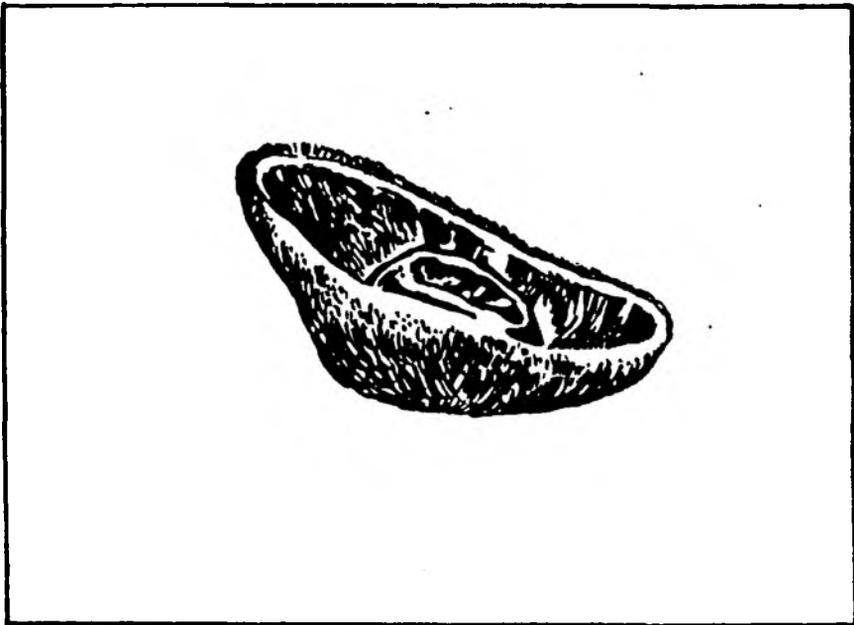
В первой половине XIX в. среди женщин (в основном качинцев, кызыльцев и мелетцев) бытовали белые колпаки «ах пöрик», связанные из шерстяных ниток. Их носили летом по праздникам. Колпак вязался в виде сужающегося мешка (ширина — 25 см, длина — 65—75 см), с полосками красного и синего цветов. На конце находилась кисточка из красных ниток. Нижний край его, украшенный линиями геометрического орнамента, подвертывался в виде околыша и напоминал подгиб «күрее» на хакасском платке. Волосы укладывались в колпак. В 1825 г. «колпак азиатский» стоил 10 руб. Согласно сомнительному историческому преданию, «ах пöрик» якобы был завезен сюда частью хакасского населения, отделившегося от тобольских татар, где действительно бытовал подобный головной убор. На основе этого факта Л.П.Потапов делает предположение о происхождении качинцев от сибирских татар.

Однако совершенно идентичные колпаки носили казанские татары, башкиры, удмурты, донские казачки и даже русские женщины Минусинского округа. Поэтому если «ах пöрик» и был заимствован, то наиболее вероятно, от русских соседей, у которых он также в XIX в. вышел из употребления.

У хакасок встречалась зимняя шапка «тумах» (тыбах), сшитая в виде капора. Меховая опушка и длинные узкие уши тумаха делались из мерлушки, а круглый верх покрывался сукном. Шапка плотно облегла голову и уши. Она завязывалась под подбородком. Тулья праздничного тумаха была плисовой и украшалась разноцветными растительными узорами.

Замужние и пожилые женщины зимой одевали праздничные шапки «чапых» или «хапчых пöрик». Они шились с круглым околышем («күрее») из меха выдры или бобра. Внизу околыш подбивался черной мерлушкой (чылбых). На севере Хакасии, в долине Чулыма и Июсов, широкий выдровый околыш делался с вырезом для лица, закрывая уши и затылок. Поэтому северные хакасы называли данный головной убор «чiрик пöрик» — вырезанная шапка. Высокая плисовая или бархатная тулья сшивалась из четырех длинных прямоугольных клиньев (тала), которые образовывали квадратный верх. Тулья имела вид мешка (хапчых), длиной в 30—40 см (одна четверть и толщина четырех пальцев). Четыре ее стороны и квадратный верх расшивались яркими разноцветными узорами. На маковке укреплялась перламутровая пуговица (тана) с красной кисточкой, или пришивались красные и синие ленты (чалама). Подклад шился из мерлушки. Между подкладом и тульей вставлялся гусиный пух и войлочный круг по размеру головы, придающий прочность заданной форме. Точно такая же шапка имелась у калмычек под названием «хаджилга». При ношении чапыха высокая тулья свешивалась на бок и, как флюгер, меняла направление в зависимости от сильного ветра. Шапка «чапых» вместе с шубой «хат ээннiг тон» и сигедеком составляла женский праздничный наряд, который одевали на свадьбу, на поминки, при поездке в гости и по воскресеньям. Девушкам запрещалось одевать этот головной убор.

Комплект костюма свахи завершал особый головной убор «түлгү пöрик», сшитый из меха чернубурой лисы. Согласно хакасскому фольклору, он сохранился с кыргызских времен. Высокие поля шапки «түлгү пöрик» делались в виде кокошника с

Женская шапка свахи—тулгү порік

разрезом позади. Основа «чаба» полей склеивалась клейстером их трех слоев холста или вырезалась из дубленой кожи. Сверху основа покрывалась шелком или парчой, а на лицевой части нашивались полосы лисьего или выдрового меха, между которыми вставлялись кожаные полоски «ырынды» (тарыспа). Если пришить цельную шкуру лисы, то поля провисали. Круглая тулья покрывалась шелком. На макушке прикреплялась красная кисточка. Шапка одевалась поверх платка. В XIX в. стоила она от 50 до 500 руб.

Невеста одевала на свадебную церемонию особую шапочку «сахпа» или «тагайах». Околыш ее шился из меха выдры с вырезом для лица. Низ околыша оторачивался черной мерлушкой (чылбых). Затылочная часть сахпы покрывалась бархатом или плисом, по которой нашивались девять эллипсовидных перламутровых пуговиц. Широкий верх в виде раструба делался из дубленой кожи или проклеивался из нескольких слоев ткани. Основа (чаба) верха подгибалась по кругу и закреплялась, как на форменной фуражке. Затем верх покрывался парчой или шелком. На макушке прикрепляли перламутровую

пуговицу и красную шелковую кисточку. Сахпа обычно справлялась богатым невестам.

Во время ритуалов жертвоприношения небу, каменным изваяниям (иней тас) или заячьему тёсю руководитель моления (алгысчыл) обязательно одевал женский кафтан (сикпен) и шапку невесты (сахпа). Вероятно, во время таких ритуалов он вступал в брачную связь с духами и поэтому ему требовался подвенечный наряд.

По хакасскому обычаю шапку никогда не крутили в руках, иначе будет кружиться голова. Шапку нельзя класть на стол — потеряешь счастье. Нельзя наступать на нее ногой или, тем более, пинать — заболит голова. Запрещалось одевать шапку на шапку, иначе дважды будешь жениться или дважды выходить замуж и т.д.

Женские украшения (чазал). Согласно хакасской моде, женщины должны выглядеть дородными. Их широкие одежды дополнялись с двух сторон платками. Обычно под рукавами выходных шуб и халатов делались петли, куда привязывались большие шелковые платки (нан арчол) с кистями на концах. Зажиточные дамы, а также свахи вместо них привешивали длинные сумочки «ілтiк», сшитые из плиса, шелка или парчи. Их бока вышивались шелковыми нитками или бисером, образующими сказочные растительные узоры. Декоративная кайма «чеек» не применялась. Вверху сумочка закрывалась украшенным колпачком, а низ делался в виде конуса с кисточками на конце. Носилась она поверх сигедека и по длине немного уступала его нижнему борту.

Сумочка «ілтiк» имела не только декоративное значение. В них женщины с праздника привозили гостинцы для детей (печенье, пряники, конфеты и т.д.), а на севере Хакасии носили трубку и табак. Вдове разрешалось носить «ілтiк» только после сороковых поминок, когда родственники по традиции приглашали ее в гости.

Богатые девушки, а также невесты с двух бортов сикпена привешивали украшение «нанчых» в виде треугольных или овальных декоративных кошельков. Для их изготовления основу (чаба) из нескольких слоев материи скрепляли клейстером и покрывали плисом. По боковым углам пришивались кисточки, а по нижнему краю прикреплялись снизу из мелко-

го коралла и бисера. Середина обычно украшалась перламутровыми пуговицами или вышивкой, а края обшивались радужной каймой «чеек». Подвешивался нанчых за кожаный ремешок, прикрепляемый к бронзовым бляшкам (күрүмдүк) под рукавами одежды. Девушки обязательно одевали декоративные кошельки «нанчых» во время девичника (теенчик).

В качестве подвесного украшения служил игольник «инелдірік», прикрепляемый с двух сторон шубы. Он напоминал короткие гирлянды из трех соединенных углами между собой подушечек, увеличивающихся в размерах сверху вниз. На нижних трех углах последней подушечки висели кисточки из кораллов. Игольник украшался декоративным швом (өрбе).

В карманах женских халатов обычно находились вышитые кисеты «хапчых», верхние края которых покрывались шелком или парчой, а с двух сторон спускались шелковые кисточки. Кисеты носили так, чтобы из карманов виднелись верхние украшенные части с развевающимися кисточками.

Девушки, носившие множество косичек (сүрмес), украшали их различными подвесками (поос). На концах передних косичек, рассыпанных по плечам (их насчитывалось девять и более с каждой стороны), привязывали кисточки «чацах поос» или «нинчи поос», сделанные из коралловых и бисерных снизок. Сначала на сухожильную нить нанизывались коралловые бусины. Затем кисточки «чацах поос» (нинчи поос) разделялись на шесть бисерных снизок (самзылга, саам), сплетенных по две между собой. Вверху они прикреплялись к косичкам за шнурок из конского волоса. В XIX в. вместо «чацах поос» девушки стали привязывать «чапрах» — серебряные монеты с кисточкой. У бедняков передние косички украшались подвесками «сас поос», свитыми из шерсти загривка барана вместе с шелковой ниткой, к концам которых привязывали по жемчужной пуговице (үзүмчүк).

Основную декоративную нагрузку несли косички, носимые на спине (их насчитывалось три или пять), к которым привязывались накосные украшения «тана поос» (хазаглыг тана). Основа (чаба), сделанная из четырехугольного куса дубленой кожи, покрывалась плисом. Посередине нашивалось от трех до девяти (три по три ряда) перламутровых блях, иногда соединенных между собой вышитыми узорами. Края орнаментировались радужной каймой «чеек». Внизу пришивались три

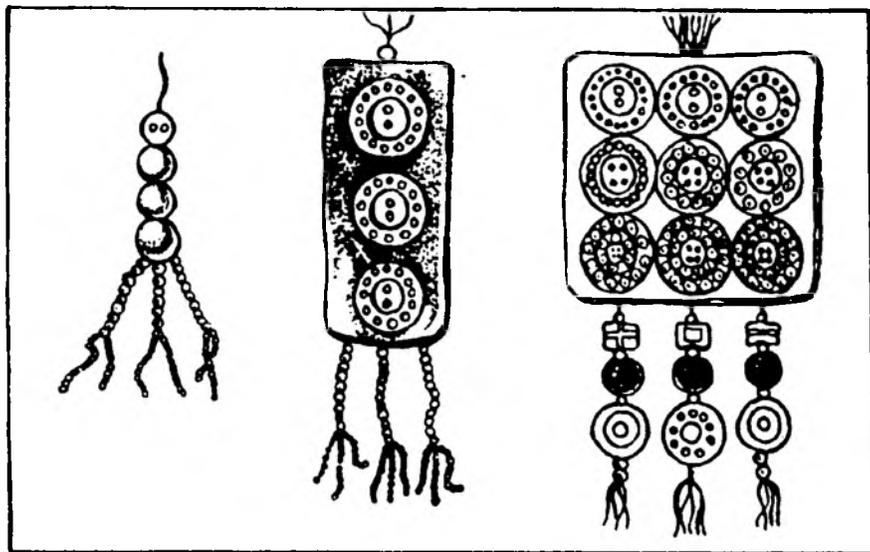
кисточки из коралловых бус, каждая из которых разделялась еще на бисерные низки. Накосные украшения (тана поос) вплетались в косички за шнурок из конского волоса гривы.

Накосные подвески относятся к древним формам девичьих украшений. Они зафиксированы в хакасском героическом эпосе, в загадках, песнях и других жанрах фольклора. Например: «Тана поочы тагдырап тур, нинчі поочы сыгдырап тур». — «Подвески тана поос гремят, кисточки нинчі поос звенят» и т.д.

Замужние женщины украшали себя коралловыми сережками «хос ызырга». Они изготовлялись из медной проволоки, изогнутой сверху в виде кольца. На нижнюю часть нанизывались три коралловых бусины «суру», между которыми вставлялись маленькие бусинки. На конце подвешивалась серебряная полурублевая монета с шелковой кисточкой. Вдовы не имели права носить сережки в полном снаряжении. Они или оставляли по две коралловые бусины, или одевали только одну сережку. Согласно поверьям, женские уши не должны быть пустыми, ибо к кораллам притягивается душа (хут сыынча).

Во время праздников замужние женщины и свахи, помимо сережек, одевали пару височных подвесок «улуғ ызырга» (букв. большие серьги), состоявших из шести больших и шести маленьких кораллов (по три больших и три маленьких на каждую). Они нанизывались на медную проволоку, которая сверху скручивалась в виде дужки (хараачы). Между кораллами вставлялись орнаментированные серебряные пластинки (үзүрөн), облежавшие бусины снизу и сверху. Подвески заканчивались серебряными монетами (достоинством в рубль, с изображением двуглавого орла «хан киреті») и украшались шелковыми кисточками. Каждая пара соединялась на груди фигурной серебряной цепочкой (самзылга). Люди победнее изготовляли самзылгу из бронзы. Подвески укреплялись при помощи матерчатых петель «хандырга», которые одним концом привязывались за дужку (хараачы), а другим цеплялись за небольшую косичку (хоос сүрмес), специально сплетенную на висках.

Кораллы покупались хакасами у татар, которые привозили их из Средней Азии. Одна большая бусина стоила вола или лошадь. Бедняки приобретали дешевый искусственный коралл (хуйга), отличавшийся от настоящего мягкой структурой и ярко-красным цветом.

Накосные украшения

На севере Хакасии среди кызыльцев были в моде серьги «салбах ызырга» (салбанчых). В уши продевали крепление с кольцом, на котором висело три или пять коралловых снизок с серебряными монетами на концах. Молодые девушки носили в ушах маленькие сережки «ахча ызыргазы», состоявшие из одного коралла и одной монетки. Пожилые женщины, а иногда и девушки из бедного сословия украшали уши сережками «көтек» (түктенек), сделанными из пух хвоста гусей или уток. Срезанный комок пуха (порбах) мыли с мылом и очищали его от жира. Затем катали в муке или золе. После этого он становился пушистым. Пушок простегивался ниткой, которую продевали в ухо.

У хакасок в употреблении была своя косметика. Например, в качестве румян они употребляли корни растений «ингиске» и цветы «от сабыны».

Нашейные украшения (мончых) хакасы долины Абакана совсем не употребляли. Только в июсских степях среди кызыльцев практиковалось ношение бус. Их одевали также шаманы, но в данном случае бусам придавалось сакральное значение.

Пальцы рук украшались серебряными кольцами «пурба» и перстнями «чүстүк». Декоративный верх перстня делался в виде орнаментированного круга, сердечка, полумесяца или эллипса с коралловыми инкрустациями. Количество последних обязательно было нечетным (от одного до пяти). Обычно на без-

ымянный палец женщины одевали перстень с пятью, а на средний — с тремя инкрустациями. В XIX в. серебряный перстень стоил рубль. Кольца носили не только женщины, но и мужчины. Они одевали их на указательный палец правой руки, а женщины — только на безымянный и на средний. Согласно обычаям, нельзя было доить корову без колечка на руке. Кормящая мать в качестве оберега обязательно носила сережки и серебряное кольцо. У покойника, наоборот, необходимо было снять все серебряные украшения. Любовь хакасов к серебряным изделиям объясняется не только практичностью данного металла, но также и суеверными представлениями, что лунный блеск серебра притягивает жизненную силу человека.

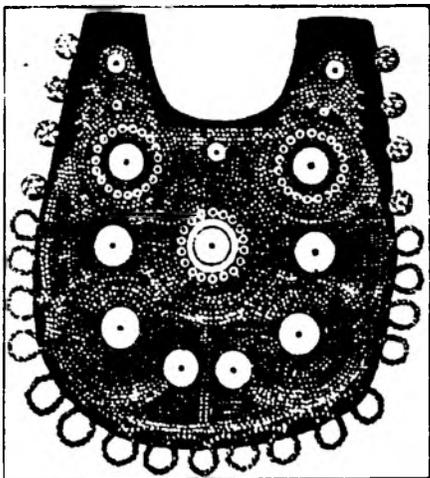
Молодые девушки украшали кисти рук серебряными браслетами «күмүс пилектөс» с чеканным орнаментом и коралловыми инкрустациями. Люди победнее носили браслеты из черной дубленой кожи или плиса (летом), обшитые перламутром, бисером и стеклярусом. Браслеты довольно часто служили желанным предметом, который девушки давали парням в знак согласия (киртис) выйти за них замуж.

Необходимой принадлежностью свадебного наряда свахи являлся нагрудник «пого» (момах). Основа «чаба» делалась из проклеенных клейстером четырех слоев хлопчатобумажной ткани или куска дубленой кожи. Она вырезалась в виде полумесяца с закругленными рожками и обтягивалась плисом или бархатом. На лицевой стороне пришивались перламутровые пуговицы, пространство между которыми заполнялось кораллом и бисером в виде кругов, сердечек, почек, трилистников и других древних узоров. Вдоль бортов нагрудник пого окаймлялся жемчужными пуговицами «үзүмчүк». По нижнему краю пускалась бахрома из бисерных низок «силбірге» (самзылга) с мелкими серебряными монетками на концах. Согласно хакасскому правилу, «пого» готовили женщины своим дочерям перед свадьбой. Оно относится к одному из дорогостоящих украшений. В начале XIX в. пого стоило 150 руб.

Среди древних стихов хакасского героического эпоса встречается описание наряда невесты, где: «алтыннаң иткен погозы айга частал турадыр, күмүстең иткен погозы күнге сустал турадыр» — «пого, сделанное из золота, на луне блестит, пого, сделанное из серебра, на солнце лучится».

Нагрудник пого дошел до нас из глубины веков. На некоторых каменных изваяниях иней тас, относящихся к окуневской культуре (II тыс. до н.э.), изображены точно такие же нагрудники. Кроме того, при внимательном рассмотрении рисунка пого

можно обнаружить его сходство со стилизованным изображением окуневской личины. Последние отождествляются с ликом богини Умай. Значит, надевание нагрудника пого на свадьбу было связано с культом богини Умай, которая якобы дарует души детей. В настоящее время пого как нагрудное украшение получило широкое распространение среди хакасских женщин, которые одевают его на любой праздник.

Пого—нагрудное украшение

В XIX в. хакаски в качестве нагрудного украшения поверх платья стали носить литые серебряные кресты «падырбас» (симіскеліг кірбс). Падырбасы изготовлялись ювелирами «күмүс узы» и красиво орнаментировались. Носили их на серебряной цепочке. В середине XIX влитой крест «падырбас» стоил рубль.

Итак, национальный костюм хакасов, несмотря на некоторые локальные варианты, представляет единый этнокультурный комплекс. Среди социально-классовых групп одежда отличалась не покроем, а качеством материала. Специальная одежда имела для чабанов, охотников, шаманов и т.д. Основная дифференциация мужских и женских нарядов отразилась в головных уборах, вышивке и украшениях.

Самобытный костюм хакасского населения имеет местные корни, что подтверждается историческими источниками и фольклором. В эпоху позднего средневековья хакасский наряд подвергся значительному влиянию со стороны монгольской культуры. После присоединения Хакасии к России начался процесс проникновения элементов одежды русских крестьян. Серебро представляло основной металл, используемый для изготовления украшений, что позволяет характеризовать хакасскую культуру «серебряной», как, впрочем, и культуры соседних скотоводческих народов Саяно-Алтая.

§ 3. Традиционная пища

Основной пищей хакасов, как и других скотоводческих народов Южной Сибири и Центральной Азии, служили зимой мясные, а летом молочные блюда. На зиму в хозяйстве забивалась лошадь (согым) или корова и около 30 овец. С конца XIX в. стали заготавливать свинину и птицу. Резали до 40 уток, мясо которых обычно шло на пироги. Овец забивали способом «бзеп», т.е. разрезали диафрагму и разрывали пальцами аорту «холга», проходящую у сердца. Крупный рогатый скот и лошадей забивали способом «чүлүмнеп», т.е. ударом ножа в затылок, под первый шейный позвонок. За грех считалось резать горло животному или убить его обухом топора в лоб. Однако в XIX в. под влиянием русских крестьян указанные способы уходят в прошлое. Способ «бзеп» сохранился только при забивании скота на жертвоприношениях, а способ «чүлүмнеп» — на поминках при забивании ездового коня — «хойлага». Животное перед убоем обязательно кормили. Запрещалось его резать на голодный желудок. Голову забиваемого скота разворачивали в сторону захода солнца и приносили: «Сагаа чазых, піске азых». — «Тебе грех, а нам пища». Когда резали скот, то запрещалось стискивать зубы, иначе думали, что кожу будет трудно снимать. Туша крупного скота разделялась на четыре части — «төбе», а мелкого на две — грудную и заднюю. Баранью голову, пока шкура не снята, от туши не отделяют. Кости расчленяют ножом по суставам. Ломать их запрещалось. Если кости поломать или разрубить, то у хозяина не будет счастья и скот переведется. Хакасы верили в возрождение расчлененного скота. При снятии шкуры зверей оставляли веки не тронутыми, чтобы их глаза были закрытыми и они не замечали бы охотников.

В день убоя готовилась свеженина — «тамах», на которую приглашались все соседи. В первом казане варились самые лучшие куски мяса, называемые «үрсүн». К ним относились следующие части правой половины туши (левая половина варилась обычно для покойного на поминках): два верхних ребра, бедренная кость, плечевая часть, грудная кость, первый позвонок, нижняя челюсть овцы (крупного скота не клалась), язык, печень, легкие и сердце с осердием. Надо обязательно отметить, что эти куски мяса (за исключением бедренной кости) никогда не кладутся на стол для покойного во время поминок.

Горячие куски вареного мяса «үрсүн» складывали на деревянное корытце — «типсі» и прежде, чем приступить к трапезе, совершали обряд «оор-пус тударга» — т.е. держать священный пар для кормления духов. Хозяин юрты становился с почетной стороны (от пазы) на мужской половине и три раза поднимал корытце с мясом над очагом. Челюсть овцы убирали, ибо ее нельзя было преподносить духам. К числу запрещенных частей туши для этого обряда относились также баранья голова, лопатка и голень. Затем совершалось кормление богини огня «От инезі»: от грудины (төс пазы), от первого ребра (поғана пазы) и от сердца (чүрек төзі) или от бедренной кости (чілің пазы) отрезали по три кусочка мяса или сала и бросали в горящий очаг правой рукой. Если огонь кормила хозяйка, то она бросала эти кусочки мяса левой рукой.

Хакасы, так же как и многие другие скотоводческие народы Южной Сибири и Центральной Азии, соблюдали древний народный этикет распределения кусков мяса во время трапезы.

Самой почитаемой частью мяса у хакасов считается задняя часть овцы — «көчк». Ее обязательно давали как гостинец (тулуп) самому уважаемому гостю. Когда дарили заднюю часть, то обязательно отрезался кончик курдюка, дабы счастье не покинуло этот двор.

Баранья голова (хой пазы), в отличие от монгольских народов, у хакасов не является почетным блюдом. Ее ел только хозяин. Гостям она никогда не предлагается. Баранья голова, как блюдо, в большей части употреблялась только в двух случаях, имеющих символическое значение. Во-первых, ее преподносил зять своему тестю при первом посещении родителей невесты — «төргін». Во-вторых, ее приносили родственники умершего на кладбище во время поминок, где она вешалась на колышек у изголовья могилы. На том свете она составляла стадо скота для умершего. Баранья голова обязательно опаливалась, и кожа начисто соскабливалась. Нижняя челюсть и язык убирались. Несомненно, что в отдаленные времена баранья голова относилась к почетным яствам.

Большим деликатесом считалась голова лося (пулан пазы). Лакомством являлись его вареные губы. Баи почитали за честь угостить уважаемых людей последним блюдом.

Глава дома от баранины обязательно получал первый шейный позвонок — атлант, первые два ребра и бедренную кость.

При обгладывании атланта (молтырых) произносилось следующее благословение: «Ты вожак черной головы, ты самый младший из шейных позвонков, в трудную минуту защищай, а если я упаду — не калечься!» Немного обглоданный атлант насаживали на палочку и втыкали в золу очага со стороны дверей (от соо) или засовывали в его отверстие сухую траву и бросали в огонь. Хозяин в нем видел оберег для своей головы. Детям есть не давали — шея заболит. Его никогда не бросали собакам или на улицу. Подобный обычай существовал и у монголов.

Верхние два ребра (погананаң кигене) никогда не расчленили и полностью не обгладывали. Хозяин юрты немного их обкусывал, обязательно оставляя верхнюю жирную часть «пай пазы» — богатый верх, и бросал в огонь со словами «от үлүзі» — доля огня. Если нечаянно они были полностью объедены, то вместе с ними бросали кусочки сала, говоря: «Ээзіне өлчей ползын!» — «Пусть будет хозяину счастье». Атлант и первые два ребра, кроме хозяина, никто не имел права есть. В противном случае в этом доме не будет расти скот. Бедренную кость «тохпах чілің» хозяин юрты мог преподнести уважаемому гостю в знак особого почитания. Однако эту кость запрещалось выбрасывать на улицу целой. После гостя хозяин отбивал ножом ее узкий конец «пай пазы» — богатый верх и при этом произносил: — «Пайың пир!» — «Отдай свое богатство!»

Самому уважаемому гостю давали есть лопатку (чарын). Женщинам запрещалось ее обглаживать. Если за столом находился племянник (чеен), то дядя (тайы) сначала надбивал ее тремя ударами ножа по гребню лопаточной кости и только затем передавал ему. Без этой процедуры племянник не имел права есть ее на глазах дяди. Если за столом находился зять, то хозяин юрты вручал ему лопатку. Зять обглаживал мясо, а затем ножом разрубал гребень (тірсек) лопаточной кости и показывал ее тестю. Последний смотрел через лопатку на солнце и производил гадание. Для гадания употребляли правую баранью лопатку. Если гребень был кровавый, то зять будет жить хорошо, если наоборот — то плохо. Когда лопасть лопатки (чарын хазаазы) широко просвечивала, то с удовлетворением отмечал: «Хазааң улуг полтыр, малың өзер». — «Твой двор велик, твой скот увеличится». Сильный выступ (ырғах) основания лопатки служил приметой умножения скота. Если гребень пологий или загнут назад (төдір хайғах) — то скот пойдет на убыль.

Лопаточную кость после трапезы обязательно бросали в огонь. Для специального гадания ее высушивали и держали заткнутой под крышей юрты на мужской половине.

Гадание на лопатке совершали обязательно поздним вечером (пир харасхызы). В очаге юрты со стороны дверей (от азаа) зажигали специально собранный хворост. Лопатку заворачивали в потничную траву, служившую стелькой обуви, и клали в огонь. Гадание происходило по трещинам на стороне, где находится гребень. Продольные трещины вдоль гребня обещают благополучие, а поперечные — неудачу. Здесь есть линия судьбы хозяина и воров. Гадание завершалось бросанием лопатки через плечо. Если она упадет гребешком вверх, то предсказание сбудется, если вниз — то нет.

По обожженной лопатке определяли судьбу пропавшего скота или больного человека. Иногда гадали по поводу конных состязаний — чей конь придет первым.

Лопатку никогда не выбрасывали целой. Обязательно перед тем как выбросить, надо было разрубить ее гребешок. Любопытно отметить, что буряты хранили лопатки для праздника Цагалган, на котором в соревновании разбивали их рукой.

Баранью грудину (хой тōзі) клали только перед самой уважаемой гостьей. На свадьбе её обязательно давали свахе (пасхудагай). Мужчинам грудину есть запрещалось .

Человеку, заколовшему крупный рогатый скот, давали в награду горловину — «мооста», а заколовшему овцу — грудинку — «тōс хара». Ее отрезали вместе со шкурой, подсаливали и жаривали на огне. Грудинка считалась деликатесом (чеестіг тамах). Подобный обычай существовал у тувинцев.

Тазовые кости женщинам давать запрещалось, иначе считали, что при родах таз не расширится. Их обглаживали мужчины. Зато селезенку «тōлōн» могли есть только женщины (за исключением невесты, у которой она может заболеть). Хакасы предполагали, что у мужчин от нее будет колоть в боку при езде на лошади. Селезенку нашпиговывали салом и луком, насаживали на вертел и обжаривали на углях. Сердце (чүрек) мужчине есть не предлагали, иначе он станет трусом. Зато он обязательно получал последнее нижнее ребро «сүбе». Вероятно, это связано с библейским мифом о женщине, сотворенной богом из мужского ребра. Поэтому, как считают хакасы, у мужчины недостает правого нижнего ребра «сүбе». Язык ели только пожилые люди.

Женщинам давали есть спинные жилы (иң сиирі), чтобы волосы росли длинными. Делить их между собой запрещалось. Широкое сухожилие, покрывающее сочленения ног, называется «харғас сиирі» — проклинаящая жила. Ее необходимо было разделить между всеми присутствующими за столом. Каждому нарезали по три кусочка, а остаток «адай үлүзі» (собачья доля) бросали собаке. Глотая кусочки сухожилия «харғас сиирі», человек произносил: «Мині харғаан кізіні харғирзың». — «Проклянешь того, кто проклинал меня». Таким образом, она служила оберегом. С другой стороны, если жилу «харғас сиирі» съест только один человек, то она проклянет этого субъекта.

Некоторые части мяса предназначались только для одного человека. Например, нижнюю челюсть овцы (кипсе) двоим нельзя обглаживать, иначе они станут врагами. Глаза коровы представляли опасность, если их разделят между собой несколько человек — они до смерти рассорятся. Поэтому в народе враждующих людей называют «інек хараа чіскен чон» — люди, съевшие глаза одной коровы. Сестрам или братьям запрещали разделять между собой одно куриное яйцо, иначе считали, что сестры выйдут замуж за одного мужчину, братья будут жить с одной женщиной. Если молодая женщина съест яйцо с двумя желтками, то были уверены, что у нее родятся двойняшки. Мальчикам запрещали есть мозги и обглаживать лучевую кость. Хакасы думали, что из-за этого глаза у них будут застилаться слезами, и они станут плохими стрелками.

Голень обычно ел сам хозяин или её давали мальчикам — хорошо будут ходить. Положить эту кость перед гостем считалось за бесчестье. Лодыжки (хазых), плюсны (толарсых) и надколенные чашечки (томых) после обглаживания собирали под кровать. Они приносили удачу (малның хуйағы — оберег скота). Их нельзя выбрасывать на улицу собакам, иначе скот переведется. Когда накопится тысяча лодыжек (альчиков), то их хоронили на скотном дворе со словами: «Хой өссін, мал турзын!» — «Пусть растут овцы, пусть умножается скот!» Они притягивали душу скота. Надколенную чашечку нужно обглаживать очень чисто, не задевая поверхности ножом. В противном случае у этого человека дети будут некрасивые, с рубцами на лице. Плюсна с неотделенной лодыжкой правой ноги считалась защитником хозяина (кізі хадарчызы). Эти косточки зашивали з матерію и прикалывали на косяк дверей

юрты. Согласно хакасским поверьям, вор побоится проникнуть в такое жилище, ибо эти косточки покажутся ему многочисленной охраной.

По праздникам и воскресеньям отваривали куриные бульоны. Грудь и спинку птицы отдавали есть сыну — будущему хозяину (тӱс ээзи).

Мясо, заготавливаемое на весну, называется «ўче». На него оставляли около половины туши коня, засаливали в кадке, добавляли туда перец, чеснок и замораживали вместе с бурдюком масла. Весной, примерно в апреле, когда подует теплый ветерок «кӱӱлгек», подтаявшее мясо доставали из кадки, вялили и коптили. В связи с этим у хакасов ходило выражение: «Кӱӱлгек инейчи тӱзибісті, ўче талал парды». — «Спустилась повитуха (т.е. весенний ветерок), и мясо растаяло». Мясо немного отваривали в соленой воде, разрезали на длинные узкие полосы и вялили на солнце. Вяленое мясо называли «салыг». Ранней весной мух в Хакасии не бывает, и поэтому вяленое мясо не засиживалось. Для копчения разрезанное на полосы мясо подвешивали у дымохода (тӱнӱк) или к двум перекладинам «хуртус» над очагом. Копченое мясо называли «ыстаан ит». Копченое и вяленое мясо уже не портилось. Его разрезали на куски, смешивали с крупой и сырцами — «хурут» и «пічіро» (см. ниже) и засыпали в кожаные мешки. Полуфабрикат из сушеного мяса с крупой и сырцами назывался «порча». Он мог сохраняться в течение круглого года, но в основном употреблялся до летнего забоя скота. Из него могли быстро приготовить суп «порча ўгре». Для этого в казан с кипящей водой засыпали требуемое количество чашек полуфабриката «порча». Затем для вкуса в суп добавляли кислую творожистую массу «аарчы» (см. ниже), ибо обычно супы не солились. Хакасы уверены, что соль влияет на зрение.

Надо отметить, что хакасы предпочитают употреблять в пищу супы «ўгре» и различные бульоны «мӱн» с отваренным мясом. Наиболее популярными были: крупяной суп «чарба ўгре» и ячменный «кӱче ўгре», обычно подаваемые во время обеда. Они варились в казане. Согласно поверьям, в кипящем супе никогда нельзя оставлять ковш (хамыс), иначе мужчина будет бессильным, в пути его ждёт беда и «счастье» скота выварится. Запрещалось помешивать черпаком жидкость, переливая её сверху вниз (самырбасха кирек).

Осенью, после забоя крупного скота, обязательно готовили мясной набор — «ысты». Для него отбираются самые лучшие части мяса: прямая кишка (харта), крестец (уча), средние ребра (хазылыг хабырға), спинной позвоночник (арға), горловина (поостаа), лопатка (чарын), сало гривы (чал), сердце с осердием (чүрек) и печень (паар). От каждого из них отрезали по куску и по суставу. Этот набор заворачивали в разрезанную полдсу желудка и замораживали. Из одной туши лошади выходило девять ысты (иногда одиннадцать). Замороженные мясные наборы хранили в деревянном ларе (хайырцах). Когда приезжал почетный гость, то его угощали этим блюдом. Ысты опускали в казан с кипящей водой и варили из него крупяной или ячменный суп. У хакасов большим уважением пользовались сказители. Обязательно варили ысты на застолье «нымах тойы» после исполнения героического сказания. Мясной набор «ысты» отправляли в гостинец своим близким родственникам.

Из внутренностей крупного скота (обычно лошади) готовили блюдо «хырмачы». Для этого брались желудок, жирные кишки, легкие, печень, почки, селезенка и вместе с кровяной колбасой замораживались. В случае праздника для многочисленных гостей в большом казане готовили суп «хырмачылыг үгре». В суп добавляли крупу и для вкуса заправляли творожистой массой «аарчы». По всей видимости, хырмачы является одним из древних блюд. Оно известно в героическом эпосе: «Хызыр пиилерни ағылып, хырмачылап той сал тур». — «Забив яловых кобылиц, устроили пир из хырмачы».

При сватовстве малолетних детей родители мальчика привозили по обычаю целую тушу барана, запеченную в собственной шкуре. Это блюдо называлось «чулма». Барана сначала подвешивали в коническом шалаше и опаливали над горячими углями. Затем вынимались внутренности и тушу зарывали под костер. Под действием жара углей баран варился в своем собственном соку. Согласно фольклорным данным, на «свадьбу чести» привозили до девяти чулма.

Баранина у хакасов занимала ведущее место среди различных видов мяса. Из баранины (а также мяса дикой козы) готовили «харбан». Сначала в деревянном корытце (типсі) ножом мелко нарезалась мякоть с внутренним салом. Затем нарезанное мясо варилось в казане вместе с лапшой, с добавлением сушеного лука (көбірген). Харбан употребляется вместе с

бульоном. Для роженицы обязательно делали ритуальное блюдо «мўнцўк». Так назывался бульон, сваренный из мяса молодого барашка.

Для приготовления блюда «тогырамчы» отваривали мякоть с ног и ребер барана, а также его внутренности: желудок, рубец, сычуг, тонкие кишки и ливер. Затем отваренные внутренности мелко крошились сечкой в деревянном корытце и подавались с бульоном. Хорошо промытые тонкие кишки овцы перевивали с внутренним салом в длинные жгуты и замораживали. Это блюдо именовалось «орамчых» (саг.) или «хурамыр» (кач). Хурамыр варили вместе с супом, при подаче разрезали. Из опаленных над огнем конечностей готовили студень — «хуйга». По вкусу добавляли соль, лук и перец. Мясо жарили на сметане. Сначала его отваривали в воде, а затем заливали сметаной. Жареное мясо носит название «хаарган ит». Надо сказать, что хакасы почти все блюда — мясо, рыбу, грибы, яйца и т.д., жарят на сметане. Из мякоти баранины готовили шашлыки — «сістеен ит». Шашлык из мяса не считался почетным блюдом. Однако шашлык из печени — «сохачы» — имел ритуальное значение. Это блюдо готовили на небесном жертвоприношении «Тігир тайии» и на свадьбе. Обычно на третий день свадьбы родители жениха готовили два шампура сохачы. Молодых усаживали вместе за стол и давали в руки по вертелу. Отец жениха произносил: «Чонга тосханча чир сохачы иттїм, чон чїли хоныхтыг ползыннар! Илге читкенче чир сохачы иттїм, ил чїли иблїг ползыннар!» — «Я сделал сохачы, которым насытится весь народ, пусть будут молодые иметь хозяйство, как все люди! Я сделал сохачы, которого хватит всему племени, пусть будут молодые иметь дом, как все люди!» Жених и невеста должны были угощать друг друга шашлыком в знак любви и уважения. Сохачы готовили следующим образом. Сначала на вертеле немного обжаривают кусочки печени. Затем их снимают, обертывают внутренним салом и снова нанизывают на вертел. При обжаривании сохачы на углях внутреннее сало полностью пропитывает кусочки печени. Охотники делали шашлыки после добычи медведя. Кусочки медвежьего мяса нанизывали на шампуры вперемешку с салом. Всем присутствующим доставалось по шампуру готового шашлыка.

В подтаежных районах Хакасии детей баловали охотничьим гостинцем «пыжыг» (пызыг) из копченых тушек белки. Охотники для приготовления «пыжыг» сначала отваривали в

воде тушки белок. Затем нанизывали их на шампуры и коптили мясо у костра. Пыжыр считался большим деликатесом.

Хакасы умели делать различные колбасы. Самым простым видом колбасы является «чочых». Хорошо промытая прямая кишка овцы выворачивалась салом вовнутрь и отваривалась в супе. Деликатесом считается колбаса «харты», сделанная из прямой кишки лошади. Прямую кишку хорошо промывали и выворачивали наизнанку так, чтобы наружный жир оказался внутри. Затем вовнутрь ее добавляли мясо и варили. Готовая «харты» подавалась нарезанной кольцами в охлажденном виде. Колбаса, сделанная из прямой кишки коровы (а в подтаежных местах и медведя), называется «хосханах». Прямую кишку хорошо промывали и также выворачивали наизнанку. В деревянном корытце крошили сало (особенно ценилось медвежье) и лук. Затем по вкусу добавляли соль и перец и этим фаршем начиняли кишку. Последняя завязывалась с двух сторон и коптилась над очагом юрты. Копченая колбаса «хосханах» служила для угощения очень почетных и дорогих гостей. Во время забоя крупного скота обязательно делали колбасу «хыйма». Мясной начинкой служила накрошенная сечкой жирная мякоть вместе с «хазы» — внутренним салом лошади. В неё добавляли лук, перец и готовый фарш заправляли в кишки. Колбаса «хыйма» перевязывалась во многих местах, как сардельки, и варилась в казане вместе с супом. Жир лошади не застывает, поэтому колбасу хыйма ели, держа вертикально в руках, отрезая только под завязанными местами, чтобы не проливать бульон. Хыйма является почетным кушаньем (чеестиг тамах). Одним из самых любимых и праздничных блюд является кровяная колбаса — «хан-сёл». Её обязательно готовят, когда режется скот (за исключением свиней, которых стали разводить только в конце XIX в.). Кровь собирали в чашу, отжимали руками сгустки (кирсепек) и заносили в юрту отстояться. Вместе с кровью овцы в юрту обязательно заносили ее правую переднюю ногу. Этот обычай нельзя было нарушать. Вероятно, это связано со счастьем. Наверху отстоявшегося продукта собиралась жидкая кровь (ах хан — белая кровь), а внизу — густая (хара хан — черная кровь). Их разливали в разную посуду. Из жидкой крови делали колбасу «сымай хан». В нее добавляли молоко или бульон, немного соли и наполняли ею прямую (чочых), двенадцатиперстную (ачых пёон) и тонкую кишки (суух ичеге). Кишки завязывались и варились в воде. По хакасским поверьям, завязанные места кровяной колбасы

нельзя есть, иначе при возражении людям язык будет «связанным». Их отрезали и бросали в очаг богине огня «От инезі».

Колбаса, приготовленная из густой крови, называется «тиріс хан». В неё добавляют молоко, соль, мелко накрошенное внутреннее сало и лук. Тиріс хан готовят в слепой кишке (туях пöөн) и рукаве желудка (хоты). Чтобы начинка колбасы равномерно заполнила внутренность кишки и особенно рукав желудка, используют специальную деревянную спицу «сии». В дальнейшем ее не выбрасывают. Спицу привязывают на конце колбасы и варят вместе с ней. Она же служит прибором для проверки готовности «тиріс хана» путем прокалывания. Кровяная колбаса варится очень быстро. Хакасы говорят: «Инек мүўренче, ханы пыс парадыр». — «Пока корова промьчит, ее кровь уже сварится». Кровяная колбаса является одним из самых любимых блюд скотоводческих народов Южной Сибири. Однако способ ее приготовления различный. Монгольские народы, в отличие от тюрков Саяно-Алтая, в кровяную колбасу не добавляют молоко.

У хакасов, как и у других скотоводческих народов, была широко распространена молочная кухня. Молочные продукты носили общее название «ахсых» или «ах тамах» — белая пища. К ним соблюдалось почтительное отношение. Согласно хакасским поверьям, если молоко вылить на землю или в воду, то молочный скот не будет «держаться» (худын чайа тастапча — рассыпается его жизненная сила «хут»). Поэтому молочные продукты никогда не выливались на землю. Если они случайно прольются, то их вытирали на земле рукой и проносили: «Талаан минде ползын, чирге парбазын!» — «Пусть счастье останется у меня и не уйдет в землю!» При мытье посуды из-под молока ополоски могли вылить на землю, но только с заговором: «Мин төкпинчем, хазах хат төкче». — «Я не проливаю, русская женщина льет». Если молоко давали в другой дом, от него отливали три ложки обратно и закрывали крышкой посуду, чтобы счастье не ушло. Когда гремит гром, запрещалось доить коров. Если внезапно он загремит, то женщинам необходимо закрыть голову одеждой или даже подстилкой «талбах», на которой сидели при дойке.

На свежем молоке готовили кашу — «сүт потхы». Для этого в кипящее молоко, постепенно помешивая, сыпали муку. После того, как каша сварится, ее заправляли маслом. Лакомым блюдом считались пенки вареного молока «өреме» (пызыг өреме, пызыг чөкей). Свежее молоко медленно кипятили в боль-

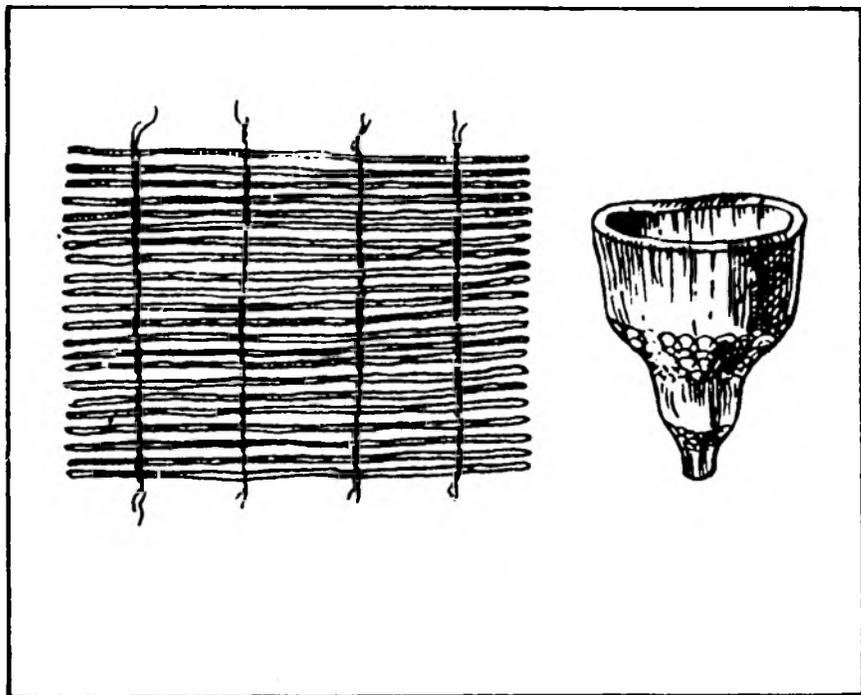
шом казане. В момент закипания туда сыпали размолотые корни сараны (сип) или кандыка (пис), которые способствовали образованию толстого слоя пенки, до трех пальцев ширины (ўс іліг). Затем их осторожно снимали, смешивали с талканом, молотой черемухой или даже брусникой (нирліг өреме). Под конец их прессовали под гнетом (сыы) и замораживали. Өреме было почетным блюдом. Им угощали уважаемых гостей, разрезая на ломтики.

Из свежего коровьего молока готовили коктейль — корчик (көрчик). Прибором для взбития молока служила специальная длинная палочка, которая и носила название «корчик». На конце ее прикрепляли плотный войлочный кружок (Д—10 см), простеганный нитками. Сначала свежее молоко ставили на медленный огонь. Затем перед самым кипением его снимали, переливали в глиняный горшок и вращали корчик между ладонями до образования толстой пены. Этот пенообразный напиток очень любили дети, которые по очереди обмакивали в него корчик и облизывали пенки. Корчик относится к одному из древних напитков, характерных для тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая.

В повседневном рационе питания широко употребляли скисшее молоко или простоквашу — «чоорт». Из простокваши готовили творог «эцігей». Для этого простоквашу кипятили до испарения сыворотки. Творог употреблялся вместе со сметаной или молоком. Такое блюдо называлось «иримчик» (ірімчик) или «чуураңхай». Для большего вкуса в иримчик добавляли бруснику.

Из смеси свежего молока и простокваши готовили пресный сладковатый сыр «пызылах». Парное коровье молоко доводили до кипения в казане. Затем туда наливали простоквашу или айран, либо творожистую массу «аарчы» (см. ниже). На ведро молока требовалось полведра простокваши (т.е. соотношение 2:1). После этого казан снимали с огня, а свернувшееся молоко перемешивалось. Получалась сладковатая творожистая масса «иритпек» (ірітпек). Иритпек отжимали от сыворотки — «хыбыран» и клали под пресс. Конечным продуктом был пресный сыр «пызылах» (ірітпек пызылағы).

Другой вид сыра — «эцігей пызылағы» делался из простокваши. Её нагревали в казане до момента кипения и сразу убрали с огня. Затем руками отжимали сыворотку, называемую «хыбыран», а полученный творог «эцігей» протирали сквозь

Мат для прессовки хакасского сыра (сыы),
воронка для наполнения кровяной колбасы (хаа урцац)

сито. В мелкопротертый творог добавляли сырые яйца и сливочное масло. Затем его подогревали в казане и хорошо перемешивали. После этого творожистую массу складывали в холщовый мешок и прессовали под досками. Получался кислый сыр «эцгегй пызылагы».

Сметану (чиг бреме) получали путем отстаивания молока в деревянных ведерках и берестяных туесах. Ее снимали сверху ложкой в отдельную посуду. На сметане готовят популярное блюдо «потхы» (бреме потхы). Сметану варили на медленном огне в казане до тех пор, пока она не закипит. Затем добавляли туда немного пшеничной муки, несколько сырых яиц и подливали айран. Сметанная каша все время помешивается. Когда обильно выделится наверху масло, то она готова. Потхы считается почетным блюдом. По поверью, мужчинам нельзя соскребать и есть подгоревшую к казану корочку (хазан кизи) этой сметанной каши, иначе у женатых разрушится семейная жизнь, а у холостых в день свадьбы будет ненастная погода. Во время охоты они не смогут уви-

деть мушку ружья, ибо глаза будут застилаться слезами. Для женщины подобного запрета не было.

Сливочное масло (ах хайах) сбивали из сметаны, налитой в большой казан или берестяной сосуд. Маслобойки появились уже под влиянием русской культуры в XIX в. Остаток после пахтанья масла из сметаны называется «пілемік». Обычно его сливали в айран. Из густой пахты готовили кашу «пілемік потхы». Кроме того, пахту смешивали с мукой и делали «хурутху». Замешанное на пахте тесто раскатывали, делали калачики и сушили на солнце. Комки сливочного масла «тоғым хайах» на зиму замораживали. При подаче на стол их разрезали и клали вместе с хурутом (см. ниже). Из пілеміка делали водку «пілемік арағазы». В пахту для закваски наливали немного айрана (2-3 ковшика). За сутки этот молочный продукт сильно скисал. При его перегонке получалась крепкая арака (см. ниже).

Топленое масло (сарығ хайах) получали, во-первых, из перетопленного сливочного, а во-вторых, из сметаны, вареной в казане на медленном огне. Топленое масло хранили в высушенных бараньих желудках (харын, хоты). В один кутырь входило около пуда. Осенью обязательно оставляли на весну кутырь топленого масла, которое, как и заготовленное мясо, называлось «ўче».

Осадок, оставшийся после перетапливания масла, называется «пор». Из него готовили кашу «пор потхы». В кипящий «пор» насыпали муку и доводили до кондиции. Осадок использовали для смазывания вымени коров перед дойкой и для смазки колес телеги, вместо дегтя у русских крестьян.

В XVII—XVIII в. среди населения Хакасии одним из популярных молочных напитков был кумыс — «хымыс». Но в XIX в, когда большей частью он вытеснился айраном, кумыс продолжали делать только табунщики и крупные коневоды. Разводили его в летний период, с мая до августа. Закваску получали из мослов лошадей, которые размельчались и затем кипятились на медленном огне. Полученный из них навар смешивали с кобыльим молоком, налитым в большую бутыл. Из полученной закваски «хымыс хордии» разводили кумыс. Сначала ее вливали в кожаный мешок «когор»(көгөр) или «пулхунчак», сшитый из коровьей кожи ёмкостью в 6-10 ведер. Сюда добавляли немного жидкого айрана, ежедневно подливали свежее кобылье

молоко и перемешивали мутовкой. Для лучшего брожения мешки «когор» закутывали войлоком. Перебродивший кумыс разливали в кожаные фляги «торсых». «Их закупоривали и хранили готовый кумыс». По мере накопления его перегоняли на молочную водку «хымыс арагазы» (о способах перегонки см. ниже). Однако в целом кумысу уделяли незначительное внимание по сравнению с другими напитками. Интересно отметить, что небольшой удельный вес кумыса в пищевом рационе характерен и для других народов Саяно-Алтая (в отличие, например, от казахов).

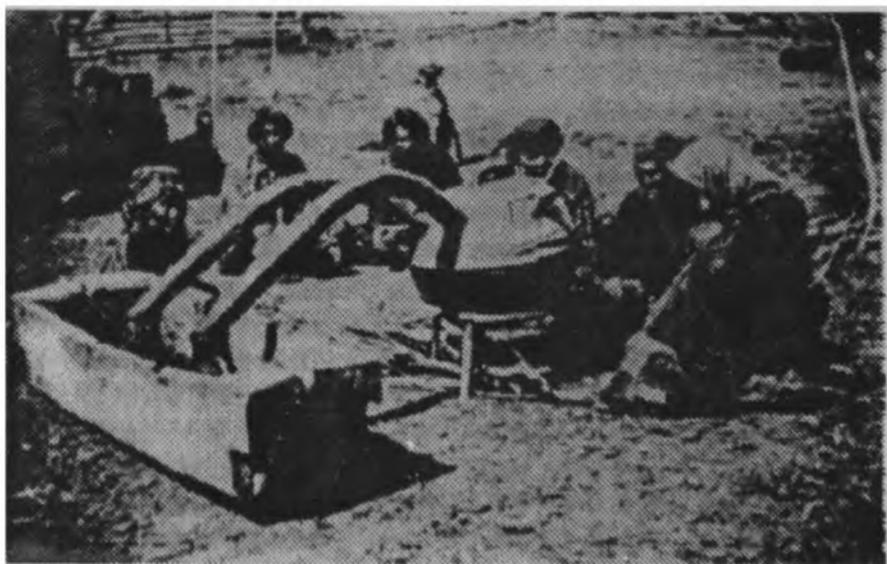
Самым распространенным летним напитком хакасов был айран, приготовленный из кислого коровьего молока. Закваску «айран хордии», как правило, получали из остатков прошлогоднего айрана. Весной ездили по аалам в его поисках. Получив у запасливого хозяина бутылку прошлогоднего айрана, отдавали взамен бутылку свежего молока. Если так не поступить, то у хозяина уйдет счастье. Подобный обычай характерен для всех скотоводческих народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Если прошлогоднего айрана не было, то закваску готовили сами следующим образом. Кислое молоко или пахту (пілемік) наливали в кожаную флягу «торсых» или слепую кишку коровы «туох пöөн». Затем сюда клали измельченные на ручной мельнице сырцы «лічірö» или «хурут» (о них см. ниже). Иногда в кислое молоко опускали коренья сараны (сип). Кожаную флягу с кислым молоком привязывали к седлу лошади и ездили с ним до тех пор, пока не сбивалась закваска. Для лучшего брожения ее укутывали шубой. Из закваски разводили айран. Для этого каждый день, вечером и утром, подливали обрат «көк сүт», кипяченую воду, пахту (пілемік) или сыворотку «хыбыран», полученную от приготовления творога или пресного сыра (пызылах). Сыворотку «хыбыран» добавляли обязательно, иначе напиток быстро перекисал. Сильно перекисший айран называется «хахырым». При перегонке хахырыма получалась слабая арака, а сырцы выходили плохими. Айран держали в больших кадках — «сабан». Ежедневно его перемешивали по несколько раз мутовкой (адых, пысхы). Запрещалось стучать ею по верхнему краю кадки, иначе семья рассорится. На поверхности айрана собирался маслянистый налет (айранное масло) — «öнер». По нему определяли кре-

пость будущей араки. Если «өңер» был желтого цвета, то айранная водка получится крепкая, если белого — то слабая. Его употребляли как лекарство для лечения парши у скота.

Во время нежданного приезда гостей и при отсутствии готового айрана срочно готовили «саңмал» — искусственно доведенный айран. Его получали, делали двумя способами. Недошедший айран переливали в чугунную чашу, подогревали на огне и затем помещали обратно в кадку. Подогретый айран начинал быстро бродить. Кроме того, его постоянно перемешивали мутовкой. По второму способу «саңмал» получали в результате слияния айрана и доведенной до кипения творожистой массы «аарчы», смешанной с водой. Для усиления брожения саңмал постоянно перемешивали мутовкой. За ночь он доходил. Затем его перегоняли на молочную водку «саңмал арагазы».

Значение айрана в питании хакасов трудно переоценить. Об этом имеется прекрасная работа А.В. Адрианова. Сами хакасы говорят: все здоровье народа от айрана. Это универсальный напиток. Им угощают любого зашедшего в юрту, его используют в ритуальных целях, он прекрасно утоляет жажду и голод. Для получения дальнейших продуктов айран перегоняли на молочную водку «айран арагазы». Хакасский термин «арага», также как название похмелье «пахпыр» имеют арабское происхождение и свидетельствуют о культурном заимствовании не только хмельного напитка, но и состояния после его принятия. У хакасов существовало два вида самогонных аппаратов. Древнейшим считался «хазан-хахпах». Это был самогонный аппарат западно-монгольского (ойратского) типа. Он состоял из большого казана, установленного на треножнике (очых). В него наливали айран, а сверху закрывали деревянной сферической крышчкой «хахпах». В крышке имелись два отверстия, куда вставлялись изогнутые деревянные трубы «сорға». Другим концом они упирались в два чугунных кувшина «ырагы», стоявших в корыте «көлбе» с холодной водой. Прежде чем вода в корыте (көлбе суу) нагреется, один казан айрана полностью успевали перегнать. Чугунные кувшины «ырагы» производили на Абаканском железодельном заводе (ныне г.Абаза), который учитывал спрос местного рынка. Наполненность кувшинов и крепость араки проверяли специальным прибором «амзор». Он представлял из себя длинную палочку с прикрепленными волокнами конопли на конце. Амзор опускали в кув-

Приготовление араки. Из фондов краеведческого музея г. Минусинска

шин и по отметкам на стержне определяли наличие араки. Для дегустации конопляные волокна обсасывались. Крепость араки была не больше 5-10 градусов. В редких случаях, чтобы получить хмельной напиток покрепче, делали повторную перегонку. Такая арака называлась «хорачын». Для герметичности аппарата места соприкосновения крышки с казаном и деревянными трубами замазывали свежим коровьим навозом, смешанным с золой. Интересно отметить, что выражение «казан сыбирга» — букв. замазать котел — в современном хакасском языке обозначает — перегнать айран на молочную водку.

В XIX в. среди хакасов распространился самогонный аппарат восточно-монгольского (халхасского) типа — «үлгер» или «сойан хахпах». Он был заимствован хакасами из Тувы. Об этом факте свидетельствует и его название «сойан хахпах» — тувинский аппарат. Термин «үлгер» происходит от тувинского «булгээр» и монгольского «булгэр». Самогонный аппарат «үлгер» состоял из большого казана, вмазанного в печь «кимеге». На нем устанавливали коническую кадку без дна. Внутри ее делался наклонный лопатообразный желоб (чайолдырых) с выходящим наружу носиком (сорга). Сверху кадка закрывалась небольшим охладительным котлом «тахтай» или «чылапчы», наполненным холодной водой. При ки-

пени пары айрана поднимались вверх до соприкосновения с охладительным котлом, превращались в капли араки и по желобу стекали в кувшин.

Молочную водку употребляли по праздникам для угощения гостей и для выполнения религиозных обрядов. Молодым людям пить запрещалось. Женщина могла употреблять хмельные напитки только после рождения второго или третьего ребенка. Заботились о здоровом потомстве.

Во время застолья все вино из бутылок сливали в одну посуду (казан), установленную в центре стола или круга людей. Араку пили из китайских чашечек «хыдат чірче» или из одной застольной чаши — «чочың айах», которая двигалась по кругу. Сначала «чочың айах» пригублял хозяин, а потом передавал гостям, каждый из которых поочередно должен пригубить ее, подчеркивая свое равноправие, и в конце чаша с остатками вина доходила до хозяина. Пословица в данном случае гласила: «Эзі албаанда, хан даа албаан». — «Пока хозяин не отведаст чашу с вином, то даже хан ее не возьмет». Этот обычай возник во времена средневековья, когда среди народов Южной Сибири и Центральной Азии были развиты междоусобные войны, и родовая знать использовала отравленное вино для уничтожения опасных противников.

При распитии вина соблюдали своеобразный этикет. Араку называли иносказательно — «улуғ ас» (великая пицца). Употребляли ее умеренно. По этому поводу говорили: «Улуғ астаң ас полбассың». — «Великую пиццу не переборешь». Красную лакированную чашечку «хыдат чірче» полностью не осушали, ибо если у кого останется пустое дно, то жилище станет пустым. Не говорили спасибо за поданную чашечку с аракой, ибо считали, что у вина нет стыда. Держать в одной руке бокал с вином, а в другой трубку с куревом запрещалось. Молочную водку хранили в кожаных флягах «тазор» или «торсых» и в деревянных бочонках «ідіс». Первую чашку непробованной араки «ідіс ахсы» из открытого бочонка наливал себе хозяин. Сначала из нее совершали возлияние духам — «наанығ». Брызгали аракой по три раза в очаг, потом к дверям и дымоходу юрты. Затем в эту чашку символически доливалось вино, и сам хозяин его выпивал. Последний остаток араки «ідіс түбі» считался за счастье. Человек, которому досталось выпить «ідіс түбі», обязан был пригласить гостей к себе домой. В наше вре-

мя обычаем упростился, и такой человек просто обязан сходить в магазин за вином. Продавать араку, как и другие молочные продукты, по хакасским поверьям запрещалось: всевышний дал это все даром, поэтому при их продаже счастье может уйти. Однако в XIX в. товарно-денежные отношения неумолимо внедрялись в жизнь хакасов, в результате чего они стали продавать не только мясо, но и масло.

После перегонки айрана в казане оставалась творожистая гуща «поча». Из нее готовили свадебное ритуальное блюдо «поча потхы». В кипящую творожистую гущу насыпали мелко рубленное мясо, крупу и добавляли муку. Получалась густая и сладковатая на вкус каша. Ее давали попробовать каждому из присутствующих на свадьбе, дабы каждый имел свое потомство.

Обычно творожистую гущу «поча» процеживали через холщовый мешок «сүүмек» и отделяли сыворотку «сарыҕ суҕ». Отцеженная творожистая масса называется «аарчы». В дальнейшем из нее делали сушеные сырцы «хурут» и «пичірө». Хурут готовили из смеси аарчы с топленным маслом, слепленных в виде небольших круглых лепешечек. Их нанизывали на шнуры и высушивали на солнце или над очагом. Хурут, смешанный с черемухой, называли «хара хурут» — черный хурут. Для его приготовления свежую черемуху разминали на терке и обжаривали в казане до появления сока. Затем туда наливали аарчы, добавляли сметану и слепленные колобки сушили на солнце. Копченый хурут также назывался «хара хурут» — черный хурут. Связки с ним сушились подвешенными у дымохода или на жердях «хуртус» над очагом. При копчении он чернел от дыма и становился очень твердым. Осенью хурут сушили на солнце. Таким способом приготовленный продукт назывался «ах хурут» — белый хурут. Он имел белый цвет, был мягким и рыхлым. На хозяйство заготавливали до 1—2 мешков хурута.

Хурут был не портящимся продуктом. Хакасы употребляли его вместо хлеба. Зимой подавали гостям к чаю смешанным с кусками сливочного масла. Замороженная смесь из хурута и масла называется «тиспек». Это было почетное блюдо. Хурут брали в качестве дневного провианта пастухи. У охотников во время преследования зверя одна лепешечка хурута служила суточным рационом питания. Если хурут размачивали в воде и смешивали со сметаной, то блюдо именовалось «хаймах». Это очень сытное блюдо обязательно запивалось чаем.

Другой вид сырцов, сделанных из аарчы, называется «пичірө». Для их изготовления творожистую массу — аарчы выжимали сквозь пальцы рук (в настоящее время пропускают через мясорубку). Выжатые полоски «пичірө» раскладывались на специальные маты «аатыс»(сыы,күү) и сушились на солнце. Для их сушки около юрты сооружалась перекладина «архы», установленная на двух столбах. Каждая семья на зиму обязательно заготавливала по мешку пичірө. Их хранили в специальных кожаных мешках «тулуп», сшитых из цельной шкуры животного.

Для уважаемых гостей делалось почетное блюдо «хайах пичірө» (пичірөліг хайах). Сырцы мололи на ручной мельнице или толкли в ступе, смешивали с талканом, заливали растопленным маслом и замораживали. Блюдом «хайах пичірө» обязательно угощали гостей на масленицу. Из размолотых сырцов «пичірө», смешанных с маслом, делали колобки «тохчах». Их преподносили почетным гостям. Сырцы «пичірө» использовались для приготовления блюда «сатырма». В чугунной чаше растапливали масло. Затем, когда оно закипало, добавляли туда муки и подсыпали размолотые сырцы «пичірө». Готовое блюдо сатырма употребляли в горячем виде. Сырцы пичірө употребляли также и как заправку для супов. Пичірө размачивали в воде и затем смешивали со сметаной. Такое блюдо называется «иримчик» (кач.) или «хаймах» (саг.).

Из творожистой массы «аарчы», смешанной с водой, получали морс — «седем». Его обычно употребляли на похмелье. Седем служил для утоления жажды во время покоса. Если аарчы смешивали с кипяченым молоком или сметаной, то такое блюдо называлось «чуураңхай»(аарчы чуураңхайы). Его подавали на стол в тарелках для детей.

После перегонки айрана на верхней крышке самогонного аппарата оставалась накипь «эрмек». Её любили соскребать ложками и есть дети. Эрмек смешивали с кипяченым молоком или сметаной и получали блюдо «чуураңхай» (эрмек чуураңхайы).

В подтаежной зоне Хакасии население сочетало скотоводство с земледелием. Поэтому в пищу широко употреблялись и мучные изделия. Самым популярным видом злаковых являлся ячмень — «көче» (ас, арба). Из него делали знаменитый талкан (талган), широко употреблявшийся в пище хакасов. В каждом

хозяйстве держали специальный инвентарь для его приготовления — «тімел». Сюда относились железная чаша «хооргыс», деревянная ступа «согах», ручная веялка «саргаас» и ручная мельница «теербен». Сначала ячмень обжаривали в железной чаше «хооргыс». Жареный ячмень назывался «чімці» или «арба». Затем его рушили в ступе до тех пор, пока не отделится мякина (хоос). Работа тяжелая. Поэтому всякий, зашедший в юрту, обязан был немного помочь хозяйке, хотя бы несколько раз ударить пестом в ступе. Иначе такому человеку говорили: «Палаң пазы тас полар» — «Голова твоего отпрыска станет плешивой». Рушенный ячмень провеивали на ручной веялке и затем мололи на ручной мельнице. Под мельницу подстилали подстилку «ідө», сделанную из шкуры или бересты, куда сыпался готовый талкан. Его хранили в кожаном мешке «адыңа». Талкан в нем не сыреет и не мякнет. Такие мешки «адыңа» обычно брали с собой охотники в тайгу.

Из талкана готовили популярную кашу «талган потхы» или «салаңмат» (суғ потхы). В казан с кипящей водой насыпали талкан и, перемешивая, доводили кашу до готовности, солили по вкусу. Перед употреблением заправляли маслом. Ее любили готовить охотники в тайге. Другая каша из талкана — «сатырма» (хайах потхы), готовилась на масле. В чашу с кипящим маслом насыпали талкан (или пшеничную муку), добавляли крупу и кедровый орех. Сатырма считалась детской пищей. Третий вид каши назывался «сатораң» (ун хаарган). Талкан (или мука) сначала обжаривался в казане. Затем туда наливали молоко и варили на нем «сатораң». Готовую загустевшую кашу заправляли маслом. По-русски все виды указанной каши называются саламатом. Талкан, смешанный с жиром или маслом, называется «наспах». Его готовили следующим образом. Сырое внутреннее сало лошади «хазы», или медвежье сало, или курдюк овцы крошили и толкли в ступе вместе с талканом. Вкусный наспах готовили из талкана, пропитанного конопляным маслом. Для этого семена конопли толкли в ступе вместе с талканом. Проще всего наспах получали из талкана, смешанного с растопленным маслом. Из готового наспаха лепили колобки «тохчах», делали петушки «хучагыс», которые на зиму замораживались. Они употреблялись как лакомство и гостинцы для детей во время масленицы. Подобное блюдо — чашпак — известно также у тувинцев. Популярным напитком,

быстро утоляющим чувство голода, считается «хаарым» или «хадым». Готовится оно моментально. Для этого талкан летом смешивали с айраном, а зимой с квасом «абыртхы» (см. ниже). Во время летней страды для утоления жажды делали морс (сугнаң хаарган) из талкана, смешанного с холодной водой и медом, добавленным для вкуса. Талкан, смешанный с молоком, называется чуураңхай (талган чуураңхайы).

Из пшеничной муки делали белые булки «халас», а из ржаной — черный хлеб «іпек». Хлеб пекли в специальной печи «кимеге». Из пресного теста делали лепешки «кόμεчек» или «көптіргес». Тесто замешивали на осадке от перетопленного масла, куда затем добавлялось молоко. Готовили прямо на месте очага. Огненные угли разгребали. В середину очага на горячую золу укладывали плоский камень, на который помещали тесто. На него намазывалась сметана или вовнутрь заворачивали кусочки лука с салом. Тесто закрывали перевернутым казаном или железной чашей. Под действием жара лепешки румянились, а их тесто пропитывалось сметаной или салом.

Из пресного теста, замешанного на кислом молоке, пекли пирожки (күлгейек) с кусочками копченого курдючного сала внутри. Күлгейек нанизывали на шампур (сіс), который втыкали в землю у очага. Готовые пирожки были очень сочными, пропитанными курдючным салом.

В сковороде на жиру или масле пекли лепешки «чалбах». Готовили их из кислого теста «ачытхы», заквашенного на айране. В специальной сковороде с ячейками (күндейек) жарили на жиру своеобразное печенье «поорсах». Для него замешивалось пресное крутое тесто на молоке, сметане, масле и яйцах. Хакасы делали большие пироги «күрмек» из кислого теста. Между двумя слоями раскатанного теста помещали рубленое мясо с салом и луком или очищенную рыбу с картофелем. Пирог «күрмек» укладывали в сковороду и пекли в печи «кимеге». Этот вид пирога был распространен только среди подтаежного населения Кузнецкого Алатау. Кызыльцы выпекали пышные булочки «том халаш» из пшеничной муки. Пресное тесто сначала варили в воде, а затем жарили в печи. Этот вид хлеба имеет древние корни. В древнетюркском языке имеется термин «топ» — кушанье, приготовленное из пшеницы.

Перед тем как отрезать первый кусок хлеба (іпек ахсы) чертили по нему ножом крест, чтобы отпугнуть дьявола (айна).

Обычай, несомненно, заимствован у русских крестьян. Согласно хакасскому обычаю, нельзя держать хлеб отрезанной стороной к дверям, иначе уйдет счастье. Отрезать надо полный ломоть, а не половинку, в противном случае жизнь проживешь частично. Нельзя оставлять надкушенный кусок — оставишь счастье. Нельзя крошить хлеб на пол, а тем более наступать на крошки. Когда зерно просыпается на землю, то оно радуется тому, что вырастет. Но если падают на землю крошки хлеба, то они проклинают человека.

В подтаежной зоне Хакасии было распространено блюдо «хазан теертпегі» (мүн теертпегі). Пресное тесто раскатывают на кружки «теертпек». Их опускают в казан и варят в мясном бульоне. После того, как тесто сварилось, его выкладывают в отдельную тарелку, крошат, как лапшу, и смешивают с маслом. В пиалах подается бульон, которым заправляют лапшу при еде. Блюдо хазан теертпегі напоминает киргизский бешбармак.

Хакасы долины Абакана умели готовить «мирек» — блюдо типа больших пельменей. Для начинки брали накрошенное в корытце сечкой мясо с внутренним салом и луком. По виду пельмени «мирек» напоминали небольшие пирожки. Они варились в казане. При подаче на стол их заправляли маслом или сметаной, или макали в растопленный жир. Пельмени «мирек» заготавливались в большом количестве на зиму.

Некоторые мучные изделия служили для заправки мясных супов и бульонов. Например, хакасы готовили «тутпастыг үгре» — суп с пшеничными галушками, «поорсах үгре» — суп с клецками и «лапса үгре» — суп с лапшой.

Со второй половины XIX в. среди хакасов получил свое распространение картофель — «яблаx» (чаблаx), который сначала отождествлялся с пищей Эрлик-хана (Ирлік хан тамагы). Хакасское название происходит от русского «земляные яблоки». Последнее же является калькой с французского «la pomme de terre». За счет картофеля хакасская кухня обогатила свой ассортимент. Появились картофельные супы «яблаxтыг үгре», жаркое «жарко», жареный картофель на сметане «хаарган яблаx», картофельное пюре на сметане «яблаx потхы» (трачон). Из него делали «наспаx», т.е. отваренную круглую картошку толкли вместе с конопляным маслом.

Мучные продукты использовались хакасами для изготовления различных зимних напитков. Самым популярным является «абыртхы» — хакасский квас, сделанный из талкана. Для его закваски готовили солод «уут». Проращивали зерна ржи, пшеницы или ярицы. При появлении зеленых ростков зерна сушились и затем мололись на ручной мельнице. Солод клали в остуженную массу из талкана, размешанного в теплой кипяченой воде. В наше время вместо талкана стали использовать отваренный картофель. Его разминают, добавляют туда солод, теплую воду и немного муки. Соль не кладется. Готовый абыртхы процеживают. Его употребляли зимой и держали в берестяной посуде «синек».

Хмельной напиток «поза» получали из ярицы (арыс). В русском языке имеется соответствующее название «буза», заимствованное из тюркских языков. Сначала готовят месиво из ржаной муки на теплой воде. Затем его охлаждают, через 2-3 дня кладут солод (уут) и закваску (хордың). После этого его мешают и заливают кипяченой водой. Получается сладкое сусло — «сөкпек» (чүчүгес). Через день-два перебродившее сусло «сөкпек» превращается в хмельной напиток «поза». Для быстрого брожения сусла «сөкпек» его подогревали, опуская в него накалинные камни. За ночь оно доходило. Буза, полученная в результате ускоренного брожения, называется «саңмал» (поза саңмалы).

Первый раз в году хмельной напиток «поза» готовится осенью на праздник урожая — «үртүн тойы». Заквашивается он из хлеба нового урожая и называется «тун поза» — первая буза. Конечным продуктом, полученным из бузы, является хлебная водка «ас арагазы». Ее перегоняли таким же образом, как и айран. Барду «поча», оставшуюся после перегонки, сливали скоту.

В степных районах Хакасии рыба (палых) не употреблялась в пищу. Ее презрительно называли «суғ хурты» — речной червь. Согласно легендам, древние кыргызы провели в долине Среднего Енисея каналы для питья воды только из-за брезгливого отношения к плавающей рыбе. Кроме того, некоторые виды рыб, например, щука, относились к запретной пище, ибо ею кормили тёсей. Из всех видов рыб хакасы употребляли в пищу только хариуса «хоора». Недаром в хакасском языке для нее выработан ряд возрастных названий : «сахчых» — двухлетний

хариус, «сарга» — трехлетний хариус, «ах хоора» — четырехлетний хариус, «хара хоора» — пятилетний хариус и т.д. Хариуса жарили в сметане — «хаарган палых», из него готовили уху — «палых мўни». Сагайцы долины Аскиза из жирных внутренностей хариуса готовили поджарку — «хоортпах». Вымытые внутренности (сало, печень, икра и т.д.) жарились в казане до тех пор, пока не превращались в сплошную жирную массу. Затем ее смешивали с талканом. Хоортпах ели в горячем виде. Подобное блюдо известно и шорцам долины Томи.

В подтаежной зоне Хакасии рыба считается традиционной едой. Ее умели консервировать. Сушеная рыба у бирюсинцев называлась «убрах», а у кызыльцев — «пуурах». Это одно слово, имеющее разное фонетическое звучание. Готовился убрах (пуурах) следующим образом. Сначала вычищенную рыбу (у бирюсинцев усачи и мальки, а у кызыльцев ельцы) отваривали в соленой воде или вымачивали в соленом рассоле. Затем бирюсинцы сушили рыбу на солнце, а кызыльцы коптили у костра. Готовый полуфабрикат «убрах»(пуурах) засыпали в закрома амбара. Чтобы сварить зимой уху «палых мўни», доставали из закрома нужное количество сушеной рыбы «убрах» и опускали ее в казан с кипящей водой. Готовую рыбу раскладывали в тарелки и заливали сметаной. Блюдо «убрах» (пуурах) было характерным для таежной культуры населения Кузнецкого Алатау (мелетцы, кызыльцы, бирюсинцы, шорцы, челканцы).

Дары щедрой природы Хакасии с большим успехом использовались в хакасской кухне. Плоды растений назывались общим именем «чир тамагы» — земляная пища. С ранней весны и до поздней осени выкапывали съедобные корни, рвали полезные травы, собирали ягоды.

В мае существовал промысел кандыка — «хандых», «пис». Наибольший вкус корень получал после опадения цветков и образования семян. Во время цветения копать нельзя. Добывать его отправлялись женщины и дети, вооруженные изогнутым заступом «озоп» для копания корней. На одно хозяйство заготавливали до трех мешков свежего кандыка. Выкопанные корни отламывали от стебля, мыли, нанизывали в связки и сушили. Из трех мешков свежего кандыка получали мешок сушеного. Его применяли для приготовления вкусного блюда «хандых потхы» (пис потхы). Свежие клубни кандыка варили до полного выкипания воды. Затем заливали молоком или сме-

таной и кипятили до готовности. Заправляли маслом. Зимой сушеный кандык мололи на ручной мельнице или толкли в ступе. Полученную муку засыпали в кипящую на огне сметану и мешали до готовности. Блюдо напоминало по вкусу манную кашу. «Хандых потхы» готовили по праздникам. Дом, в котором угощали «хандых потхы», пользовался хорошей репутацией, а его хозяйка слыла за расторопную женщину.

В июне хакасы добывали сарану — «сип» или «саргай». Наиболее вкусен корень в пору цветения. Питательные корни этого растения выкапывали так же, как и кандык, «озоп'ом». За день старательная женщина могла накопать до четырех ведер сараны. Его корни мыли и сушили, разложив на матах «аатыс». Сарану использовали для приготовления блюда «сип потхы». Сушеные корни разминали на каменной терке. Затем, как только в казане закипала сметана или масло, туда насыпали молотую сарану. Получалась вкусная каша «сип потхы». Из ее муки пекли даже блины.

Из сушеного кандыка и сараны делали комбинированный продукт «уғба» (хандых уғбазы, сип уғбазы). Сушеные корни сначала крупно мололи на ручной мельнице. Полученную крупу смешивали с ячменной крупой и сырцами «пічірө». Полуфабрикат «уғба» засыпали в закрома амбара или хранили в специальных кожаных сундуках «сірхап», или в кожаных мешках «төңерчік». Обычно «уғба» служила для приготовления супов «уғба үгре». Но иногда из нее варили кашу на молоке «уғба потхы».

Промысел кандыка и сараны уходит в глубокую древность. Например, еще в 1660 г. русский посланник к Алтын-хану С.Грек сообщал о пропитании в Хакасии: «и живучи многое время в Киргизах, и в Тубе, и в Керейтах, и в Алтырах покупали себе на еду скот и бараны, и молоко, и крупы, и кырлышную муку, и сарану, и кандык, и всякой коренья езда по улусам дорогой большой ценою и тем питалися многое время».

Весной до первого весеннего грома дети копали и ели сладкие коренья хлебенок — «сомзылгай», гусиной лапчатки — «хычыган», солодки «чыгырлых», «чына», чертополоха — «ипсек» и др. Выкопанные коренья пекли в золе, как картошку, варили в воде и с молоком, толкли в сыром виде, употребляли как приправы в супы и щи.

Летом добывали основания диких пионов — «сицне». Заготовленные коренья мыли и сушили. Из них получали кислую приправу для супов — «асхылдым». Сушеные коренья дикого

пиона (сиңне төзі) крупно мололи на ручной мельнице. Их добавляли в крупяные и ячменные супы вместо творожистой массы «аарчы». Суп от приправы «асхылдым» получал красный цвет и становился терпким на вкус. Из муки диких пионов пекли оладьи «чалбах». Чтобы убрать горечь, корни сначала несколько дней вымачивали в воде. Затем их сушили и мололи. Муку замешивали на пахте (пілемік). Оладьи пекли в жиру на сковороде (чалғайах). Дикая морковь с цветками в виде голубых колокольчиков называется «милегір» (миреген). Корни у этого растения похожи на толстую черную морковь. Их отваривают в воде до двух-трех раз, чтобы исчезла ядовитость. Затем сушат и мелют на ручной мельнице. Из ее муки готовят кашу на сметане — «милегір потхы». Это блюдо напоминает манную кашу. Кроме того, из муки «милегира» пекли лепешки «чалбах» и даже черный хлеб — «іпек». Сушеные корни употребляли как заправку в супы. Подобное растение «белергене» употребляется в пищу тувинцами.

Осенью женщины и дети отправлялись добывать из нор грызунов макаршино корень — «мөкезін». Оно растет по краям болотистых мест. Грызуны очищали «мөкезін», приносили и складывали его в свои подземные кладовые «күлүм». Женщины стучали озем по земле и по глухому звуку определяли их местонахождение. В одной кладовой находилось до полмешка кореньев. Согласно традиционной морали, все запасы не забирала. Грызунам оставляли несколько чашек кореньев на зиму. Сушеный мөкезін мололи на ручной мельнице или толкли в ступе. Из его муки готовили блюдо «мөкезін потхы». В кипящее молоко насыпали молотый «мөкезін» и добавляли талкан. Готовую кашу заправляли маслом или сметаной. Макаршино корень — «мөкезін» использовали для начинки пирогов — «мөкезін пүккен халас», из них варили постный суп «мөкезін үгре».

В июне ездили в тайгу за черемшой — «халба». Ее солили и хранили в течение года в жбанах. Из свежей делали салат со сметаной. Черемшу возили в степные аалы Хакасии продавать или обменивать на продукты скотоводства (овчины, шерсть, волос и т.д.).

В степной части Хакасии собирали лук — «ухсум», дикий лук «көбірген», горный лук «чама», дикий чеснок «маңырсын» и его разновидность «хастаай». Указанную острую раститель-

ную пищу называли «ачыг-чучуг тамах». Ее ели сырой с солью, делали салаты со сметаной, клали для заправки в супы, колбасы и другие блюда.

В июле и августе собирали различную ягоды: землянику «чир чистегі», кислицу «хызылгат», смородину «харагат», чернику «ноңных», бруснику «нир» и другую, всего более 15 видов. Ягоду употребляли в сушеном виде или толкли и смешивали со сметаной. Под влиянием крестьян научились делать варенья (мерейне).

В августе собирали плоды черемухи «нымырт». Для дальнейшего хранения их высушивали. Черемуха употреблялась для изготовления блюда «нымырт потхы». Ее сначала мололи на мельнице или растирали на терке «паспах». В казане варили сметану. Затем, когда она закипит, в нее сыпали талкан и молотую черемуху. В готовую кашу «нымырт потхы» добавляли масла. Обычно это блюдо делалось на поминках.

Деликатесом являлось блюдо «нымырт хайах». Размолотую черемуху смешивали с топленным маслом, талканом и толчеными сырцами «пічірө». Все составные элементы хорошо перемешивались и затем замораживались в слепой кишке «пбөн». Блюдо предлагалось почитаемым гостям. Его обязательно привозили родителям невесты после свадьбы. Для этого мероприятия «нымырт хайах» замораживали в девяти казанах.

Осенью, когда упадут заморозки, собирали плоды боярышника «тоо». Съедобными считались ягоды коричневого цвета «хара тоо». Другой вид боярышника — «мала тоо» со светло-желтыми плодами был несъедобным. Боярышник хранили в высушенном виде. Чтобы приготовить кашу «тоо потхы», его плоды мололи на ручной мельнице. В чугунной чаше варили кашу на сметане и добавляли муку из боярышника. Готовую кашу «тоо потхы» могли заправить маслом. Почетным блюдом являлось «тоорган тоо». Молотый боярышник смешивали с топленным маслом, толчеными сырцами «пічірө» и размятой брусникой. Смесь замораживали. Блюдо подавали зимой к чаю.

Среди грибов (миске) хакасы считали съедобными только грузди «хазыц мискезі». Их жарили на сметане и солили на зиму (тузаан миске). Из лиственниц добывали серу «саас». Хакасы применяли ее как жевательную резинку. Дети в июне пили березовый сок, а когда он затвердеет, то соскребали под берестой сладкую массу «хырымчых».

Осенью хакасы отправлялись на промысел кедрового ореха «хузух». На хозяйство добывали по несколько мешков. Из кедрового ореха делали сытную кашу «изіре потхы». Каленые орехи раскалывали частыми ударами зернотерки или лушили их на мельнице с приподнятым верхним жерновом. Затем их провеивали на ручной веялке. Очищенные ядрышки (изіре) сначала толкли в ступе, а затем эту массу жарили в казане. Когда выделялось масло «хузух хайагы», туда добавляли талкан. Кашу «изіре потхы» готовили для отощавших людей. От употребления этого блюда заморенный охотник поправлялся в течение двух недель. В подтаежной зоне Хакасии делали пельмени «нохчах мирек» с начинкой из кедровых орешков. Очищенные вышеуказанным способом ядрышки толкли в ступе и смешивали с талканом. Начинка, «нохчах» шла для изготовления пельменей, которые варили в бульоне. Постный суп, приготовленный из кедровых орехов, называется «ымыс». Очищенные ядрышки сначала толкли в ступе, а затем эту массу варили в казане с водой. В суп «ымыс» добавляли крупу, картофель.

Более двадцати видов растений использовалось хакасами для заварки чая. Заготавливали чагу («хазың чайы»), листья брусники (нир), бадан(хая чайы), шиповник (ит пурун), белоголовник (чай оды) и многие другие растения. Хакасы пьют чай обязательно со сметаной. Калмыцкий соленый чай («сойан чайы» — букв. «тувинский чай») здесь не получил распространения. Плиточный чай завозили в Хакасию из Китая. Поэтому он носил название «хыдат чайы» — т.е. китайский. Во время чаепития чашечку чая обязательно подавали с блюдцем. Если гость напился чаю, то он переворачивал чашечку вверх дном и клал на блюдечко. Если он пользовался ложкой, то также должен был положить ее в перевернутом виде.

Дикий хмель (хумнах) применяли для пивоварения. Сначала хмель отваривали в воде, давали ему остудиться, а затем добавляли сироп из толченой смородины и давали перебродить. Полученная брага называлась «сыра». Так же называли брагу, сделанную из меда.

Муравьиную кислоту использовали для приготовления спирта «күзер арагазы». Содержимое муравейника вместе с муравьями нагребали в мешок из дубленой кожи. Затем приносили его в юрту, засыпали муравьев в большой казан и кипятили

в воде. Полученную массу перегоняли в самогонном аппарате. Спирт «күзер арагазы» был очень крепким напитком.

В начале XIX в., не без влияния декабристов, в Хакасско-Минусинском крае стали выращивать табак (тамкы, тахпы). По хакасской мифологии табак вырос на месте захоронения сожженного праха дракона (сыр чылан) и поэтому курение его считается за грех. Табак, как и арака, любимая пища горных духов. До сих пор на горных перевалах, при отсутствии вина, кропят табаком и даже накрошенным из трубки осадком никотина (патха); когда в юрту заходил гость, то ему сначала подавали айран, а затем угощали табаком. Приемы курения хакасов неплохо описаны декабристом А.П. Беляевым. «Сидя у костра, всегда флегматический татарин-курильщик прежде всего берет березовое полено, нарочно приготовленное и высушенное, наскабливает ножом известное ему по крепости табака количество тонких стружек (на один фунт табака полфунта стружек — Б.В.), вынимает из кармана узенький, продолговатый кожаный кисет, в котором с табаком затянута маленькая медная китайская трубочка, называемая гамзой, насыпает на ладонь в стружки табак, тщательно и долго мешает, затем набивает трубку, берет и кладет уголь на устье трубки, закуривает, щелчком скидывает уголь, и в два-три затяжки втягивает в себя, как видно по физиономии, с величайшим наслаждением весь дым трубки...»

Хакасы принимали пищу четыре раза в день. Рано утром готовили завтрак — «иртенгі азырал». К нему подавали обычно сметанную кашу «потхы», пили чай с сыром. Около 12 часов дня делали обед — «күнөрткі азырал». Обязательно варили мясной суп. Во второй половине дня, около 4-5 часов, был вечерний чай или паужин «иир азыралы». Поздно вечером садились за ужин «чадын азыралы». На нем основательно заправлялись мясом, ели супы, пили чай.

За столом соблюдался строгий этикет. Во главе его сидел хозяин юрты. По правую руку его, со стороны переднего угла «төр» сидели почетные гости. Женщины, особенно невестки, размещались за отдельным столиком на женской половине юрты. Хакасские столы «чир стол» (сірее) были низенькие. За ними сидели, согнув ноги по-турецки. Запрещалось сидеть на корточках или вытянув ноги вперед. Нельзя есть стоя на ногах, а то обнищаешь, да и скот будет телиться стоя.

На стол ставили корытце «типси» с отваренным мясом, а внутренности — сердце, печень, сычуг и др. клали отдельно в большую тарелку «табах». К мясу подавали бульон или наливали суп. Мясо и супы никогда не солились. Соль стояла на столе в солонке. Куски пищи нельзя макать в солонку, иначе где-нибудь поймаетесь на обмане, ведь мужчине нельзя жить без хитрости (агас игірі чох өспинче, ир кізі чойы чох чөрбинче). Никогда не подавали гостям вчерашние мослы. Согласно хакасским поверьям, если обглодать вчерашний мосол, то человек станет забывчивым и замкнутым. Баи такое мясо бросали собакам, а бедняки отдавали есть старикам. На ночь оставшуюся на столе пищу обязательно закрывали: иначе верили, что злые духи ее обнюхают и причинят несчастье. Если вечером, во время ужина, со стола на землю упадет кусок пищи, то его обязательно надо было поднять и съесть. В крайнем случае, когда в темноте этот кусок не находился, то, чтобы прикрыть его, бросали на это место чепрак или кожаную подстилку «талбах». Если же кусок пищи падал на землю со стола утром или днем, то есть его запрещали и выбрасывали собакам. Подобный обычай встречается у монголов, которые объясняют, что в «первом случае упасть куску помогал бурхан, во втором — злой дух».

Итак, система питания хакасов относится к центральноазиатской модели. Основу их кухни составляли характерные для культуры скотоводов блюда из вареного мяса и искусственно скисшего молока, дополненные продуктами собирательства, земледелия, охоты и рыболовства. Хакасы широко употребляли различные каши и крупяные супы, умели консервировать (замораживать, сушить, коптить, солить) мясные, молочные и растительные продукты. Этикет гостеприимства требовал приготовления специальных яств и их символического распределения, а религиозные верования — культовой пищи. Разнообразные блюда хакасской кухни свидетельствуют о наличии самобытной национальной культуры, имеющей глубокие традиции. В некоторых случаях прослеживается древняя коллективная форма приготовления и распределения пищи (талкан, арака, медвежье мясо и др.). Сохранилось представление об охранительной и карающей функциях различных частей мяса. В последнее столетие возрастает влияние русской кухни с ее разнообразной растительной пищей.

§ 1. Рождение и воспитание ребёнка

Забота о будущем поколении и его воспитании является главным долгом человеческого общества.

Многодетная семья почиталась у хакасов. Как гласят пословицы: «Мал азыраан харынга тох, пала азыраан паирга тох» — «У вырастившего скот сыт желудок, у вырастившего детей сыта душа». Женщине, которая родила и воспитала девять сыновей, даже разрешали ездить верхом на ызыхе, т.е. священной лошади.

Беременность определяли по прекращению регулов. Менструация по-хакасски называется «кiр» — букв. грязь, и поэтому женщина считалась нечистым существом. Во время беременности для женщины существовали особые запреты. Ей нельзя было перешагивать через аркан или верёвку, иначе пуповина перевьётся вокруг шеи ребенка. Беременной запрещалось пряхть шерсть, перешагивать оглобли и конскую снасть, заходить в дом, где лежит покойник, находиться в юрте другой беременной женщины. Нельзя смазывать жиром обувь, иначе на теле ребёнка будут чёрные родинки. Её мужу в это время нельзя при колке дров переворачивать топор и бить обухом, иначе голова ребёнка хорошо не срастётся.

Беременной запрещали пинать собаку. В противном случае на нижней части спины ребёнка будет синее пятно (кoк миц). Этим объясняли наличие монгольского пятна у хакасских детей.

Хакасские женщины рожали стоя на коленях, держась за берёзовую жердь. Берёзу, на которую должна опираться роженица, заносил её муж через дымовое отверстие юрты и устанавливал одним концом в землю. Эту опору называли «алтын теек» — золотая коновязь. К алтын тееку привязывался аркан, который пропускали под мышками роженицы для её поддержания.

Приняв младенца, повитуха ждала выхода последа — «ша-а инези» букв. мать ребёнка. Пока послед не выйдет, пуповину не отрезали. Если он задерживался, то били в медный таз и заставляли плакать новорожденного, говоря: «Торопись, мать ребёнка, твоё дитя плачет!». Затем, отмерив ширину двух пальцев (ікіліг), повитуха перевязывала пуповину шёлковой ниткой (чібек) и, немного отступая, перерезала её на берёзовой палочке (ах тахпай) или на стволе алтын теека. Мальчику пуповину отрезали ножом (кистік) или складником (ах тонарах), а девочке перепиливали ножницами. В связи с тем, что хакасы обязательно пуповину режут на растительном материале (травинка, берёзовая щепочка), то поэтому якобы у них мягкая душа. Если бы они резали её на камне, как, по их представлениям, у русских, то стали бы жестокими, с каменным сердцем. Повитуха, перерезая пуповину, должна произнести: «Я не режу, а режет мать Умай. Живи долго!».

Хакасы верили, что если ребёнок родится на молодой месяц (ай наазы) — то будет счастливый, в последние дни старой луны (ай иргізі) — несчастный, в полнолуние (ай толызы) — долговечный, на новолуние (ай аразы) — очень удачливый. Рождённый весной будет хилым, осенью — крепким. Если в нечётный день недели родится девочка — будет счастливая, если мальчик — несчастный. Девочка, рождённая лицом вниз, будет несчастная. Трудно родившийся ребёнок будет непослушным.

Сразу же после разрешения от бремени роженице давали поесть специальный бульон «мўнчўк», приготовленный из свежей баранины. Мясо в бульоне очень мелко крошилось. У хакасов считается, что от этого блюда у роженицы быстрее появляется молоко. В случае развода с мужем или рождения внебрачного ребёнка бывший супруг или отец суразёнка обязаны были привезти барана на «мўнчўк». Бульон для роженицы варят так, чтобы ни одна капля его не проливалась на огонь, иначе у ребёнка будут гноиться глаза. Вообще в течение трёх дней, т.е. до отпадания пуповины, нельзя проливать воду на огонь, ибо это якобы влияет на глаза младенца. Обычно до тех пор, пока пуповина у ребенка не заживёт, женщине нельзя прикасаться к очагу, иначе хозяйка огня — «от ине» — притянет грудное молоко, и оно пропадёт. Сразу после родов роженицу окуривали богородской травой. До трёх суток, пока не отпадёт пуповина, молодая мать не выходила на улицу, не готовила пи-

щу, ела только бульон «мүнчүк», одевалась в тёплую одежду, каждый день омывалась три раза и окуривалась богородской травой.

Ребёнок, рожденный в «рубашке» (кип), считался счастливым. «Рубашку снимали после того, как отрежут пуповину. Затем повитуха её мыла и высушивала. Высушенную «рубашку» хранили в мешочке вместе с серебряной монетой или зашивали в белую матерчатую подушечку, которые обычно находились в сундуке или специальной шкатулке. Когда ребёнок вырос, то мать передавала ему «рубашку» со следующими словами: «Пусть твоя рубашка, рождённая вместе с тобой, всегда будет твоей надёжной защитой!». И если, будучи взрослым, он отправлялся на охоту или в дальнюю поездку, то на счастье её зашивали в одежду. При возвращении домой «рубашку» отпарывали и снова клали в сундук. После смерти её хоронили вместе с покойником.»

Если рождались близнецы, то разделяли целую берёзовую веточку пополам и на одной её части резали пуповину первому младенцу, а на другой — второму. Их послед по шву разрезали пополам и хранили в двух разных местах вместе с частями указанной веточки. Если обрезать пуповины на одной берёзовой веточке или не разделить послед пополам, то в случае смерти одного из близнецов, умерший якобы мог забрать душу другого. Вероятно, их души считались единым целым.

Если один из близнецов умирал, то по их росту отрезали берёзовый брусочек и раскалывали пополам. Одну часть берёзового бруска вместе с пуповиной и «рубашкой» умершего хоронили с покойным, а другую часть клали в колыбель оставшегося в живых. Близнецов, согласно обычаю, не разлучали. Но если всё же одного из них отдавали родственникам на воспитание, то также отмеряли по их росту берёзу. Одну часть разрубленного пополам берёзового бруска отдавали вместе с ребёнком через решётку юрты или окно дома воспитателям, а другую оставляли в колыбели вместе с оставшимся дитём. На этот берёзовый брусочек одевали такую же одежду, в какой находился ребёнок. В крайнем случае подвязывали такого же цвета тряпку. Если три раза подряд женщина рожала двойняшек, то, согласно обычаю, муж на время убежал из дома.

На третий день после рождения проводили «кин тойы» — празднование отпавшей пуповины. Собирались соседи и пожилые люди. Забивался баран и делалась сметанная каша «потхы».

До этого дня ничего не выносили из юрты (даже мусор), ничего не давали посторонним (даже воду из колодца). Отпавшую пуповину торжественно заворачивали и клали в шкатулку, где хранились «рубашка» и ножик, которым её обрезали. Хакасы подтаёжной зоны высушенную пуповину зашивали в трёх — или четырёхугольную кожаную подушечку (чарыҕ), которую украшали раковинами каури, бусинками, а по бокам кисточками. Её подвешивали к колыбели. Сколько детей, столько будет подушечек.

Отпавшая пуповина считалась счастьем и притягивала душу ребёнка. В случае смерти человека его душа должна была прийти к своей пуповине. Поэтому её всегда клали вместе с умершим.

Во время «кин тойы» с почестями выносили берёзовый шест — «алтын теек», служивший опорой для роженицы. Его клали на крышу юрты или скотного двора. Прежде чем вынести «алтын теек», на нём подвязывали белый платок, говоря: «Аҕың ал!» — «Возьми белый подарок!». Из него же изготавливали лучок со стрелой, которые подвешивались к колыбели для охраны малышей от злых сил. На следующие роды срубали новую берёзу. Во время «кин тойы» совершали захоронение последа («пала инезі» — т.е. мать ребёнка). Обряд его захоронения назывался «сүҕдек». Последу хакасы придавали особое значение в связи с тем, что он охраняет плод в утробе матери и от него якобы зависит здоровье и судьба ребёнка. После обрезания пуповины послед мыли водой, смазывали маслом и, положив в бересту, хранили под изголовьем кровати.

Отец ребёнка выкапывал в юрте ямку. Причём, для последа девочки — в женской половине юрты, а мальчика — на мужской. Выбирают такое место, где никто не мог бы наступать на него (под кроватью, сундуками, полками или под стеной).

Если похоронить послед на месте, где ходят люди, то ребёнок вырастет морально подавленным. Если захоронить его мелко (ниже колени), то женщина будет часто рожать, если глубоко (выше колена), то редко. Послед хоронили вверх пуповиной. Если захоронить наоборот, то женщина больше не сможет рожать. Кормление и захоронение последа выполняла повитуха. Она застилала дно ямки белым войлоком или берестой. Затем аккуратно сворачивала послед в белый войлочный или матерчатый мешочек и опускала его в ямку. Вместе с после-

дом хоронится берёзовая палочка, на которой резалась пуповина. Вокруг послета втыкали девять берёзовых щепочек и намазывали их специально приготовленной кашей из сметаны (потхы). Поверх него по кругу или крестом клали семь берёзовых палочек, также намазывая их кашей. Посередине послета клали серебряную монету. В некоторых местностях, как, например, в аале Усть-Сос при захоронении послета мальчика погребали лучок со стрелой для охраны от злых духов. Иногда ложили на счастье астрагал.

Приготовленный к захоронению послед повитуха окуривала богородской травой, брызгала вином, сыпала крупой и табаком, произнося: «Кури, ешь и пей, бабушка! Пусть твой ребёнок также будет сыт и здоров!». Затем послед закрывался белой материей и засыпался. Необходимо было завернуть его в тёплое одеяло. Иначе если последу будет холодно, то и роженица также будет мёрзнуть. Белое одеяние послета, а также лучок со стрелой, девять или семь берёзовых палочек должны были охранять послед от всякой нечисти. Похоронив с почестями послед, повитуха три раза по солнцу обводила роженицу вокруг этого места. Каждый раз, обойдя «могилу» послета, роженица ногой наступала на захороненное место, произнося: «Мать Умай, охраняй своих детей! Мать моего ребёнка, (т.е. послед), пусть твои дети будут здоровы! Мать моего ребёнка, пусть окрепнет моя поясница! Мать моего ребёнка, дай мне свои силы!».

После торжественных проводов послета, собравшиеся старики и старухи приступали к трапезе. Согласно этикету, на этом обряде требовалось сохранять весёлое выражение лица и смеяться.

Колыбель (пизик, пубай, орай) делали только после рождения ребёнка и обязательно на новолуние. Её, согласно обычаю, изготовлял дядя по матери (тайы) или дедушка по матери (тай аға). Иногда заказывали мастеру. После изготовления люльки делали «пизик тойы» — праздник укладывания ребёнка в колыбель. Собирались родственники и соседи. Мастеру за работу давали ягнёнка. За колыбелью приходили к нему домой, угощали вином, дарили что-нибудь из одежды, а его жене — платок. Изготовленную колыбель отец приносил в свою юрту и ставил на почётном месте-(төр). Её сразу закрывали пологом, т.к. не разрешали без ребёнка держать открытой. Колыбель

Ребенок в хакасской колыбели (титактиг пала).
Из фонда Краеведческого музея г. Минусинска

окуривали богородской травой и обмахивали от злых сил мужскими брюками (хара чага). Затем её обмазывали костным мозгом, маслом и сметанной кашей «потхы» для того, чтобы богиня Умай была сытая в этой колыбели.

Прежде чем укладывать в колыбель малыша, совершали следующий обряд. Если был мальчик, то в пелёнки заворачивали нож в ножнах, огниво с опояской и берёзовое полено для скобления крошек в табак(хырцацнас), а если девочка, то ножницы, напёрсток с иглой и огниво с опояской. Повитуха или бабушка укладывала завёрнутые вещи в колыбель, которую три раза качала и баюкала: «Пууй-баай, не будь плаксой!». На третий раз она раскачивала её так, что всё вываливалось на землю. В этот момент повитуха восклицала: «Онар ба, тискер бе?» — «Удача или неудача?». Все присутствующие кричали: «Онар, онар!» — «Удача, удача!». Так делали до трёх раз. Затем в колыбель укладывали щенка или кошку и раскачивали так, чтобы на третий раз они вывалились. После этой процедуры колыбель считалась обжитой. В данном случае остерегались

новорождённого опускать в новоизготовленную люльку, ибо только в гроб сразу помещают человека.

После указанного обряда в колыбель торжественно укладывали ребёнка и благословляли: «Пусть будет крепким изголовье колыбели, пусть будет много сестер! Пусть будет крепким колыбельный ремень, пусть будет много братьев!». В качестве оберега («аргыс» — букв. спутник) на дно люльки клали нож для мальчиков и ножницы для девочек. В противном случае шаманы могли украсть душу (хут) ребёнка, а горные хозяева (таг эззи) заменить на своё чадо. В качестве амулетов на дугу (сыңдырах) колыбели привязывали белой и синей шелковыми нитями коготь медведя, лучок со стрелой, высушенную шкурку крота. В люльку клали щепки от разбитого грозой дерева. Злым силам они кажутся пользающим пламенем. Перед сном вокруг ребёнка обносили веник из колючего кустарника «тогыс тон» и прислоняли его к колыбели. Веник по своей силе приравнивался к шаману. Когда ребёнок спал, то на него клали огниво, которое привязывали за шнур к люльке. Обычно его клали в том случае, когда дети не держались. Каждое новолуние колыбель окуривали богородской травой и произносили три раза заклинание «хурай». Пустую люльку качать запрещалось. Если укладывали ребёнка спать при старом месяце, то обращались за помощью к богине Умай. При перекочёвках колыбель укрепляли на седле. Если переплавлялись через речку, то ребёнка брали на руки, а в люльку клали чурку (торыспах).

Колыбель для ребёнка служила два-три года. Её нельзя было ломать и выбрасывать. Следующие дети также росли в ней. Однако если ребёнок умирал в грудном возрасте, то его колыбель считалась нечистой («хара пизик» — букв. чёрная люлька). Её обычно относили в горы и бросали в пещерах со всеми принадлежностями.

После того, как окрепнут ребёнок и его мать, обычно месяца через три, проводили именины — «пала тойы». К этому торжеству готовились тщательно, т.к. согласно народной традиции, в жизни человека считалось всего три личных праздника — именины, свадьба и той по случаю кончины. На мясо резались овцы и изготавливалась молочная водка — арака. Её наливали в большой казан, установленный на женской половине юрты. Повитуха на именинах исполняла роль виночерпия. Гости взамен полученной от неё чашки араки бросали в казан с молочной водкой монету, кольцо, перстень или перламутровые

пуговицы. Эти были подарки на зубок (тіс), чтобы у малыша зубы быстрее прорезались. Затем, после осушения казана, их привязывали к колыбели или делали браслетик на руку младенца (ымай сыынчаң пілектӧс). На именинах родственники дарили скот: лошадей, коров или овец. За крупный скот существовал обычай отдаривания «харо», т.е. ребёнок, став взрослым, должен был отплатить сторицей. За овец подарка не требовалось.

Прежде, чем садиться за стол, перед очагом поднимали блюдо с горячим мясом и брызгали аракой домашним духам. Затем, отрезав три куска жирного мяса от сердца, от правого верхнего ребра (поғана) и от грудинки, бросали их в огонь. Только затем приступали к трапезе. Пожилые старцы пили чай и желали ребёнку взять их долю долголетия. На именинах ребёнку давали имя. В некоторых случаях младенца нарекали ещё при родах. Повитуха при перерезании пуповины произносила: «Айнадаң пурун адабызим». — «Назову вперёд дьявола». Однако окончательное закрепление имени происходило на именинах. До этого его обычно называли часпачах — младенец, падас — краснотелый, пурханах — безгрешный, ынаачах — младенец и т.д. Человек, собравшийся дать имя, освящал свои уста молоком белой коровы и садился на почётное место, на белый войлок. Девочке давали имя пожилые женщины, а мальчику — старцы. За это их отдаривали одеждой. Они в свою очередь девочке подвязывали семь голубых бусин, а мальчику — три стрелы. Если при рождении ребёнка заходил пожилой человек, то часто его имя давали младенцу, чтобы он был таким же долговечным, как и вошедший. Старец вырывал из своей бороды три волоска, клал их под мышку новорожденного и говорил: «Оставляю тебе своё имя! Живи так же, как я, до старости, будь с такой же большой бородой!». Согласно поверьям, хакасы считали, что человек, отдавший своё имя, может лишиться жизни на каждый девятый год. Ребёнок якобы забирал часть его доли.

У хакасов была разработана своя система имён, количество которых сейчас нам трудно учесть. В какой-то степени это объясняется тем, что, во-первых, младенца не называли по именам умерших, а во-вторых, почти любое слово могло стать антропонимом. Детей называли по этнической принадлежности: Хоорай (старинное самоназвание хакасов), Тадар (современное

самоназвание хакасов), Хыргыс (т.е. киргиз), Саат (т.е. сибирский татарин). Моолах (т.е. монгол), Соян (т.е. тувинец), Хазахпай (т.е. русский) и т.д. Имена могли иметь социальное значение: Тазоол (байский пастух), Кнес (родовой староста), Кистим (киштым), Халтар (бергал), Аңцы (охотник), Малчын (скотник), Абахай (княгиня), Пайан (богатая), Идекчін (прислуга) и т.д. Иногда ребёнка называли по месту рождения: Сахсаар — рождённый в горах Сахсаар: Мендөл — рождённый на речке Мендоль: Саим — рождённый на заимке: Хаңаа — родившийся в телеге: Турацах — родившийся в доме и т.д. Детям часто давали имена птиц и животных: Хозан (заяц), Хуча (баран), Пуға (бык), Лачын (сокол), Хусхун (ворон), Хураган (ягнёнок), Торғай (жаворонок), Ыро сарыг (соловей), Алас (дятел), Көөк (кукушка) и т.д. В ряду имён девочек встречаются названия продуктов питания и принадлежностей украшений: Саргай (сарана), Пызылах (сыр), Көче (ячмень), Арба (жареный ячмень), Торгы (шёлк), Ызырга (серёжка), Манит (серебряный рубль), Хурчу (напёрсток), Тана (перламутровая пуговица) и т.д. Для мальчиков выбирали названия предметов мужского пользования: Мылтых (ружьё), Хаңза (трубка), Хыйлаг (курок), Палтыцах (топорик), Хазан (котёл) и т.д. Если ребёнок рождался в праздник (обычно христианский), то его нарекали по этому знаменательному дню. Например: Хайах — родившаяся на Масленицу, Пүрцүк — родившаяся на вербное воскресенье, Позырах — родившийся в воскресенье, Айдолай — родившийся в полнолуние, Арацын — родившийся в новолуние и т.д. Братьям и сёстрам предпочитали давать сходные по звучанию имена: Тайыс, Танча, Табыл: Маңнай, Маңных, Маңнан: Номза (название рыбы), Чылма (название рыбы) и т.д. Среди братьев отмечают: Харатай, Хулатай, Алатай: Астай, Пастай, Пастан: Арба, Чарба и т.д. Если дети не держались, то давали плохие имена: Көтен (задница), Пага (лягушка), Күске (мышь) и т.д. Когда уже больше не желали иметь детей, то новорождённого называли Артик, т.е. лишний.

В связи с христианизацией хакасского населения среди них привились русские имена. Многие из них подверглись местному произношению. Например: Апанис — Афанасий, Аркас — Аркадий, Икен — Иннокентий, Кабрис — Гаврил, Ойсып — Иосиф, Крис — Григорий, Самой — Самуил, Пидос — Федосья, Парбук — Варвара, Ойла — Ольга, Обдо — Евдокия, Илона — Елена и т.д.

Дни рождения стали отмечать под влиянием русских. Об этом говорит хакасское название «менинек» — т.е. (букв. именины). Справляли только мальчикам и то не каждый год. Девочкам дни рождения делали только в том случае, когда дети в семье не держались.

Как только ребёнок делал свои первые самостоятельные шаги, то совершали обряд «разрезания пут» (тузамах кизерге). Бабушка брала нож (если был мальчик) или ножницы (если девочка) и перед ногами малыша на земле чертила крест. Затем троекратно имитировала разрезание верёвочных пут, три раза бросала нож или ножницы между ног и благословляла: «Я разрезаю твои пути! Пусть земля, по которой ты пойдёшь, будет твёрдая, как железо, пусть земля, на которую ты ступишь, будет твёрдая, как медь!». Обычно ребёнка ходить не учили. «Когда созреет, то сам пойдёт», — говорили старики. В редких случаях для этого делали трёхколёсную коляску.

При воспитании детей существовало множество различных суеверных запретов. Ребёнка никогда не ставили на порог, иначе останется малорослым. Нельзя сидеть, опираясь двумя руками о землю (чир чүктенме) — будет печальным. При ходьбе запрещали закладывать руки за спину — будет печальным. Нельзя сидеть, обхватив ноги руками — останется малорослым. При игре нельзя вместо шапки одевать посуду, иначе ребёнок не вырастет. Если на голову оденет две шапки — будет два раза женат. Ребёнка нельзя ставить на стол — вырастет болезненным и капризным. Малыша не кормили из ложки, которой мешали кашу, иначе будет злоязыким. Ребёнку нельзя играть с огнём, с солнечным зайчиком, с тенью и под кроватью, иначе будет мочиться в постель. Следили за тем, чтобы он долго не плакал, а то долго не проживёт. Нельзя целовать подошвы младенцев, иначе мальчик вырастет слабым, а девочка легкомысленной. Не целовали в лоб — будет жадным.

Ночью не называли детей по имени, иначе сглазишь. Малыша нельзя перешагивать — не вырастет и т.д. Если ребёнок хлопал в ладошки, то его руки разводили в стороны, плевали три раза на ладони и сажей чертили крестики. По хакасскому обычаю в ладоши хлопают при плохих вестях, если кто-нибудь умер. Когда замечали, что ребёнок во сне скрипел зубами, то ему на шею вешали шнурок, сплетённый из собачьей шерсти с нанизанным клыком марала. Клык марала имел магическое

свойство избавлять человека от подобного недуга. Для этого малышу давали кусать его зубами. Если ребёнок чихал утром, то говорили: «Чаксы кізінің алнынча, чабал кізінің соонча чөр!» — «Обходи хорошего человека спереди, а плохого сзади!». Хакасы думали, что утром душа возвращается обратно к человеку. Малыша, чихнувшего вечером, заклинали: «Сохыр адай көчиин чалга!» «Лизни зад пёстрой собаки!». В данном случае собака выступала в качестве хранителя души ребёнка, и, как считали, вечером выходила. Если маленький ребёнок зайдёт к кому-либо в дом, то ему обязательно что-нибудь дарили. Нельзя было обижать ни старого, ни малого. Хакасская мудрость гласит: «Кічіг паланың харағы харгацаң, улуг кізінің чазы харгацаң» — «Глаза маленького ребёнка могут наслать проклятие, возраст престарелого человека может наслать проклятие». У детей вырабатывали уважение к взрослым, почитание к природе, к небесным светилам. Мальчикам даже запрещали мочиться лицом в сторону солнца. Детям нельзя было называть взрослых по имени, а только иносказательно, т.е. отец или мать такого-то ребёнка. Запрещалось ходить перед сидящими людьми, громко смеяться в их присутствии и т.д.

Детей хоронили отдельно от взрослых. Если ребёнок умирал до года, т.е. ещё не ходил по земле, то его хоронили на дереве (обычно молодой лиственнице), завёрнутым в бересту или зашитым в войлок. До семи лет (иногда до трёх) дети считались безгрешными и их погребали на отдельном кладбище — «пала сыграды», расположенном недалеко от аала. Поминок не делали. Только на третий день над изголовьем могилы лили молоко.

По хакасским обычаям маленьких детей нельзя было водить на кладбище. Если мать взяла младенца с собой на кладбище во время поминок, то вокруг него клали черёмуховые прутья. Черёмуховая изгородь защищала его от злых духов. Молодая мать, бывшая на поминках, прежде, чем кормить грудью малыша, сначала должна была немного сдоить молока.

К десятилетнему возрасту детей уже приучали к труду. Мальчиков в пять-шесть лет тренировали садиться на лошадь, а в семь-восемь лет они начинали пасти скот. В 13 лет приучали косить сено, а в 15 уже брали с собой на охоту. Девочки в шесть-восемь лет уже мыли посуду, сами заплетали косички, учились вышивать, выделывать шкуры. В 10 лет они уже доили коров. В 13 лет учили гнать араку, делать сырцы (пичірө),

хлеб. В 16-17 лет девушки уже сами шили шубы, платья, обувь. Воспитание детей в основном лежало на женщине. Поэтому хакасская поговорка говорит: «Ипчи кўзін пала алган, ир кўзін тасхыл алган» — «Силу женщины забирают дети, силу мужчины забирает тайга (т.е. охота)».

Итак, рождение и воспитание хакасского ребёнка проходило под эгидой веками выработанных национальных устоев и традиций. Наряду с рациональными приёмами и методами народной медицины и этнопедагогике существовали суеверные запреты, магические заклинания и другие шаманистские воззрения. Особое значение для судьбы человека играли пуповина, послед и «рубашка ребёнка». Хранителем души младенца, наряду с богиней Умай, выступает друг человека — собака. Важные вехи в развитии ребёнка — получение имени, приобретение колыбели, прорезание первых зубов, первые самостоятельные шаги и т.д. отмечались своеобразными ритуалами, имевшими глубокий смысл. Не смотря на многие местные истоки, некоторые обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей, имеют аналогии среди других тюрко-монгольских этносов, что говорит о древних историко-культурных связях хакасов с народами Сибири и Центральной Азии.

§ 2. Свадебные обряды

Согласно обычному праву, хакасы не заключали браки между представителями одного сеока (пір соёк алыспас) или, начиная с XIX в., одной фамилии. Однако разрешалось бракосочетание в близкой степени родства по женской линии. Два брата не женились на двух родных сёстрах. Два брата не имели права делать свадьбы в один год, так же две сестры не выходили замуж в один год. До тех пор, пока старший брат не женится, младшему не разрешалось заводить семью. В противном случае старший брат будет несчастным (сўрнін пасча). Если женился брат, то сестре в этом году выходить замуж запрещалось. Но если сестра вышла замуж сначала, то брат мог делать свадьбу в этом же году.

Родители присматривали девушку из хорошего рода и из многодетной семьи. Часто жених и невеста до свадьбы не видели друг друга. Слова «жених» в хакасском языке нет, говорят «оол» — парень, или «кізѳ» — зять. Для невесты существует

специальный термин «наа пала» — букв. новый ребёнок. Это название связано с тем, что невеста входила в семью жениха на правах нового члена, ибо выделение новой супружеской пары происходило только через несколько лет после свадьбы. По хакасским обычаям сватали только малолетних детей и вдов, а девушек похищали. Сватовство малолетних детей носило название «чахсыдан алысханы» -- брак по-чести или «саблыг той» — свадьба по-чести. Близкие друзья, хорошие соседи или далёкие родственники, когда у одного был мальчик, а у другого девочка, договаривались их сосватать и били по рукам (хол алысханы). Иногда существовал сговор родителей ещё не родившихся детей, который назывался «туох худа» — глухое сватовство. Сговор закреплялся словами: «Соединим детей, если у одного родится дочь, а у другого сын!». Обменяем ездовых лошадей, если у обоих будут мальчики или девочки! Свахи в таком случае друг друга называли «пил худагай» — поясничная сваха, т.к. считалось, что у обоих дети ещё «на пояснице». По обычаю женщине, у которой дети обзавелись семьями, уже запрещалось быть свахой. Даже серьги нельзя одеть матери на свадьбе своего сына, иначе жених будет морально подавленным (чүлүн пасча). Однако при сватовстве малолетних этот запрет ещё не имел силы. Когда дети достигали трех — или пятилетнего возраста, то родители мальчика приезжали с подарками к родителям девочки. Первый приезд сватов обычно бывал летом и назывался «сураг арагазы» -- вино спроса. Привозили семь торсуков вина и семь туш баранов. Сваты, зайдя в юрту, не садились, отец мальчика, кланяясь в ноги хозяину, говорил традиционную формулу: «Мы пришли для того, чтобы раскрыть череп и обменяться мозгами. Мы пришли для того, чтобы вспороть грудь и обменяться сердцами». Если родители девочки были согласны, они обменивались поцелуями и, обменявшись чапшами, выпивали вино. Второй приезд сватов был осенью и носил название «ызыргалыг арага» -- вино с серёжками. Родители мальчика дарили девочке коралловые серёжки, которые одевались ей в уши. С этого времени девочка считалась засватанной. На следующий год весной родители мальчика устраивали угощение «кічіг арага» --- малый пир, или «кічіг уча» --- малое застолье. Сваты приезжали с незначительными подарками и бочонком вина. Отныне с каждым годом количество подарков, вина и мяса должно увеличиваться.

Следующий приезд был осенью и назывался «түктіг уча» — «волосатое» застолье. Кроме вина и мяса привозили в подарок одну овцу живьём, «в волосах». Затем весной приезд сватов называли «чалаас уча» — «голое» застолье. Вместе с вином и подарками доставляли «голую» тушу барана, у которого не отрезали головы и конечностей. Родители мальчика, проявляя большое уважение к свату, на застолье подносили ему отваренную голову барана. С этого времени и до совершеннолетия детей родители мальчика каждый год весной и осенью привозили угощение сватам, которое называли «часхы араға» — весеннее вино и «күскү араға» — осеннее вино. Когда дети достигали 15-17 летнего возраста, родители приезжали весной договариваться о женитьбе сына. Этот приезд носил название «молчаг арагазы» — помолвка и бывал за три года до свадьбы. Следующий приезд осенью именовался «тазынныг уча» — застолье с быком. Тушу быка без трёх конечностей (оставляли только правую переднюю ногу) расчленили по суставам и привозили на санях в подарок родителям девушки. Здесь выбирались специальные люди, которые считали все кости у привезённого быка. Если недосчитывались всех костей, это считали за оскорбление. Потом весной делали угощение «тамкылыг араға» — вино с табаком. Помимо большого количества бочонков вина, родители жениха привозили свату в подарок ornamentированную хакасскую трубку и вышитый кисет с табаком. Осенью угощение носило название «хайахтыг уча» — масляное застолье. К родителям девушки привозили до девяти котлов топлёного масла, столько же кожаных мешков с хакасскими сырцами (пічірө) и столько же мешков сыра (пызылах). Следующий весенний приезд был известен как «талганныг араға» — вино с талканом или «талганныг уча» — застолье с талканом. Родители жениха готовили девять котлов ячменного и черёмухового талкана. Сверху талкан заливали топлёным маслом толщиной в 3-4 пальца (іліг) и замораживали. Мать девушки разрубала замороженный талкан пополам, и все смотрели толщину масла. Если его было меньше толщины двух пальцев, то родители жениха прослывали скупыми. К началу XX в. вместо девяти котлов привозили уже один котёл и восемь маленьких казанков. Большой котёл талкана отец девушки оставлял у себя, остальные посылались в гостинец родственникам и в первую очередь дяде невесты по матери — «тайы».

Затем осенью делалось угощение «пас аттыг арага» — пир в честь получения лошади за голову невесты. Жених приводил коня «пас ат» без седла, но в серебряной уздечке и вручал отцу девушки. Последний дарил парню шёлковый кушак. Окончательное угощение делалось весной в год свадьбы и называлось «улуг арага» — великий пир или «улуг уча» — великое застолье. Сваты приезжали с большим количеством вина и конкретно договаривались о проведении свадьбы. Согласно хакасским традициям, свадьбы справляли летом перед сенокосом, когда трава подрастала на длину одного мухура (расстояние между вытянутым большим и согнутым указательным пальцами) и обязательно на третий или пятый день новолуния.

При сватовстве брака «по-чести» заключительным обрядом был своего рода девичник — «теенджек». За неделю до свадьбы невеста собирала своих подруг, обычно в количестве семи человек. Приглашалось такое же количество парней для ухода за лошадьми девушек. Иногда, в очень богатых семьях, на теенджек собиралось до 30-50 девушек и парней, одетых в лучшие наряды. Невеста и её подруги обязательно одевали шёлковые платья с парчовыми наплечниками, девичьи халаты «сикпен», а на голову — свадебные шапочки. У качинцев такая шапочка называлась «сахпа», у сагайцев — «тагайах». В течение недели вся компания верхом на лошадях объезжала родственников невесты, которые угощали молодёжь и делали подарки для свадьбы. Во время теенджека молодёжь пела и веселилась. Затем эта кавалькада возвращалась в родительский дом, где вечером устраивали девичий праздник — «хыс тойы». Утром от жениха приезжали свахи верхом на украшенных конях, вместе с обозом вина.

Среди них выбиралась главная — «пас худагай», которая обычно являлась старшей невесткой (ниге) жениха. Свахи увозили невесту от родителей на собственную свадьбу — «улуг той». Вместе с ней ехали её родственники и молодёжь, бывшая на теенджеке, кроме родителей. По обычаю родители невесты на свадьбе не присутствовали и до года после этого не имели права навещать свою дочь.

Невеста ехала на свадьбу верхом на своём коне, держась за чембур, а её старшая сестра или старшая невестка (ниге) вела лошадь на поводу. Лицо девушки до конца свадьбы закрывалась платком. За ней тянули обоз, нагруженный выделенным

имуществом (ис), включившим в себя до девяти сундуков с уварью, одеждами, постельными принадлежностями. Всё снаряжение для невесты готовила её мать. Свекровь ничего не выделяла. При браке по чести калым не платился, т.к. окупался указанными подарками и угощениями за многие годы. Это было под силу только байским фамилиям. Основной же формой брака являлось похищение девушки с дальнейшей уплатой калыма. Обычно влюблённые сами договаривались о дне и времени карамчения девушки.

Наутро, после похищения девушки, посылали нарочного к её родителям, который, не слезая с лошади, объявлял, где находится «потеря». Отец будущей невесты собирал отряд в 20-30 человек и отправлялся в погоню «сүргүн». Навстречу им выходили родители жениха с вином в руках и, кланяясь, говорили: «Мы виноваты, так как совершили кражу. Теперь дитё наше, а голова ваша». Суд находился в руках участников сургуна. Отец девушки требовал привести к нему дочь. Группа женщин вводила её в женскую половину юрты и, заслонив собою, подучивала, как отвечать. Если девушка была не согласна, то участники погони «сүргүн» увозили её обратно домой. За бесчестье платили штраф 25 рублей. Если дочь подтверждала, что пришла сюда по доброй воле и согласна выйти замуж, то в таком случае приехавшие садились за стол. Затем начинали разговор о калыме. По обычаю цену за девушку назначал её отец. Калым платили сразу. Глава дома клал требуемые деньги на блюдо, застеленное белым платком. Отец невесты заворачивал деньги в этот платок и отдавал кому-нибудь из членов сургуна подсчитать. Если калым был недостаточным, то по уговору остальные деньги привозили на мировую. У кызыльцев калым платился скотом. Самый бедный давал 3 крупных скотины, а середняк до 9 голов. Полученный калым отец невесты обычно распределял между своими сыновьями и братьями. Все, кто имел отношение к калыму, обязаны были, в свою очередь, участвовать в наделении невесты приданым — «инчі», которое выделяли ей осенью, года через два-три после свадьбы. Приданое по обычаю должно быть немного меньше калыма. Как говорили: «Хыстың үлүзі хысха». — «Доля дочери короткая». Вместе с калымом отец жениха обязан был подарить лучшего коня за девушку, который назывался «пас ат». Баи выставляли два или три «пас ата». Приезжие куражились и требовали лошадей

определенной масти. Полученный «пас ат» отец невесты мог подарить своему брату, зятю и даже крестному отцу дочери. В свою очередь, когда невеста приезжала за приданым, она от них получала «изер ат» — лошадь во всём убранстве. Когда, наконец, дела с калымом и «пас ат'ом» были улажены, участники погони сургун требовали от жениха штраф «ат чобаа» — «за пот лошадей» в размере 25 рублей. Эти деньги делились между всеми участниками сургуна.

На следующий день после привоза молодой сагайцы и кызыльцы сразу устраивали праздник по случаю заплетения волос «сас тойы» или «кичіг той» — малый праздник. Здесь совершался обряд расплетания девичьих косичек и заплетания волос в две косы. У качинцев этот обряд выполнялся на собственной свадьбе «улуғ той» — большой праздник. На празднике «сас тойы» обряд расплетания косичек возглавляла жена старшего брата (ниге) жениха, или его старшая сестра (пиче), или жена дяди по матери(көйі). Она получала специальное название «пазыртхан идже» — посаженная мать (букв.мать, поклоняюща́я невесту) и отвечала за все основные ритуалы, связанные с невестой. Она одевала такой же костюм, как и сваха.

С северной стороны юрты родителей из трёх берёзовых жердей, крытых корой, устанавливали свадебный шалаш — «алачых» с дверью на восток. Невеста во время всего праздника «сас тойы» обязана была находиться в этом свадебном шалаше. Здесь же ей распускали волосы и заплетали две косы. Пазыртхан идже находилась у правого плеча, а её свояченица (абызын) — у левого. После того, как невесте заплели косы, приносили отваренную правую переднюю голень — «чода» забитого на свадьбу скота. Тонкий конец этой кости обматывали белым платком. Посаженная мать, держа в руке мосол за обмотанную часть, проводила им три раза по волосам невесты и олагословляла: «Пусть волосы будут длиннее колена, пусть косы будут толще этой голени!». Затем она загадывала: «Оңар ба, тискер бе?» — «Удача или невезение?». Молодые люди кричали: «Тискер!» — «Невезение!» (по поверью, у того, кто благословлял, до 40 лет всё наоборот). Пожилые говорили: «Оңар» — «Удача!». Все присутствующие желали молодожёнам удачной супружеской жизни.

После этого посаженная мать бросала мосол из дверей шалаша в гущу толпы поджидавших молодых парней (у качинцев его бросали на главной свадьбе из новой юрты). Начиналась спортив-

ная борьба за овладение брошенной голени «чода». Кто побеждал в этой схватке, тот, как считалось, счастливо женится. Победитель подходил к какому-нибудь старику и говоря: «Поешь сала!», — засовывал эту кость ему сзади за кушак.

На праздник «сас тойы» резали только овец. Свинину здесь запрещалось употреблять. Огонь в кострах зажигали только от огнива и спичками не пользовались.

Закончив праздник «сас тойы», готовились к мировой «чарас». Через неделю родители жениха с двумя-тремя бочонками айранного вина отправлялись к сватам.

Первая называлась «кiчiг чарас» — малая мировая. На неё приезжали только одни мужчины, которых частенько встречали кнутом. Здесь платили недостающий калым. Следующий приезд носил название «улуф чарас» — большая мировая. На ней окончательно решали вопрос о проведении свадьбы, о сроках приезда невесты на праздник «тöргiн» к родителям, о числе гостинцев для родственников и т.д. Когда приезжали в дом родителей невесты, то отец жениха, держа бочонки с вином под мышкой, кланялся в ноги свату и произносил: «Если скажешь «выйди» — буду твоим верным псом, если положишь в огонь — буду твоей головнёй, если войдёшь в воду — буду твоей опорой, если поднимешься в гору — буду твоим посохом, если скажешь «войди в дом» — буду твоей роднёй!». Если приехавшие на мировую сумели пройти на почётную сторону юрты (төр), то, согласно обычаю, с ними уже не ругались. Ночевать у сватов не разрешалось. Если приезжали издалека, то шли ночевать к соседям. Всё привезённое вино (чарас арагазы) на мировой пить не полагалось. Часть оставляли нетронутой и возвращали домой.

Примерно через месяц или полмесяца после похищения невесты как только провели мировую, делали свадьбу «улуф той» — большой праздник.

На свадьбе совершали ритуал поклонения луне и солнцу — «айга-күнге пазыртханы». У кызыльцев и сагайцев (за исключением подтаёжных жителей) этот обряд делали на празднике «сас тойы». После заплетания волос невесте одевали свадебную шапочку «сахпа» задом наперёд, косы прятали под воротом платья, а лицо закрывали платком способом «тумах», т.е. оставляя открытыми только глаза. Пазыртхан идже накрывала молодую суконным халатом и выводила за собой из помеще-

ния. Чтобы слепо идущая невеста не оступилась, их поддерживала третья женщина. Перед юртой они делали три круга по движению солнца и поклонялись сначала на восток, потом на юг и затем на запад три раза. В этот момент почётный старец, находившийся с южной стороны от юрты, благословлял:

«Пусть сверкает под солнцем твой дом с серебряными воротами!
Пусть живет до седины твоё дитё, поклоняемое солнцу!
Пусть сверкает под луной твой дом с золотыми воротами!
Пусть живёт до белых седины твоё дитё, поклоняемое луне!»

Кызыльцы обычно стелили белую кошму, на которую ставили вместе с невестой и жениха. Посаженная мать накрывала их белым платком и три раза также поворачивала по солнцу. Затем белый платок с головы молодых хватили холостые парни. Обычно должен успеть схватить тот, кто скоро будет делать свадьбу. Ритуал поклонения луне и солнцу был своего рода венчание и присягой на верность в супружестве перед высшими светилами. Этот ритуал совершали только для тех, кто женился в первый раз и в редких случаях при повторном браке. У баев, имевших иногда до трёх жён, третью жену уже не поклоняли луне и солнцу.

Следующим ритуалом было поклонение домашнему очагу — «отха пазыртханы». Невесту садили на белую кошму у очага со стороны дверей или с северной, женской, стороны юрты. В голове огня, с почётной стороны находилась мать жениха. Она держала в руках три берёзовых шампура, на каждом из которых были насажены по три кусочка сала и по три флажка «чалама» из белой и красной ленточек. Если женился единственный сын, то невесту обводили вокруг очага три раза по солнцу. Если у жениха были ещё братья, то девушку сразу садили к очагу. Во время поклонения огню свекровь бросала в огонь берёзовые шампуры с салом, а два почётных старца, сидящих с мужской стороны и не вдовых, читали благословение:

«Пусть перед очагом находится колыбель! Пусть за очагом будут дрова! Живи до тех пор, пока твои белые зубы не пожелтеют, и чёрная голова не побелеет!».

Вечером устраивали пиршество, которое называли «харагы уча» — ночное застолье. Под словом «уча» понимается круг пирующих людей, в центре которого стоял большой казан. Для казана в земле выкапывали очаг — «чооха». Если молодым де-

лалась свадьба в первый раз, то очаг «чооха» выкапывался крестом. Если парень женился уже второй раз, то очаг «чооха» вырывали полукрестом. Огонь в свадебном очаге «чооха» зажигали только от серебряного огнива. С южной стороны юрты делали мужское застолье — «иреннер учазы», а с северной — женское — «ипчілер учазы». Люди садились на постеленную кошму, а вместо скатерти расстилали бересту. Поварами — «хазанчы» были только мужчины. Разделявать забитый скот надо было обязательно по суставам. Ломать кости запрещалось. На свадьбу «улуг той» обычно на мясо забивали три скотины — коня, корову и овцу. Баи резали пять, семь или даже девять голов крупного скота (необходимо было нечётное число). Перед тем, как начать застолье, совершали ритуал «оор пус». Специальные куски горячего мяса с идущим от них паром поднимали несколько раз на блюде вверх для духов местности. Затем их бросали в огонь. На застолье выставляли три казана, наполненных айранным вином, самогоном и водкой. Вино разливали по чашам специальные виночерпии. Молодёжь не присутствует на общем застолье, и для них готовят угощение в юрте. Вечером парни и девушки устраивали гулянье «оол ойыны» — мужской хоровод. Все вставали в круг и, взявшись за плечи и покачиваясь из стороны в сторону, пели песни. Невесту выводила на хоровод пазыртхан идже, но петь песни ей здесь запрещалось.

На следующий день делали утреннее застолье — «иртенгі уча». На нём молодожёнам дарили деньги и делали подарки. Начинали с того, что молодые поклонившись огню, подходили к родителям жениха и кланялись в ноги. Держа в руках деревянное блюдо с мясом, они просили: «Мы пришли просить пёстрого коня, чтобы ездить в гости. Мы пришли просить белую корову, чтобы из её молока делать айран. Мы пришли, чтобы просить посуду для продуктов. У нас нет курицы, которая бы кудахтала. У нас нет собаки, которая бы лаяла». Родители брали с блюдо мясо, а вместо него клали деньги. Остальные родственники или клали деньги на блюдо, или называли дарённый скот (лошадь или корову). Затем дядя жениха и близкие родственники по очереди приглашали всех участников свадьбы к себе домой. Такой обычай назывался «уча көдір» — поднятие застолья.

Последний, третий день свадьбы носил название «тун той» — праздник начала семейной жизни. На нём оставались только

старики и старухи, которые доедали остатки мяса (той толарсыгы). Здесь разрешалось присутствовать вдовцам и вдовам. Раньше этого времени их на свадьбу не пускали. Вдовам запрещалось одевать наряд свахи и носить серьги. В этот день совершали обряд введения невесты в «большой дом» свекра — «улуғ ибге кирерге». Закутанную в два платка молодую проводили по женской половине к очагу родительской юрты. Здесь её опять посажённая мать поклоняла огню. Затем невеста кланялась в ноги свекру и подавала ему через третьи руки бокал вина. Отец жениха выпивал вино и садился за свой стол, стоящий на почетном месте перед очагом. Невесту садили за маленький столик, находившийся на женской половине. Сюда же приглашался жених. Их впервые садили вместе. На столе ставились две тарелки, куда крошились шашлык из печени лошади и поджаренная жирная колбаса (чочьх). Последнее блюдо готовили в первый день свадьбы и держали до третьего дня за стропилами юрты. Молодым делали вилки из деревянных рогулек, и они каждый из своей тарелки угощали друг друга три раза. В этот момент один из стариков благословлял: «Будьте примиримы друг другу, как рога коровы, будьте неразлучны, как уши лошади!». Затем жених из своей тарелки угощал мужчин, а невеста — женщин. Их опять благословляли. «Будьте хлебосольными, будьте богатыми, будьте добрыми!». Заканчивался этот обряд церемонией открытия лица и показа новых кос (тулуң сыгар). Женщины убирали с головы невесты свадебную шапочку «сахпа», вытаскивали на грудь спрятанные под воротом платья косы, снимали платок и подвязывали его похакасски.

В этот день вручали подарок «нандыт» или «чооча» посаженным родителям за их работу. Как уже выше указывалось, ими обчно были дядя по матери и его жена. Пазыртхан идже получала «чоочу», состоявшую из вина и передней части туши крупного скота. Кроме того, ей дарили платок или платье. Посаженному отцу — «пазыртхан паба» дарили «нандыт» в виде задней части туши крупного скота, которую он должен был поднять. У сагайцев и кызыльцев этот подарок носил название «парға» или «марға» и делался в первый день собственно свадьбы. Грудинка крупного скота называлась «кічіг парға» — малая парға и её предлагали поднять старшей сестре или любой старшей родственнице из рода жениха. Задняя часть туши крупного скота (улуғ парға) дарилась дяде по матери (тайы) или старшему зятю (чисте) жениха. Кто был назначен поднять

«паргу», тот заранее готовил трёхведёрный бочонок вина для свадьбы. Полусырое мясо клали в большую кадку. Дядя по матери или старший зять обязаны были поднять паргу двумя руками. Но им всячески мешали. Натирали салом лицо, запихивали в рот куски жира.

Поднявший паргу произносил: «Мы ещё будем поднимать вашу паргу, мы ещё придём на ваши свадьбы, мы ещё возьмём ваших девушек!». Паргу везли к себе домой и делали угощение в своём аале (этот обряд закреплял право на кузенные браки среди хакасов).

Сагайцы и кызыльцы на второй день после свадьбы везли молодую в гости к её родителям (хыс ааллат). Качинцы делали это только через три месяца, обычно после сенокоса, на новолуние или полнолуние. Последний этап свадьбы носил название «тöргiн». У сагайцев на торгин ехали все, кто был на свадьбе, а у качинцев 3-4 супружеских пары. Среди них обязательно посаженные отец и мать, главная сваха (пас-худагай) и её муж (пас-худа). На торгин обязательно везли девять бочонков вина, которые выставлялись на обозрение во дворе усадьбы сватов. С последней стороны выбирались специальные люди, которые считали фляги и проверяли их полноту. Если не хватало количества вина, то это считалось за оскорбление. Свадебный поезд на дороге поджидали на конях молодые парни. Двое верховых перегораживали жердью путь и не пропускали процессию. Необходим был откуп в виде бочонка вина. Молодёжь хватала подвязанный белым платком бочонок с вином, называвшийся «пас ат торсыгы» — фляга «пас ата» и пропускала свадебный поезд под поднятой жердью. Сначала вся процессия объезжала аал сватов три раза по движению солнца. Затем подъезжала к воротам, где её долго не пропускали. Чтобы успокоить родственников молодой, через ограду бросали один торсук вина «идіс ахсы» — початие. Наконец, выходили навстречу семь девушек и, подвязав шелковые платки за поводья лошадей, заводили приехавших в ограду. Сначала должен был сойти с лошади муж главной свахи. Зять привозил с собой подарок «чэсчэ» — целую тушу овцы со снятой шкурой, но с головой и двумя конечностями (правая передняя и левая задняя не отрезались). Он ехал на торгин, сидя верхом на лошади и с навьюченным на спине грузом. Когда он заходил в юрту тестя, то под мышкой держал бочонок вина, а за спиной — тушу барана. Сначала над

новым зятем вершили суд — «чаргы». Дядя по матери невесты или её старший зять нагайгой (тохпах хамчы) три раза стегали по спине стоящего перед ними на коленях жениха. После каждого удара бьющий благословлял «Бью крученым кнутом, чтобы стали мы вечными родственниками! Бью витой нагайкой, чтобы стали мы крепкими родственниками! Бью длинным бичом, чтобы стали мы нераздельными родственниками! Уважай старших и почитай молодых!» В это время старшая невестка (ниге) или старшая сестра стегала берёзовым прутиком по пояснице девушку и приговаривала: «Пусть не бьётся у тебя по суда, пусть хорошо готовится у тебя пища!».

Затем молодых поклоняли родителям невесты. Они становились на колени и, опустив головы вниз, держали в вытянутых руках по две чаши с вином. До тех пор, пока родитель не примет правую чашу и не поднимет рукой голову жениха, они не имели права вставать. Так они кланялись всем сидящим за столом братьям отца невесты. После этого невесту садили на почётное место, а жениха выводили во двор посмотреть его силу. Предлагалось с трёх ударов разрубить чурку. Если зять не расколот её пополам, это считалось за позор и плохой признак. Однако сторона жениха хитрила и считала достаточным отрубить с края чурбана щепку.

Отцу молодой привозили в подарок «пас ат хаңзазы» — орнаментированную трубку и вышитый кисет в придачу. Все участники торгина совместно раскуривали эту трубку. Матери молодой от имени зятя дарили «имчек агы» — подарок за материнское молоко, состоявший из платья или платка и 25—100 рублей деньгами. На севере Хакасии обычно приводили дойную корову. У кызыльцев подарки, привозимые на торгин, назывались «пазыртыг» — поклонение. От имени зятя дарили тестю и его братьям одежду, платки, платья или дорогие материи. Кто получал подарок «пазыртыг», затем обязан был принять участие в наделении приданого для молодой.

На торгин приезжали под вечер. Следующим утром девушка, сопровождавшая молодую, варила тушу барана «чооча», и все родственники собирались на это мясо. Голова торжественно вручалась свату. В это время отец молодой называл выделяемое ей приданое. Затем дядя невесты по очереди приглашали к себе всех пирующих. Молодые к каждому из них заходили с бочонком вина. Последние обязаны были принять участие в выделении приданого и во время застолья называли будущие по-

дарки. Кто выделял скот в приданое невесте, тот в дальнейшем от родителей жениха получал в награду одежду или платье (кип кизірт). Молодая и все приехавшие на торгін должны были находиться здесь не больше, но и не меньше трёх дней. На третий день приехавшие сваты возвращались назад. Молодой давали подарок «нандыт» или «чооча» — одну флягу вина, один мешок гостинцев и заднюю часть туши барана. По обычаю, от курдюка подаренной части туши обрезали кончик, дабы из родительского дома не ушло счастье (ырыс). Молодые, вернувшись в свой новый дом утром, на привезённый подарок (чооча или нандыт) делали угощение для своей родни. На этом свадебные обряды заканчивались.

Итак, свадебная обрядность хакасов, несмотря на некоторые локальные варианты, в целом была одинакова для всех этнических групп. В общем, свадебный комплекс сводился к следующим этапам: сватовство малолетних — «саблыг той» или похищение девушки — «тутхын» и приезд погони — «сүргүн», затем малый праздник — «кичіг той», мировая — «чарас», собственно свадьба — «улуг той» и праздник по случаю приезда невесты в гости к своим родителям — «төргін». В свадебных обрядах хакасов отразились пережитки различных исторических эпох, социальных норм и религиозных верований, раскрываются мировоззрение и многогранность традиционной культуры народа. Многие элементы хакасской свадебной обрядности являлись общими для народов Южной Сибири, что говорит об их древних этно-культурных связях.

До настоящего времени сохраняются основные элементы свадебного комплекса (праздник волос — «сас тойы», поклонение невесты луне и солнцу, ритуальная пища «поджа потхы», бросание голени «чода», суд над женихом и т.д.). Молодые на свадьбу шьют себе национальные костюмы из одной материи. Сохраняются ещё нарядные одежды свахи. Однако невесте уже не шьётся свадебный головной убор «сахпа». В связи с тем, что современные девушки не носят косичек, то на свадьбе производится имитация заплетания волос в две косы. Ушло в прошлое погоня — «сүргүн», уплата калыма и «пас ата», дарение «парги», полностью исчез обычай сватовства малолетних. Поездка к родителям «төргін» везде стала делаться по-сагайски, сразу же после большого тоя. В целом свадебные обряды упростились, и весь комплекс не выполняется.

§ 3. Погребально-поминальные ритуалы

Согласно хакасским поверьям, в момент смерти человека душа — «тын» (букв.дыхание) отрывается и, превратившись в птицу, улетает в сторону заката солнца, где находится страна мёртвых (үзүт чирі). Место разрыва души — «тын» считается аорта, проходящая у сердца.

Покойного одевали в самую лучшую одежду, специально приготовленную для похорон. На покойника нельзя было надевать совершенно новый, не ношенный костюм, т.к. он якобы «не пристанет к телу». Если знали о приближении смерти, а у умирающего не было хорошей одежды, то спешили пошить новую и одеть её хотя бы раз, прежде чем он скончается. Летом обряжали в летнюю, а зимой в зимнюю одежду. Рубашку и платье одевали на выворот, а шубу — внутренней полкой (ичөр) наверх.

Одежда покойника обязательно разрезалась. В противном случае умершего не примут в страну мёртвых. Обряд разрезания одежды в хакасском языке имел специальный термин «көндө». Обычно совершали обряд «көндө» сразу же, когда одевали покойного. Сначала надрезали носки обуви, затем поясную часть брюк (причём пояс снимался) и кончали разрезом воротника, говоря: «Кибің ал» — «Возьми свою одежду».

Одетый покойник до тех пор, пока не был готов гроб, лежал на белом войлоке с почётной стороны юрты. Умершую женщину помещали с северной (женской) стороны головой на юг, т.е. поперёк дверей, а мужчину с южной (мужской) стороны головой на запад, т.е. по движению от дверей к изголовью кровати. Они были направлены к стороне юрты — «пас параан», где с XIX в. уже устанавливались иконы. В срубном доме эта традиция сохранялась. Умершую женщину клали на почётном месте поперёк пола, но вдоль матицы, а мужчину вдоль пола, ногами к дверям.

Гроб (хомды) изготавливали коллективно, не допуская участия близких покойного. В степной части Хакасии материалом для его изготовления служил тополь, а в подтаёжных местах лиственница и сосна. Срубленное дерево привозили к дому. На месте рубки дров его раскалывали пополам и выдалбливали сердцевину. Поэтому во время причитания по умершему говорили: «Ты стал сердцевинной твёрдого дерева!» Стружки от гроба тщательно подметали и сжигали. Наступать на них нельзя, иначе человек мог заболеть. Баи делали гробы из двух составных сундуков.

В гроб клали разрезанный вдоль войлок супружеского ложа. Причём женщине уделялась задняя половина (олбы кисти), а мужчине лицевая часть (олбы алны), обшитая разноцветным сукном. Под голову умершей женщине подкладывали разрезанную пополам женскую подушку (азах частых), а мужчине — мужскую (пас частых). Причитая над скончавшимся одним из супругов, в данном случае восклицали: «Супружеское ложе разделилось». Под подушку клали белую шерсть, говоря: «Пусть белый подарок осветит твой дом!». Снимали занавес над супружеской постелью и разрезали его пополам. Северной стороной занавеса покрывали умершую женщину, а южной — мужчину. Одинокий (вдовый) человек уже не имел права держать этот занавес над своей постелью. Если мужчина после смерти первой жены женился второй раз, то последняя обязана была принести новые постельные принадлежности. Первый брак воспринимается хакасами как божье предопределение (худай хоных). Поэтому, согласно народному представлению, супруги первого брака обязательно встретятся на том свете, и их постельные принадлежности соединятся.

Хакасы хоронили останки на возвышенных местах, вдали от пашен и покосов. Могилу копали неглубоко (за исключением кызыльцев), обычно глубиной по колено, а в подтаёжной части по поясницу. Копать начинали в день похорон, утром. Близким родственникам запрещалось участвовать в этой работе. Перед тем, как копать могилу, пожилой мужчина кропил вокруг вином, клал на землю белую шерсть и затем лопатой вонзал её в грунт со словами: «О, земля! Дай ему своё ложе!». Грунт первого штыка лопаты откладывали в сторону. Он носил название «күн тобырганы» (солнечная почва) — им будут посыпать крышку гроба. После окончания работы на дно могилы кладут белую шерсть и обращаясь к земле, говорят: «Афын ал!» — «Возьми свой белый подарок!». Ограду на могиле никогда не делали, иначе умершему ежегодно придётся платить выкуп за землю и, во-вторых, его душа — «сүне» не сможет прийти на поминки.

Покойного из дома выносили в полудённое время, когда солнце повернёт на запад. В начале XIX в., когда хакасы жили ещё в войлочных юртах, для этого разбирали решётку стены. А в деревянных юртах подкапывали основание. Особенно этот обычай соблюдался в том случае, когда скончались родители, а

в живых остались маленькие дети. В конце XIX в. умерших выносили только через двери вперёд ногами.

После выноса трупа пол юрты подметали и помещение окуривали богородской травой. Дверь юрты три раза открывали и закрывали, говоря: «Пойдем, дома никого нет». На то место, где лежал гроб с покойником, клали круглый чёрный камень «хара тас», принесённый с берега речки. Двери юрты плотно закрывали, и в этот момент одна из старушек, положив камень «хара тас», заклинала: «Если сюда вернётся дьявол, съевший тебя, то пусть грызёт этот камень! Пусть больше не будет в этом доме покойников, лучше пусть будет лежать камень «хара тас!» Пусть он займёт твоё место!» Камень «хара тас» находился в юрте до седьмого дня (у кызыльцев до 40 дня). Душа умершего человека якобы с удивлением отмечала: «Моего существа здесь нет, а лежит только чёрный камень». На седьмой день вечером камень «хара тас» относили на могилу или выбрасывали за околицу в сторону кладбища со словами: «Возьми свой чёрный камень «хара тас!» Пусть уйдёт из дома вместе с ним чёрная душа «харазы». Место, где он лежал, окуривали богородской травой.

Гроб с покойным устанавливали на телегу (летом), на сани (зимой). Транспорт ставили поперёк дверей. Во дворе, как только вынесли из дома умершего, совершали обряд «хурайлааны» — т.е. магическое ограждение от умершего. Смысл его заключался в том, чтобы уходящий в тот мир не взял с собой души живых людей, особенно детей. Вдовая женщина (замужним нельзя) наливала молоко в деревянную чашечку, закрывала её белой материей, держа её в руке, обходила три раза вокруг телеги с гробом со словами: «Хурай, хурай! (т.е. помилуй и спаси!). Не оглядывайся назад. Пусть твоё счастье останется дома! Пусть твои дети останутся здоровыми». Шествие своё она начинала с запада на восток против движения солнца (тискер). Бельтыры умершего мужчину обходили по движению солнца, а женщину — наоборот. Со стороны восхода солнца вдовая женщина, совершавшая обряд, останавливалась и спрашивала: «Оңар ба, тискер бе?» — т.е. радость или печаль? Все присутствующие мужчины восклицали: «Тискер, тискер», т.е. печаль и горе. В некоторых местах гроб не обходили, а только над умершим три раза против часовой стрелки обводили чашечкой с молоком. Затем это молоко давали пригубить всей

семье покойного или закрытым ставили на его стол. Чашечка с молоком стояла там три дня. Потом молоко давали съесть собаке или выливали в очаг, причём наклоняли чашечку правой рукой сначала влево, затем вправо и кончали наклоном влево.

Иногда вместо чашечки с молоком применяли белый платок. Вдовая старушка, махая им, обходила также три раза гроб. После этого завязывала на нём три узелка и отдавала хозяину дома со словами: «Пусть не покинет душа своего живого хозяина!»

Гроб закрывали крышкой и привязывали арканом к телеге. В древние времена его везли на волокуше. В телегу запрягали оседланную лошадь, на которую садился верхом пожилой вдовый мужчина. Причём лошадь, после выполнения такой тяжёлой обязанности, распрягали и, обкуриив богородской травой, отпускали отдыхать на весь год. Извозчик в награду получал шкуру забитого на похороны скота — «тёоги».

На кладбище доставленный гроб с покойным сначала клали сбоку от могилы, причём мужчину с южной стороны головой на запад, а женщину с северной. Могилы были расположены с запада на восток. Перед тем, как опустить гроб в могилу, с западной стороны разводили поминальный костёр, где сжигали чашку еды для покойного. До тех пор, пока умерший находился дома, пищу ему не жгли и вином не кропили. Покойного хоронили головой на запад, куда якобы уходили души умерших. Как только начинали зарывать могилу, то женщины сразу возвращались домой. В XIX в. хакаски на похороны совсем не ходили. Участники похорон, идущие на кладбище, обязательно подпоясывались тёмным кушаком и втыкали в головной убор или в полу одежды иголку вперёд остриём. Если на похоронах побывала мать, имеющая грудного ребёнка, то ей обязательно надо сдоить первое молоко, иначе дитя заболит. Она обводила щипцами с горящим угольком из очага три раза вокруг груди, а затем сдаивала на него по очереди три раза правую и левую грудь, и только после этого приступала к кормлению ребёнка.

В сторону могил нельзя показывать пальцем. Если всё же это случилось, то надо было все десять пальцев прикусить зубами и произнести: «Из моей руки течёт кровь». Такая магическая фраза должна спасти от неминуемой смерти. Вместе с тем хакасы считали кладбище чистым местом, а заброшенные жи-

лица — обителью чертей. «Лучше переночевать на кладбище, чем в заброшенном доме», — говорят в народе.

Могилы никогда более не обновлялись, т.к. к ним запрещалось прикасаться. Среди подтаёжного населения Хакасии вплоть до начала XIX в. был распространён воздушный способ захоронения — «пурханға сыгарганы», т.е. букв. поднятие к бурхану. На дереве делали настил «тастах», куда помещали гроб с телом или завёрнутый в бересту труп. В степной местности таким образом хоронили только шаманов. На вершинах гор устанавливали деревянный помост «сартах» на четырёх столбах. На него водружали деревянный саркофаг «чайан», куда помещали умершего шамана. «Шаманов же хоронят не на кладбище, а в тайге, на самой вершине высокой горы, сначала ставят четыре столба с перекладинами, на них накладывают жерди, на жерди хворост и, наконец, самого шамана во всём шаманском облачении с бубном и прочими его атрибутами», — отмечал И. Каратанов. Однако к концу XIX в. шаманов стали хоронить на общих кладбищах. На сороковой день одежду, бубен и колотушку шамана разрезали и вешали невдалеке от могилы на дерево.

Хакасы в течение года совершали шесть поминок «кирек». «По существу поминки не имеют никакого другого смысла, кроме того, что живые приносят угощения, кормят, поят покойника и удовлетворяют своей потребности быть в общении с человеком, который ещё недавно жил среди них» — верно отмечал хакасский учёный С.Д. Мойнагашев. Возникновение дней поминок хакасы связывают с почитаемой птицей фламинго (хысхылых), одна из супружеской пары, которых, согласно мифам, прилетала на место гибели своего спутника в эти дни.

Первые поминки делались на третий день после смерти. Участвовали в них только пожилые. Обычно на этот день пищу жгли (тамах өртирге) только в юрте. На кладбищу не выходили. Если же человека хоронили на третьи сутки, то в таком случае дела совмещали и поминальный костер по всем правилам делали у могилы. На севере Хакасии впервые жгли пищу на седьмой или девятый день. Качинцы кормили душу — «сүне» сжиганием трёх чашек с пищей после обеда, а сагайцы по чашке три раза в день — утром, в обед и вечером во время застолья. Кызыльцы кормят покойного во время поминок дома не днём, а ночью. Вечером на закате солнца сжигали в очаге одну чаш-

ку с едой, в полночь — вторую и накануне рассвета — третью чашку. Как правило, пищу из первой чашки бросала вдова умершего, из второй — его сестра, а из третьей — близкая пожилая родственница по мужской линии, т.е. из рода покойного. Жгли пищу только пожилые женщины. Умершему мужчине её кладут в огонь правой рукой, а женщине — левой. Сжигаемая пища — «чидімніг тамах» должна быть жирной и в основном состояла из талкана, масла и мяса. Её никогда не солят. Свинину и рыбу употреблять нельзя, иначе душа — «сүне» будет брезговать. Сжигаемая пища даёт своеобразный запах — «хуюх», которым якобы насыщается душа умершего человека. Прежде, чем приступить к обряду кормления, сначала бросали три кусочка жира в очаг для богини огня — «От инезі». При кормлении умершей женщины жгли продукты с северной (женской) стороны очага, а мужчины — с южной (мужской). Из каждой чашки в огонь бросали по три горсти. Первую горсть из первой чашки брали справа и сыпали в огонь, наклоняя руку тыльной стороной вверх (оңар). В этот момент молчали, ибо такой наклон руки принят в общении с живыми людьми. Смысл его заключается в том, чтобы счастье не ушло в потусторонний мир. Вторую горсть брали слева и клали пищу, наклоняя руку тыльной стороной вниз (тискер). При таком положении руки приговаривали: «Не голодай и не жаждай! Ты ушёл в другой мир и больше не вернёшься». Третью горсть брали с противоположной стороны чашки и опускали пищу, опять наклоняя тыльную сторону руки вверх (оңар). Из второй чашки горсть с едой бросали, сначала наклоняя руку тыльной стороной вниз (тискер), затем вверх (оңар) и в конце опять вниз (тискер). Пища из третьей чашки сжигалась так же, как из первой.

Каждый раз, бросая горсть с едой в огонь, небольшую часть пищи оставляли под большим пальцем. Этот остаток — «хасхах» (саг.), «үлчей» (кач.) складывали обратно в чашку и угощали пожилых родственников со словами: «Доля человеческой пищи должна остаться в этом мире! Нельзя всё отдавать умершим».

Во время кормления души — «сүне» всех детей из юрты уводили, двери открывали и соблюдали полнейшую тишину. Душа якобы ходила между людьми, подобрав подол своей одежды. Если она нечаянно кого-либо заденет своим подолом, то человек упадёт в обморок.

По хакасскому обычаю на поминки обязательно приглашался сказитель-хайджи, который под аккомпанемент чатхана исполняет героическое сказание всю ночь. Душа — «сүне» любит слушать горловое пение. Она якобы садится на другой конец чатхана, начинает подыгрывать и притягивает к себе голос хайджи. В такой момент сказитель теряет хай, т.е. горловое пение. Чтобы этого не произошло, хайджи у себя под горлом и на чатхане чертил угольком крестик. За исполнение героических произведений во время поминок на сороковой день дарили в подарок что-либо из одежды умершего.

Вторые поминки совершают на седьмой день. Северные хакасы (кызыльцы и качинцы долины Июсов) для умерших женщин делают поминки на седьмой день, а для мужчин на девятый. Вечером шестого дня в юрте семьи умершего собирались родственники и соседи со своими продуктами и вином. Приходить с пустыми руками нельзя. Принесённую провизию складывали на столе для покойного. Во время поминок за руку не здоровались, а кивали головой. За столом вилками не ели, а только ложками и руками. В дни поминок нельзя колоть дрова или мастерить, т.к. этим причиняется боль телу умершего. Ночью запрещалось спать, иначе душа «сүне» может повредить здоровью.

Утром седьмого дня все отправлялись на кладбище. Перед выходом обязательно открывали непечатую посуду с вином и три раза брызгали в очаг. На кладбище в изголовье могилы раскладывали поминальный костёр. Дрова для него специально привозили из дома. На костре жгли пищу описанным способом, говоря: «Ты стал кормиться только таким способом. Не давай хватать пищу злым силам. Мы о тебе думаем, но ты о нас не думай. Прими нашу пищу!» На край костра лили вино, попеременно наклоняя стакан сначала вправо (если держали правой рукой), обращаясь к покойному: «Ты теперь только таким образом пьёшь», — затем влево и опять вправо. Остаток «сардых» с добавленной сверху порцией араки давали выпить стоящему рядом.

Детям, умершим до трёх лет, поминки не справлялись. Только на седьмой день приходили на детское кладбище и лили молоко в изголовье могилы. Начиная с трёх лет ребёнку уже жгли пищу, но поминки отмечали только до 40 дня.

Качинцы долины Июсов на седьмой день (для мужчин на девятый) совершали обряд «ибіріг» — магический обход могилы. Иногда здесь на седьмой день делали один обход могилы, следующий на 40 день и последний — на годовщину. Таким образом, полный трёхразовый обход совершался за год времени. Во всех других местах Хакасии (за исключением Таштыпского района) обряд «ибіріг» делается только во время завершения всех поминальных обрядов.

Вернувшись к обеду с кладбища, родственники садились за стол и совершали тризну. До семи дней (у кызыльцев до 40) членам семьи покойного нельзя есть сердце, печень и почки, иначе умерший будет чувствовать мучительные боли в этих органах. После тризны седьмого дня близкие родственники брали со стола нетронутые сердце, печень и почки, трижды обводили ими вокруг своей груди со словами: «Пусть умерший не думает о нас, пусть его печень не кончается!», — бросали их за дверь. После этого обряда им разрешалось есть указанные внутренности.

До семи дней (у кызыльцев до 40) членами семьи умершего нельзя брать в руки острые предметы, тем более резать мясо. В таком случае считалось, что они режут сердце и печень покойного. На седьмой день каждый член этой семьи брал в руки белую шерсть и три раза разрезал её ножницами: говоря, «Я не режу твои печень и сердце, я стригу белую шерсть». После этого разрешалось пользоваться острыми предметами.

До семи дней (у кызыльцев до 40) члены семьи умершего не должны жевать серу, иначе они якобы жуют его печень. До семи дней (у кызыльцев до 40) из юрты ничего не выносили, не расчёсывались и не заплетались, не умывались и не меняли одежду и т.д.

Третьи поминки делают на двадцатый день. На них собирались только пожилые люди. На кладбище не выходили, канун не отмечали и ограничивались только одним днём. Кормили покойного сжиганием трёх чашек пищи в очаге. Кто на сороковой день хотел закончить поминки, тот на двадцатый мог сходить на кладбище.

Самым знаменательным днём считается сороковой. В этот день душа умершего осознаёт свою смерть. Считается, что она становится за очагом и наступает на золу. На золе её следов не остается, и тогда душа — «сўне» плачет: «Я стала как зола и пе-

пел!». Она вдруг замечает, что у неё нет тени, что травинки под ней не гнутся. Тогда она с горечью восклицает: «Моя смерть — это истина».

Родственники собирались накануне, к вечеру тридцать девятого дня. В юрте указанным способом сжигали три чашки пищи. Всю ночь не спали, а наутро отправлялись на кладбище, где разводили поминальный костёр и опять кормили покойного.

В долине Абакана (за исключением подтаёжных сагайцев) на седьмой и особенно сороковой день поминок братья и дядя (обязательно дядя по матери) привозили головы овец вместе с тремя ногами. Правую переднюю ногу нужно было оставить у себя дома. Для умершей женщины привозили голову овцы, для мужчины — барана. Ноги и голову варили вместе с шерстью в казане. Затем нижнюю челюсть и язык вынимали и оставляли дома. На кладбище, после сжигания трёх чашек пищи на костре, старики, опалив шкуру, обгладывали голову и съедали мозги. Потом опять немного обжигали на огне череп (чтобы его не обгладывали собаки), втыкали в изголовье могилы деревянную рогульку и вешали на неё голову овцы со словами: «Мы даём тебе скот!». Чем больше было повешено голов, тем большую честь оказывали родственники покойному. Душа «сүне» хвалилась: «Сорок родственников пришли, сорок овец пригнали!». Близким родственникам до года есть голову скота запрещалось, иначе у покойного она будет болеть. Согласно обычаю голова скота в почёте только на поминках.

Пятые поминки совершали на сотый день. К началу XX в. этот счёт сохранился только у кызыльцев. Но ещё в середине XIX в. А. Кастрен их отметил у качинцев и койбалов в долине Абакана. Вероятно, под влиянием русских здесь вместе 100 дней стали отмечать полгода. Сами хакасы предполагают, что двадцать дней и полгода были придуманы сравнительно недавно.

Согласно народным традициям полугодовые поминки (также и годовщину смерти) обязательно делали на исходе старого месяца. На новолуние запрещались всякие дела, связанные с покойным, за исключением только тех поминок, которые велись по счёту дней. Накануне вечером собирались в кругу семьи умершего. В очаге жгли только две чаши с едой (сагайцы после 40 дней дома уже пищу не жгут). Ночью не спали и слушали сказочника. Утром все выходили на кладбище, где на

поминальном костре сжигали две чаши с едой и один мешочек с вечной провизией. Качинцы долины Июсов и сагайцы мешочек с провизией бросали в огонь на сороковой день. Кормление покойного на полгода у могилы происходило следующим образом. Сначала поминальная пища бросалась в костёр из первой чаши, затем сжигался мешочек с провизией и заканчивалось кормление второй чашей. Мешочек бросала в огонь одинокая вдовья женщина. Сначала она отрезала верх мешочка (хапчых ахсы). Затем, три раза покрутив мешочек над костром, опускала в огонь, повернув его отверстием в сторону захода солнца. Вместе с вечной едой обязательно заворачивали в верхнюю часть мешочка плечевую кость с отбитым узким концом и лопатку (для мужчин) или середину грудинки (для женщин). Когда мешочек наконец был брошен в костёр, то восклицали: «Возьми свой кошелёк, пользуйся своим пропитанием! Пусть твоя вечная пища никогда не кончится!» После этого отрезанной верхней частью мешочка «улуғ хапчых» или белым платком та же вдовья женщина три раза вращала по движению солнца над огнём, говоря: «Хурай — хурай». Затем быстро завязывала на нём три узелка и отдавала хозяину дома со словами: «Пусть твоя чистая душа не пропадёт, пусть этот завязанный узел станет защитой твоему святому жилищу. Пусть моё моление оградит твою жизненную силу. Пусть будет счастье!» До тех пор, пока мешочек не сгорит, все сидели без движения и хранили гробовое молчание. За выполнение этой миссии женщине дарили платок или платье.

Сагайцы весной, во время прилёта птиц (журавлей) или осенью, когда они отправлялись на юг, выходили на кладбище и жгли пищу умершему в этом году. Согласно народным представлениям, весной журавли первым делом кружили над кладбищем и считали новые могилы. Летом они должны были вывести такое же количество птенцов, сколько людей умерло за год. Поэтому хакасы думали, что сначала душа — «тын» превращалась в журавля, затем в маленькую птичку и в третий, самый последний раз, в ночных бабочек — «үзүт хубағаны». После этого она совсем уничтожалась.

Последние поминки совершались через год. Накануне вечером собирались родственники в доме умершего. Здесь сжигали всего только одну чашку еды, из которой в огонь бросали одну горсть. Наутро отправлялись на кладбище, где в последний раз

разводили поминальный костёр и сжигали одну чашку пищи, бросая в огонь всего одну полную горсть. Затем эту чашку надламывали и, говоря: «Айағың ал!» — «Возьми свою посуду», оставляли её вверх дном в голове могилы. Завершали поминальный комплекс обрядом «ибіріг» — магическим обходом могилы. После кормления покойного, как только угасал огонь костра, родственники обходили три раза могилу, начиная с запада на восток, против движения солнца. Возглавляли шествие вдова или вдовец, держа в руках горящую головню и посох, за ними двигались остальные, зажав в ладонях сухую траву (нельзя быть с пустыми руками). В долине Июсов при этом обряде для вдовых людей подбирали пары. Например, вдову вёл одинокий старик, держа её за три сухие травинки. Затем эти травинки клались в изголовье могилы. У сагайцев могилу обходил только один пожилой человек, для умершего мужчины — старик, для женщины — старушка. При обхождении могилы вдова или вдовец стучали по ней горячей головней и три раза ударяли над головой умершего. Остальные хлестали сухой травой и приговаривали: «Мы бьём тебя огненной головней и сухой травой! Мы закружим твою голову! Больше не проси у нас еды!» Дойдя до восточной стороны, все останавливались, угощались аракой и кланялись умершему. Таким образом обходили три раза. После третьего раза головню клали в изголовье могилы со словами: «Твой огонь потух». Сухую траву бросали в костёр. Затем все отряхивали подола, говоря: «Пусть злые силы больше не привязываются к нам. Ты совсем уходишь, больше не думай о нас. Ты ушёл в истинный мир и больше не вернёшься!» Согласно хакасскому представлению после совершения обряда «ибіріг» душа «сүне» уже не сможет выйти из могилы, т.к. ей закружили голову (т.е. она потеряла ориентацию) и окружили огнём.

На севере Хакасии (в основном среди кызыльцев) поминки продолжали на второй и заканчивали на третий год. В древние времена, как свидетельствуют информаторы, и в долине Абакана их совершали до трёх лет. На третий год кызыльцы после обряда «ибіріг» тушили костёр на могиле, говоря: «Огонь потух, больше о нас не думай!».

Через год после смерти (у кызыльцев на 40 день, когда выбрасывали камень «хара тас») приглашали шамана для изгнания из дома чёрной души — «харан» или «харазы». Если её не

изгнать, то она будет приносить несчастья оставшимся членам семьи. Для этого обряда необходимо приготовить череп и четыре голени лошади, девять колючих веток шиповника, девять веток черёмухи, девять чёрных камней, три ветки боярышника и лезвие косы. Указанные вещи клали у дверей и закрывали чёрным платком. Вечером к дверям юрты привязывали быка чёрной масти или коня, если умерший был мужчина, а для женщины — чёрную телку или кобылицу. Наутро эту скотину забирал себе шаман.

Обряд изгнания «харан» совершали на исходе старого месяца, ночью. Дымоход юрты закрывали шкурой чёрной козы, а очаг тушили перевернутым казаном. В крошечной темноте хам начинал искать душу «харан». Причём у умершего мужчины она пряталась на южной (мужской) половине юрты, а у женщины — на северной (женской). Люди тихо переминались, стоя на ногах вокруг потушенного очага, дабы она не пробралась к ним. Внезапно шаман хватал душу, которая начинала стонать и жалобно плакать. Она не хотела уходить из дома и умоляла оставить её здесь. От искусного подражания шаманом голосу мёртвого никто не оставался равнодушным. Все начинали плакать навзрыд. Однако жалеть харан нельзя, иначе кам не в силах будет отправить её в потусторонний мир, и она превратится в дьявола. Шаман вбивал её в бубен, сажал на чёрное животное, привязанное у юрты и гнал ветками колючих кустарников за пределы хакасского мира. Качинцы отправляли «харан» вниз по Енисею до Северного Ледовитого океана и на дне какого-то Чёрного моря (Хара талай) запирали её в скале. Койбалы уводили её в Восточные Саяны и замуровывали в горе Ыргах-Таргах. Кызыльцы возвращали харан на древние родовые кладбища у мифического озера Сана коль, где когда-то проживали их предки. Сагайцы отправляли душу — «харазы» на запад в верховья Абакана, на мифическую «читі путтыг Пулан таг» — (т.е. семиногую Лось-гору). Здесь находилась земля ўзўтов, т.е. потусторонних духов. Сначала шаман заставлял душу «харазы» пройти волосяной мост «хыл көбірткі». Если она была грешной, то падала вниз и погибала. Затем её проводили сквозь отверстие горы Уттиг тас (букв. Дырявый камень), расположенной вверх по Абакану, выше устья р.Ана. Успешно пройдя сквозь Уттиг тас, она наконец достигала мифической горы Пулан таг, которую по-русски называют г. Шаман в вер-

ховьях р.Кызаса. Назад ей дороги уже не было. Шаман, закончив свою миссию, произносил: «Чёрная земля стала могилой, твердое дерево стало гробом, а ты сам перевалил гору Пулан таг».

Итак, погребально-поминальные обряды хакасов вплоть до XXв. сохраняли свою древнюю основу. Несмотря на многие локальные варианты, в целом погребально-поминальный комплекс един для всех хакасских этнических групп. В XIX в. практиковали два способа захоронений: Воздушное(для шаманов) и грунтовое (основной вид погребений). До вхождения в состав России существовало трупосожжение, пережитки которого сохранились в обрядах сжигания уродцев, лошадей — «хойлага», пищи покойному и т.д. Счёт поминок не отличается от таковых у других тюркоязычных народов. На них главной задачей являлось кормление покойного. При похоронах у хакасов имели значение социальное происхождение, возраст и пол умершего.

§ 1. Пантеон божеств

Хакасы сохранили особенности своего мировоззрения. Религиозные верования поддерживались социально-сословной группой шаманов и камов (хамнар). «Духовная особа есть кам или шаман, — сообщали официальные документы начала XIX в., — звание сие получается от познания тех преданий или того искусства, которое нужно для образа их врачевания, гаданий и некоторых священных ритуалов».

По представлениям хакасов, вселенная делилась по горизонтали на три мира. Верхний — «чайаан чирі» находился на небесах и был обителью девяти творцов-чаянов, главой которых являлся Чалбырос-Чаян или Ах Худай. Творцы олицетворяли доброе начало. Они создали землю, растительность, человека и скот. Среди сонма верховных божеств фольклор называет: Күгүрт-Чайаачы — громовержец, поражающий своими стрелами нечистую силу; Чалтырах-Чайаачы — создатель света, озаряющего землю; Чарлых-Чайаан — вершитель личной судьбы людей; Ымай-иче — богиня плодородия и хранительница детских душ и т.д.

Среди них фигурирует и Пулай-хан, соответствующий верховному надзирателю веры, отвечающий за нравственность и чистоту поступков. В случае нарушения религиозных запретов человек может заболеть и поплатиться жизнью.

В нижнем мире — «айна чирі» правят семь подземных божеств-эрликов, главой которых выступает Эрлик-хан или Чиңес-хан. Они олицетворяли злое начало, являлись создателями ползучих гадов, насекомых, непроходимых гор, болезней и шаманов. К группе нижних божеств относятся дети самого Эрлик-хана (сын Иткер-Молат и дочь Учам-Толай) и семь эрликов, а также Ызүт-хан — глава царства умерших человеческих душ, Таммы-хан — царь последнего девятого слоя подземного мира, куда людей отправляют на адские муки и др.

В среднем мире — «күннiг чир» обитают люди. Их окружают различные духи — хозяева местностей и природных явлений — «ээзи». Глава всех горных хозяев называется Хубай-хан или Талай-хан, глава речных духов — Сугдай-хан, хозяин ветра — Чилдей-хан, хозяин мороза Хумдузах, хозяйка огня От инези и т.д. В молитвах и гимнах к ним обращались не иначе как «агалар» — предки, поддерживали культ предков в семье, вырабатывая почтительное отношение к природе.

На арене среднего мира происходит борьба между божеством доброго и злого начал. Поэтому люди подвержены как хорошим, так и плохим поступкам. Посредником между людьми и богами выступает шаман — кам.

На западной стороне среднего мира, в краю заходящего солнца, находится дворец мифического патриарха всех шаманов Адам-хана. Начинаящий шаман обязательно должен предстать перед ликом мифического патрона, который вручал ему шаманский дар. На развилке путей, ведущих к его храму, находится страж дорог Көрмес-хан. Он проверяет истинность будущего шамана и даёт разрешение для прохода к Адам-хану.

Среди пантеона божеств, в своей основе местного происхождения, можно увидеть имена, известные в учении Заратустры, титулы прославленных монгольских императоров, а также персонажи, заимствованные из буддизма.

В эпоху позднего средневековья (XVII—XVIII вв.) у хакасов под сильным влиянием ламаизма стала складываться особая форма национальной религии «Ах Чайаан», (букв. Белая Вера), которую можно рассматривать как вид бурханизма, хорошо известного на Алтае. Она не получила своего законченного развития.

Все верховные творцы получили общее название «Ах Чайаан», что и стало определением веры хакасов. Каждый год на полнолуние в июне — июле совершали в честь Ах Чайаана общественные моления. Их возглавляли специальные богословы — «алгысчыл», облачённые в белые одежды. Молоко для ритуального возлияния обязательно доили непорочные девушки от белой кобылицы. Водку и араку здесь запрещалось употреблять, т.к. Ах Чайаан предпочитает безалкогольные молочные напитки. В дар небу приносили белых барашков, прося взамен благополучие своему хозяйству. Согласно хакасской морали каждый подарок требует отдарка и боги в данном случае не исключение.

§ 2. Служебные духи шаманов

Хакасские шаманы считались избранниками духов, называемых «төс» или «төстүп» (букв. основа, сущность) Тёси, по шаманским представлениям, — это невидимые вечные существа (мөгі ниме). В хакасских мифах говорится, что они были созданы вместе с землёй, сотворены наравне с небом. Они признавались существами, обитающими среди природных стихий: в горах, в лесах, в воде и огне. Особенно почиталась гора Борус в Саянах, откуда происходят большинство төсей, и которая считалась местом происхождения шаманов.

Тёси передаются по наследству. Поэтому в шаманских текстах говорится: «Иргидең иңциленген, пурунғыдаң пустанган Адам ханның сымылы полцаң». — «Со старины унаследованные, с древности кормящиеся жертвенным паром родовые духи Адам-хана». Первоначально их вручает мифический патриарх всех шаманов Адам хан. Его супругой является Инем хан.

Тёси умершего называются «хара төс» (букв. чёрная основа). Хара төси боятся Адам хана, ибо если они попадутся ему на глаза, то последний может посадить их под замок в горе. Вечные төси, оставшись после смерти шамана неприкаянными, выбирают из его рода нового хозяина. Шаманом может стать только тот претендент, который обладает лишней костью — «артых сөөк». Тёси сами выбирают кандидатуру и проверяют его данные. В это время будущий шаман страшно болеет, т.к. духи «давят» его. Тёси якобы сначала отделяют мясо и расчлениают тело по суставам. Затем тело мололи на каменной мельнице. Потом варили в бронзовом котле. В конце концов его просеивали через медное сито и находили лишнюю кость. По народным представлениям, во время смерти или рождения нового шамана резко изменяется погода — поднимается буря, льёт проливной дождь. Это проказничают собравшиеся төси.

Тёси, избрав себе хозяина, становятся его послушными солдатами. Шаман называет их своей царской армией — «хан сирри». Сам он представляется полководцем. Чем больше «армия духов», тем сильнее шаман.

Для того, чтобы получить профессию кама, надо было пройти обучение у старых шаманов. В том случае, когда молодой человек отказывался от такого выбора, то над ним совершали обряд камлания, забирали его тёсей, отправляли их далеко вниз по р. Енисею и запирали в горах, на дне Северного Ледовитого океана. Через некоторое время тёси вырывались из-под замков и снова осаждали своего избранника. Так могло повторяться всю жизнь.

Тёси обитают на земле, в воде и на небесах. У каждого кама имеется своя гора, служащая местообитанием тёсей. Сильные шаманы приобрели духов от звёзд, огня и даже молнии. Шаманские тёси делились на «чистых» (арыг тóстер) и «нечистых» (пуртах тóстер). «Чистые» тёси якобы обитают в горах, в огне и на небе, а «нечистые» — в тайге, под землёй и в воде. Изображения «чистых» тёсей рисовали на верхнем секторе бубна, а «нечистых» — на нижнем. Шаманы с «нечистыми» тёсами считались людоедами (чеек хам).

Шаманские тёси воображались в виде зверей, птиц, змей, вихря и т.д. Они летают, как ласточки, снуют, как мухи. Их внешность описывается следующим образом:

«Имеющие глаза величиной с чашку,
Имеющие лоб наподобие дна котла,
Имеющие нос, как у совы,
Расстояние между глаз больше четверти,
Расстояние между ушами больше сажени».
«Хара чірче карахтыгларым,
Хазан түбі хамахтыгларым,
Пора үгүче шурушылгарым,
Харах аразы харыс читтес,
Хулах аразы хулас читтес».

Шаманские тёси различаются по полу и возрасту, по своему назначению и функциям. Среди армии служебных духов встречаются: немой тесь, вороватый, передразнивающий, щекотливый и т.д. В зависимости от присутствия того или иного тёся менялась манера поведения шамана. Некоторые тёси наделены самостоятельными названиями: «күчүн» — тесь в образе змеи; «ыңайгах» — тесь в образе пёстрого гуся; «хагба» — тесь типа ангела-хранителя; «сайгот» — тесь, специально проверяющий лишнюю кость шамана и т.д. У каждого шаманского атрибута существовал свой тесь. Например: «түлбек-тесь» — хозяин шаманского костюма, «түбен» — хозяин бубна, «очаң» — хозяин колотушки и т.д. К ним обращался со следующими словами:

«Мои очаны, держащие колотушку,
Обвейтесь на мою правую руку!
Мои тубены, держащие бубен,
Появитесь на моей левой руке!»
«Орба тутчац очаццарым,
Оц холыма ораалыш одырыцар!
Туур тутчац тубеннерім
Сол холыма чайалыш одырыцар!»

На шаманской одежде нашиты бусинки — «хам мончыгы», которые представляют глаза тёсей. Две бусины — глаза одного тёся. У шаманов на костюме насчитывалось 50 и более бусин. Если шаман умрёт, то бусины нельзя хоронить вместе с ним, иначе тёси останутся слепыми.

При обряде камлания обязательно кололи белого ягнёнка, ставили в юрте белую берёзу и готовили молочную водку — араку. Сначала шаман призывал своих духов. Он открывал дверь юрты, издавал громкий свист и, изображая на лице улыбку, пятясь к почётному углу, пел молитвы. Каждый раз, обращаясь к тёсам, кропили аракой с тоекратным восклицанием: «сөөк». В юрте возжигали богородскую траву (ирбен), запах которой нравится тёсам. Шаман во время призывания духов применял термин «хобат». Этот призыв нельзя употреблять без дела, иначе тёси могут обидеться и навредить шаману.

Тёси очень любят слушать сказки. Если случалось, что шаман начал камлание, а в другом месте исполнялось героическое сказание, то иногда они не выходили на вызов. Тёси садятся на музыкальный инструмент — чатхан и слушают пение сказителя.

После того, как шаман окружит себя «армией» духов и объединится с тёсами, он перестает быть простым человеком. Тёси затемняют рассудок и делают его жестоким. Шаман приказывал своим духам точно исполнять его решения: «Мои всевидящие! Пусть не останется места, неизвестного вам! Все, что попадётся на глаза, говорите безошибочно! Если же вы скажете ложь, я расшибу в кровь ваши чёрные головы!» При этих словах шаман потрясал в воздухе своей колотушкой. Ничего в мире не остаётся ими незамеченным. Тёси исследуют дно морей и вершины высоких гор. Они не имеют права вернуться назад, не исполнив приказа. Они вступают в борьбу со злыми силами и тёсами других шаманов.

Отправляясь в поход с духами, шаман всегда оставляет одного-двух тёсей на пороге юрты, чтобы он охранял жилище. Если шаман погибнет в битве со злыми силами, то его тёси навсегда остаются под порогом. Поэтому, по хакасским обычаям, на порог нельзя наступать, иначе заболеешь.

В том случае, когда шаман поставит перед тёсами непосильную задачу, то его духи могут не выдержать и покинуть его. Тогда он теряет свою силу. Иногда шаман, от усталости или желая проучить кого-либо, временно «прилеплял» тёси простому человеку и отправлял его вместо себя. Обычно так он практиковал с 9 парнями и 7 девушками, участвовавшими при камлании. Чтобы тёси к ним не «прилипли», девушки и парни брали в рот чёрные угольки, а на горле рисовали крестик.

После камлания над больным шаман проверял судьбу собравшегося народа. Он приказывал тёсам: «Толы хоорайны ибiрiцeр, тооза чонны сынаңар» — «обойдите общество хоорай (т.е. хакасов), весь народ проверьте». Тёси узнавали, нет ли среди гостей больных, не прицепились к ним злые силы.

Заключительным этапом камлания является распускание тёсей. «Чистых» духов отправляли по разным сторонам, как жаворонков и перепёлок, а «нечистых» притягивали к флажкам (туҕ) на колотушку. Иногда вместе с собой тёси могут забрать «огонь глаз», т.е. зрение. Поэтому шаман при их распускании наговаривал: «Не забирайте огонь моих глаз». Когда тёси удалялись, то шаман превращался в простого человека.

Исходя из приведённого материала, становится ясным, что тёси представляют основу шаманской силы, благодаря которым осуществляется деятельность шамана.

§ 3. Шаманы и их мистерии.

Для того, чтобы стать настоящим камом, необходимо обладать силой слова, знать все обряды и молитвы. Существовало специальное обучение религиозной системе, проходившее уединённо в священных горных местах (обычно на г. Сахсаар). В течение трёх месяцев молодого человека учил старый опытный шаман, который становился для него учителем — «пастаан паба». Пройдя обучение, молодой кам должен был предстать

перед мифическим патроном всех жрецов — Адам-ханом, дворец которого находился в Саянах. Адам-хан вручал ему нужное количество служебных духов, определял его атрибуты — костюм, бубен и ставил его родовую тамгу на дворцовой шестигранной чёрной ели.

Шаманы делились на три категории. Самые большие — «пугдуры» имели до 9 бубнов, особый костюм и огромную «армию духов». При камлании их духи могли достигать Северного Ледовитого океана и даже Средиземного моря. Пугдуры руководили на горных жертвоприношениях, лечили от бесплодия женщин, получая жизненную силу — «хут» от самой богини Умай, занимались предотвращением эпидемий скота и т.п.

Средние шаманы — «пулгосы» обладали только одним бубном и надевали простой шаманский наряд. Их шаманское путешествие ограничивалось соседними районами Хакасии.

Низшая категория — «чаланчики» обладали гипнозом. Они не были посвящены в учение шаманизма, не имели шаманского костюма и бубна. Чаланчики лечили от испуга, сглаза и т.д.

В 1841 г. Сагайская Степная дума сообщала, что среди хакасов имелись «шаманы и шаманки, которые в приличной для сего одежде и с бубном в руках (но только, разумеется, не без своих выгод) в природных гимнастических движениях, давая заметить, что они имеют связь с невидимыми силами, лечат больных и сопровождают похороны, передавая инородцам будущность, что они по необразованности своей и не отвергают». Для общественных молений шаманами не воздвигались специальные храмы. «Татары сии не имеют ни кумиренных, ни молитвенных домов», — сообщала русская администрация в XIX в. Они совершали торжественные жертвы на высоких горах, а больных лечили в их же юртах. Болезни людей оборачивались прибылью для шаманов. Хакасы говорили: «Мал олзе — адай тох, кізі агырза — хам тох». — «Еслидохнет скот — то собака сытая, если болеет человек — то шаман сытый».

Камы составляли незначительную социальную группу населения. Например, в 1885 г. в Сагайской думе насчитывалось 26 шаманов (из них две женщины), что составляло 0,2 % от всех жителей этого ведомства. В 1924 г. по всей Хакасии насчитывался 71 шаман или около 0,2 % всего населения. С 1917 по 1924 гг. ими было совершено 4025 камланий.

В 30-х гг. все крупные шаманы были отправлены в ссылку, где многие из них нашли свой последний приют. Некоторые (Коче Арыштаева, Е. Кызласов, Е. Саражаков и др.), вернувшись в 50-х гг. на родину, дали письменное отречение или ушли в «подполье». Так при Советской власти было покончено с «паразитическим» сословием камов. В настоящее время имеется около десятка наследственных шаманов, но никто из них из-за прерванной традиции не прошёл обучения и не имеет специальной одежды и атрибутики.

Среди хакасов был широко распространён культ богини плодородия — Умай.

По поверьям, богиня Умай обитала среди небесных белых облаков и простым людям не видна. Детские души хранились у неё в «храме» горы Ымай-тасхыл. Эта священная гора расположена в верховьях р. Енисей в пределах Саянского хребта. От горы Ымай-тасхыл происходит название находящегося рядом посёлка Майна. В настоящее время здесь построена Саяно-Шушенская ГЭС.

В Саянских горах, на священном хребте Хан-сын покоится последний хакасский правитель Тадар-хан или Хоорай-хан. Согласно мифам, он воспрянет в последний день мира и возродит былое могущество хакасов. Идея гибели мира — «халап» связана с нравственным вырождением людей. Время его наступления определялось: «когда мужчины станут величиной с локоть, когда женщины потеряют стыд, когда земля опоясается железными обручами, когда на ушах зайца исчезнут чёрные концы». Говорят, что в год у зайца выпадает по одной чёрной ворсинке. Вера в пришествие «мессии» характерна для многих религий, в том числе и для буддизма. Вполне возможно, что Саяны и есть та знаменитая буддийская Шамбала, где белые воины-полубоги заботятся о спасении человечества. На эту мысль наталкивает близкое звучание наименования горной вершины — Самбыл-тасхыл, находящейся в вершинах Хан-Тегира.

В религии хакасов существовало сложное понятие о душах, которых насчитывалось до 7-ми видов. Жизнь человека связана с душой «тын» (букв. дыхание). Белый Творец Ах Худай передал нам её от дуновения ветерка (тан), гуляющего над бьющим из-под земли источником.

Хакасский шаман (хам). Из фонда краеведческого музея г. Миусинска

Другая душа «чула» отождествляется с «огнём глаз». Ночью она в образе светящейся фигуры может на время покинуть человека и путешествовать по селению. Поэтому запрещали закрывать голову одеялом, а тем более ложиться с грязным лицом. Душа «чула», вернувшись после ночной прогулки, может не найти любимого лица или, ещё хуже, испугается грязного вида хозяина. В таком случае человек может потерять зрение. Для возвращения «чула» обращались к каму.

У каждого человека имеется жизненная сила «хут», благодаря которой, он движется и трудится. Днём она находится под ногтями ног, а ночью прячется под корнями волос головы. Поэтому днём нельзя стричь ногти ног, а ночью расчесывать волосы, иначе потеряешь «хут». Кроме того, у каждого человека есть ангел-хранитель «хагба», сидящий у мужчин на правом плече. Хагба представляет своеобразную ауру, оберегающую хозяина от бед.

Кроме того, особую душу — «мыгыра» — имел шаман. Это была жизненная сила, которую он якобы получал от своего владыки при первом посещении мифической столицы шаманов «Хам ордазы». Мыгыра пряталась внутри своего родового дерева. Если второй шаман найдёт её и проглотит, то неминуема смерть первого.

Согласно хакасским представлениям, каждый сеок имел родовую душу — «сбök чулазы», которая находилась в определённой породе деревьев. Например, лиственница считалась родовым деревом сеоков хыргыс, пилтир, арғын и др., берёза — сеоков хасха, сайын, үүс сагай и др., сосна — сеоков хызыл, туран, чода и т.д. Хакасу запрещалось рубить своё родовое дерево, тем более делать из него лодки, корыта, другую утварь. Увидеть во сне падающее дерево — обозначает смерть одного из членов данного рода. Если оно было молодым, то умрёт юноша, если старое — то старик, если ветвистое — то многодетный.

Камлание богине Умай совершалось в ночь на девятый день новолуния. Для этого обряда юрта украшалась девятью шелковыми платками, ставилась разукрашенная ленточками белая берёзка, закалывали жертвенного белого барашка и готовили обрядовую пищу. Шаман мысленно отправлялся вместе со своими духами через дымовое отверстие юрты ввысь, летел через высокие горные хребты, реки и моря. Наконец, он попал на священную гору Ымай-тасхыл. Богиня Умай встречала шамана и после долгих уговоров давала ему душу ребёнка в виде коралловой бусинки (девочка) или стрелы (мальчик). Прикрепив её к бубну, шаман возвращался назад. Затем он стряхивал душу ребёнка в приготовленную чашу с молоком и давал всё это выпить женщине. Душа ребёнка вместе с молоком якобы попадала вовнутрь женщине и последняя становилась беременной. Шаман предсказывал после этого

внешний вид, особенности и судьбу будущего ребёнка. За камлание он получал денежную плату, шкуру животного и подарки.

Помимо описанного обряда бездетные женщины иногда обращались за помощью к каменным бабам «иней тас». Вероятно, каменные бабы представляли изображение богини плодородия, которую, на наш взгляд, можно отождествить с богиней Умай. Обряд поклонения с просьбой получить детей совершался в июне месяце на девятый день новолуния. На голову каменной статуи подвязывали красный шелковый платок, губы мазали маслом и сметаной, а на земле перед ней расстилали скатерть с молочными продуктами. Необходимо три года подряд совершать подобное кормление, после чего молитвы якобы будут приняты каменным изображением богини Умай.

У хакасов и других тюрко-монгольских народов Сибири существовали религиозные общественные праздники, называемые «тайыг». Они совершались ежегодно на вершинах больших гор. В зависимости от обряда жертвоприношения небу, горам и рекам и озерам в жертву божествам приносились или белые бараны, или белые кони, или чёрные быки.

Жертвоприношение совершалось под руководством шаманов или специальных богословов (алгысчыл). Все мужчины к головным уборам прикрепляли разноцветные ленточки и перья беркута. Во время праздника эти ленточки привязывались к священному дереву. Женщинам запрещалось присутствовать на празднике «тайыг», т.к. они якобы могли осквернить святые места.

Во время ритуальной части убивалось жертвенное животное. Животному разрезали брюшину и рукой обрывали аорту, проходящую у хребта. Сваренные на пару сердце, лёгкие и печень составляли пищу божеств. Некоторые легенды говорят о том, что в древние времена в жертву небу приносились девушки со светлыми волосами.

Философия хакасского шаманизма перекликается с древними религиозными учениями Ирана и Средней Азии. Борьба двух божеств — доброго и злого, особое значение культа огня, сложное понятие о душе, сходные названия божеств — всё это говорит в пользу древних культурных связей народов Сибири с народами Ирана, Тибета и даже Индии. Не зря в одной из хакасских пословиц говорится: «Человеческий корень пересёк океан, а корень травы не переплыл и море».

§ 4. Почитание тёсей

Хакасы поклонялись различным фетишам — изображениям духов, имеющих магическую силу и служащих роду или семье, которые назывались «тёси», т.е. так же, как и шаманские духи. Семейно-родовые тёси-фетиши находились в каждой юрте, где имели своё строгое местонахождение и определённое количество (три, семь или девять). Они доставались по наследству младшему сыну вместе с усадьбой. В остальных случаях их ставили тогда, когда в семье кто-нибудь заболел. Иносказательно их называли «агалар» — родовые предки. Изготовлением тёсей занимались шаманы. Каждую весну, когда прилетали птицы и начинала куковать кукушка, и каждую осень, когда улетали птицы и замерзала земля, совершали кормление тёсей. Вероятно, в этом обряде отразилось поклонение умирающим и воскресающим силам природы. Каждый фетиш требовал особой пищи или на новолуние, или в последнюю четверть луны и индивидуального подхода. Молоко для ритуального возлияния обязательно доили непорочные девушки от белой коровы. Айранное вино-арака должно быть никем не пробованным. При кормлении для каждого тёся-фетиша существовала своя молитва и особый ритуальный призыв.

Почитание тёсей у хакасов было связано с философской системой народа, которая своими корнями восходила еще к древнетюркской эпохе. Поклонение культам предков, огня и силам природы, домашних животных, птиц и зверей — всё это ярко отразилось в тёсах. Они зародились среди определённых сеоков, как семейно-родовой оберег, а затем получили общенародное распространение. Возможно, в период возникновения родовых тёсей им сначала делали изваяния, которые ставили на родовой территории. В дальнейшем их стали изготавливать для каждой юрты. Многие из тёсей считаются центрально-азиатского происхождения и, вероятно, связаны с культурой древних кыргызов, которые в I в. до н.э. продвинулись из Северо-Западной Монголии в Хакасско-Минусинскую котловину. Необходимо отметить, что многие хакасские тёси делались с голубыми глазами. Это выглядит необычно на фоне

смуглого и черноглазого народа. В данном случае заманчиво предположить происхождение некоторых тёсей от голубоглазого населения Тагарской культуры (VII — I в. до н.э.), обитавшего в Хакасии до прихода монголоидных кыргызов. Тёси ставили с лечебной целью. Они служили оберегами жилища и были покровителями различных отраслей хозяйственной деятельности. При изучении тёсей выяснилось, что среди разных этнических групп некоторые из них имеют разные названия, а некоторые — локальное распространение. Заслуживает внимание моления тёсам, изображающим погибших старых дев. Руководитель-мужчина надевал шапочку невесты «сахпа», вероятно, для того, чтобы совершить имитированный обряд бракосочетания и этим успокоить тёся.

Хакасские тёси по своему значению тождественны монгольским и бурятским онгонам, тувинским эзренам и алтайским тёсам, что еще раз подчёркивает древние этнокультурные связи народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Среди хакасов самым популярным являлось гадание иглой. На донышке деревянной чашки (хара чірче) чертили крест-накрест чёрную и белую линии. Чёрная линия чертилась углём (хара кёйе), а белая — золой. Иголку с ниткой втыкали в ручку шила. При гадании держали правой рукой иголку, воткнутую в шило за конец нитки. Если острое иглы будет двигаться по белой линии, то это хорошее предзнаменование. Человек выздоровеет, потерянная вещь найдется, любимый будет рядом и т.д. Если острое пойдёт по чёрной линии — это плохо.

Кроме того, существовало гадание на камушках «хубанах», распространенное среди многих тюрских народов. С девяти речек собирали 41 камушек синего, жёлтого, чёрного и белого цветов. Во время гадания сначала все хубанахи собирались в одну кучу и произносилось сакральное пожелание: «Пазың тоғыс, азағың сигіс ползын, оң сағыңа оң түссін». — «Пусть в голове будет девять, а в ногах восемь, пусть на правой стороне будет удача!». Затем куча разделялась на 3 части, в каждой из которых откладывали по 4 камушка до тех пор, пока там не оставалось по 4 и менее хубаных. Оставшиеся составляли верхний ряд. Их клали на специальную дощечку. Затем свободные

камушки опять собирали в кучу и также делили на три части. Остаток составлял второй ряд. В третий раз совершалась такая же операция. В результате хубанахи складывались в 3 ряда по три кучки в каждом. Левая сторона обозначала противника, а правая — себя. Если в верхнем горизонтальном ряду находилось 9 хубаных (по 3 в каждой кучке), то это хорошее предзнаменование. По хубанам ворожили о судьбе человека, об удаче на охоте и т.д.

§ 5. Распространение христианства

После присоединения Хакасии к России царизм приступил к политике духовного порабощения хакасов через их насильственную христианизацию. Уже в 1719-20 гг. почти все кызыльцы были крещены митрополитом Филофеем. Новокрещенные приписывались к церквям («тигириб» — букв. небесная юрта), которые располагались далеко за пределами их проживания. Первая церковь в долине реки Абакан была воздвигнута в 1772 г. в с. Аскиз по просьбе хакасских башлыков. Одним из инициаторов постройки церкви выступил сагайский князец Амзор Наиров, сын чайзана Наира Тулбечекова, одного из первых башлыков, принявших подданство России. В это время в долине Абакана насчитывалось около пятисот душ обоого пола новокрещенных. В 1770 г. депутат Г. Ульчугачев от имени кызыльцев ходатайствует перед епископом Варлаамом «построить из собственного своего кочту посредине своего жительства, то есть в деревне, коя прозывается Учуре церковь во имя Петра и Павла...». Она была построена в 1773 г. Среди кызыльцев (ачинского, басагарского, кызыльского, игинского, камларского родов) насчитывалось новокрещенных 486 душ обоого пола. Всего к 1770 г. усилиями христианских проповедников было окрещено до 9 тыс. хакасов. Упорнее всех сопротивлялись крещению качинцы. В 1766 г. красноярский проповедник А. Михайловский доносил Тобольскому и Сибирскому митрополиту: «1. Качинской землицы иноверцы в прошедшие годы воспринявшие святое крещение с некрещеными татарами единокупное улусами жительство имеют, и никакой

отмены против прежней своей замерзлости к содержанию благочестия не имеют, и как прежняя своя ядения и пития употребляли, тако и ныне с теми в обществе будуще, всегда с некрещеными татарами оскверняются. 2. В тех улусах у татар как в юртах, так и около юрт и вблизи их жительств на дорогах, речках и озёрах поставляются по вере их нечестивые шайтаны (т.е. тёси — В.Б.), которые жертву по своему богомерзкому обычаю приносят и веруют в них, а крещёные малолетние отроки живучи в единых улусах и видя, что делают их купнородные, тем же и они охотно навывают идолослужениям. 3. Шаманщики, т.е. дьявольские служители, которые веруют в беса и ему отдавши себя вечно, служат, пребывают в обществе с восприявшими святое крещение, и к шаманству своему, как несведущих бога, так и просвятившихся святым крещением лестно привлекают, и тем своим бесовским шаманством величие божье и отдалают от милосердия его...». На основании Указа 23 июля 1763 г. ясачные, принявшие святое крещение, освобождались на трёхлетний срок от платежа податей.

Несмотря на предлагаемые льготы хакасы придерживались своих древних верований, которые именовались в официальных документах «шаманская вера» или «камларский толк». В 1823 г. среди хакасов Минусинского округа насчитывалось 6632 христианина и 9819 иноверцев. Причём, в Сагайской думе было 3493 христианина и 5645 шаманистов, в Качинской соответственно 2088 и 4058, а в Койбальской думе — 1051 христианин и 116 шаманистов.

В течение XIX в. официально все хакасы переходят в лоно христианской церкви. Окончательное крещение хакасов произошло 15 июля 1876 г. в с. Аскизе с 6 часов утра до 16 часов дня. Всего было крещено 3003 человека. Среди них «существовала секта шаманов-идолопоклонников, которую держали 662 души инородцев, смотря на них, другие инородцы, которые не были просвящены таинствами святого крещения, долгое время не присоединялись к христианской вере сами, не давали крестить и детей своих».

Согласно этого сообщения, к 1876 г. среди сагайцев оставалось 662 шаманиста. Самих шаманов было намного меньше. По наблюдению П. Островских, «вряд ли их и сотня наберётся».

Организатором массового крещения хакасов выступил письмоводитель думы Е. Катанов. Он на свои средства купил 3 тыс. крестиков и свечей, кормил в течение недели людей, собранных на берегу р. Аскиз. Обряд крещения совершили по приезду епископа Енисейской губернии Антония. Происходило это следующим образом: «Быстрая и светлая река Аскиз запрудилась голыми телами. После того, как окунувшийся в воду, т.е. принявший крещение, выходил на берег, ему давали рубаху, а на шею весили на шнурке, называвшемся гайтаном, медный крестик». Почти все мужчины получили русское имя Владимир, а женщины — Мария. Крестными отцами сагайцев выступили беги А. Асочаков и А. Кызласов, которые получили в награду за крещение царские кафтаны. Письмоводитель Е. Катанов был награжден орденом св. Анны 3 степени. Массовое крещение шаманистов было крупным событием в истории Хакасии, показавшим бесправное положение инородцев и пренебрежительное отношение царизма к коренным жителям Сибири.

ГЛАВА VI. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Фольклорное наследие

Богатство духовного мира хакасов отразилось в устном народном творчестве, которое достигло высокого развития. Наиболее распространённым и почитаемым жанром фольклора являются богатырские сказания, которые имеют сказочный стиль и, вместе с тем, сохраняют архаичность языка. Их исполняли под аккомпанемент музыкальных инструментов в течение длинных зимних ночей. Некоторые сказания были настолько большими, что затягивались на несколько недель. Если сказитель спутает слова или не закончит исполнение, то существовало поверье о том, что век его укоротится. Смысл этого обычая заключался в заботе о сохранении своего наследия. После завершения сказания делали небольшое пиршество «нымах тойы». Сказители пользовались большим уважением и часто приглашались в гости в разные концы Хакасии. По народным обычаям сказителей с удовольствием брали в тайгу на охоту. Они ночами должны были исполнять героические сказания. «Горные хозяева» якобы любили слушать музыку и сказки. За полученное удовольствие они давали свой «скот», т.е. зверей. После охоты происходил равный раздел добычи между всеми членами артели. По народным представлениям повествование о сказочных героях и волшебные звуки музыкальных инструментов притягивают к себе даже души умерших людей. В связи с этим на поминки обязательно приглашались сказители, которые в течение ночи рассказывали богатырские поэмы. Исполнялись они горловым пением, что придавало ощущение необычности.

Согласно народным представлениям, умение петь горлом даёт «хозяин» гортанного пения «хай эззі». По хакасским мифам хай эззі пришел в Хакасию из Тувы. Он сначала поселился среди сагайцев в Междуречье Большой и Малой Еси. Надо отметить, что перекрестки рек и дорог — любимые места этого хозяина. Первый встречный хакас так испугался вида хай эззі, что от отвращения невольно произнёс «татай» (магическое слово, выражающее брезгливость). Хай эззі, обидевшись, ушел и поселился в междуречье Июсов, где до сих пор находятся лучшие хайджи.

Известный тюрколог В.В. Радлов обратил внимание на важное место героического эпоса в духовной жизни хакасов. Подобное положение он встретил ещё только у одного тюркского народа — у киргизов. Отсюда он считал, что склонность к эпической поэзии свойственна енисейским кыргызам и сохранилась в одинаковой силе у их потомков — киргизов и хакасов, хотя эти два народа уже около 10 веков живут отдельно друг от друга. Несмотря на продолжающуюся дискуссию по проблемам этногенеза киргизов и хакасов, данные фольклора позволяют разделить мнение В.В. Радлова.

В хакасском фольклоре встречаются различные демонические существа: чилбигены — семиголовые прожорливые чудовища, мусмалы — таёжные люди с коровьими копытами, сыгры — слепые великаны, мохсагалы — великаны с песьими головами и др. Сказки о подобных чудовищах, обладающих громадной силой, но вместе с тем слабоумных и легко поддающихся обману какого-нибудь немощного старика широко распространены не только среди хакасов, но и многих тюрко-монгольских народов.

Среди хакасов бытовали волшебные сказки, имевшие якобы магическое воздействие на окружающую атмосферу и погодные условия. Например, при сильных морозах хакасы вспоминали сказку о хозяине мороза Хумдузахе, чтобы вызвать потепление. У одного старика было 3 дочери, которых он во время стужи отправил к Хумдузаху.

Хозяин мороза вернул обратно двух старших сестёр, не выдержавших испытаний и женился на младшей, сумевшей выполнить все требования. Только после этого наступило тепло.

Точно такие же сказки и поверья существовали у северных народов — кетов, селькупов, ненцев. Северные сюжеты хакасских сказок, несомненно, связаны с этнокультурными связями предков этих народов.

Бытовая сказка «Чой Арбунах» идентична рассказам о Ходже Насредине. Обманщик, хитрый пройдоха Арбунах постоянно обводит вокруг пальцев семерых глупых баев и в конце-концов те добровольно гибнут в мешках, брошенных хитрецом в озеро. Подобный персонаж широко известен в фольклоре тюрко-монгольских народов Сибири, Центральной и Средней Азии. Фольклорное произведение «60 небылиц», представляющее местный вариант приключений Мюнхаузена, находит аналогии в сказках киргизов (проделки Алдар хосе), казахов («40 небылиц»), калмыков («72 небылицы»), башкиров и даже хантов.

Десятки тысяч археологических памятников, разбросанных по территории Хакасии, нам напоминают таинственный остров Пасхи и заставляют пытливые умы потомков обращаться к своему прошлому. Согласно хакасским представлениям, древние курганы — это бывшие жилища народа «ах харах» (букв. белоглазый). Когда стала здесь расти белая берёза, то народ «ах харах» узнал от своих волхвов, что это дерево связано с властью Белого хана. Свободолюбивые люди не хотели подчиниться судьбе и заживо погребли себя в своих каменных домах. Подобные легенды о киданях или белоглазой чуди, живших в Западной Сибири в древности, бытовали среди сибирских татар. Русское население, позаимствовавшее этот сюжет от последних, связывает появление берёзы и гибель чуди с приходом Ермака. В разных легендах и преданиях народов Южной Сибири коренными жителями Саяно-Алтайского нагорья выступают кыргызы. Они обитали якобы в те далёкие времена, когда ещё деревья не росли и простирались голые степи. По данным фольклора, они соорудили ирригационные каналы в Хакасии, на Алтае, в Туве и Бурятии. Когда здесь стали расти деревья, кыргызы приняли их за вылезавшие из-под земли рога, испугались и перекочевали отсюда далеко в южные степные края.

Последним главой Кыргызского государства, согласно преданиям, был непобедимый Көтен-хан. Он был женат на женщине

с ребёнком, которого звали Ах Көбек. У них появились совместные дети — два сына Хаңгыс и Маңгыс. Ах Көбек оскорбил Көтен-хана, а затем хитростью убил двух его сыновей, пришедших отомстить за отца. В заключение предания Көтен-хан в честном поединке побеждает и лишает жизни Ах Көбека. После смерти Көтен-хана переводится богатырский род кыргызов. Создавшейся ситуацией воспользовались монголы, которые завоевали Хакасию и угнали население в Центральную Азию. По всей видимости, это предание связано с разгромом Кыргызского государства. В XIII в. легенды о Көтен-хане широко распространились среди тюркских племён в монгольский период. Через тюрков-мамлюков они попали в Египет. В египетских сочинениях XIII в. повествуется о фольклорных героях Ах Кобяке из татарского племени и Мангуше — сыне Котяна, из кыпчаков и о монгольском нашествии на них. В настоящее время предания об Ах Кобеке, Көтен-хане и его сыне Мангуше известны среди алтайцев, телеутов, сибирских татар и киргизов. На севере Хакасии истинное имя фольклорного героя «Көтен-хан» иносказательно произносят «Көчім-хан», заменяя неблагозвучный термин «көтен» (задница) на более благородное «көчик» (задняя часть). Отсюда проистекает заблуждение некоторых исследователей, которые отождествляют идентичное звучание имени фольклорного героя с образом хана Кучума. Подобное сравнение не имеет под собой никакой исторической основы.

Большинство исторических преданий о хакасских князьях — Таар-бег, Оспа-бег, Оджен-бег. Тай Мирке и другие относятся к периоду существования этнополитического образования Хоорай. Они распространены только среди хакасов. Исключение составляет предание «Хан Шуна», относящееся ко времени присоединения Хакасии к России и разгрому Джунгарского ханства. Шуну жил в 1698 — 1732 гг. и был сыном джунгарского хана Цеван-Рабдана, рождённого от первой жены Сетержап (дочь калмыцкого Люки-хана). На севере Хакасии данное фольклорное произведение известно как «Халдама» и названо по сводному брату Шуну — Галдан Цэрэну. Другой исторический персонаж — Амур Сана (1722 — 1757 гг.) прославившийся в борьбе за независимость Джунгарии, в хакасском фольклоре порой сме-

шивается с образом Шуну. Согласно хакасского предания, джунгарский хан Хумтайчы, опасаясь за свой трон, бросает в темницу своего могучего сына от первой разведённой жены. Во время угрозы со стороны Китая Хан Шуна оказал великодушную помощь отцу и избавил Родину от посягательств врага. В заключении он уходит в Алтайские горы и вернётся к людям только в последний день мира как мессия и спасёт народ от гибели. У хакасов его образ стал неотделим от мифического покровителя Тадар-хана, у алтайцев — Ойрот-хана.

После разгрома Джунгарии в 1755 — 1757 гг. часть ойратов попала на Саяно-Алтай и принесла с собой исторические сказания о Шуну и Амур Сане. Таким образом, указанные личности стали национальными героями хакасов и щорцев, алтайцев, тувинцев и бурят.

Вера в силу магического воздействия слова выражена у хакасов в канонизированных формах благопожеланий «алгыс» и проклятий «хааргыс». Благопожелания произносили при исполнении семейных обрядов — именинах, свадьбах, новосельях, застольях и т.д. Согласно народной традиции, алгысы имел право выразить только зрелый человек, перешагнувший 40-летний возраст. В противном случае каждое его слово примет обратный смысл. Говорящий благопожелание сначала брал чашу с молоком, надоенным от белой коровы, ополаскивал свои уста и только затем произносил магические слова. Например, во время свадьбы молодым желали:

«Пусть ваша юрта, стоящая под солнцем, покроется серебром!
Пусть невеста, поклоняемая солнцу, доживёт до седины!
Пусть на ваш передний подол наступают дети!
Пусть на ваш задний подол наступает скот!

Подобные благопожелания нами отмечены у всех тюрков Саяно-Алтая. За лечение в целебных озерах бросали на дно серебряные монеты, сопровождая действие магическими словами: «пусть будет у тебя белое благо, а у меня лекарство — избавление». В пути на привалах кропили вином горных духов, говоря: «Пусть впереди будет открытая дорога, пусть позади станет закрытый путь» и т.д.

Проклятия, как правило, могли послать старые оскорблённые женщины или завистливые люди, потерявшие покой от чужого благополучия. Обряд проклятия совершался на красный

вечер при закате солнца. Злобные старухи без головного убора, стоя на площадке для рубки дров и держа руки за спиной, сначала 3 раза кланялись на заходящее солнце. Затем брали из зольной ямы (күрендік) 3 горсти золы и, повернувшись задним местом на закат, бросали золу 3 раза сквозь промежность в сторону заходящего солнца.

В этот момент произносилось проклятие. Особо спасным считалось магическое заклинание матери, ибо оно обязательно достигало цели. Например, подлеца, оскорбившего и бросившего на произвол судьбы родителей, проклинали следующими словами:

«Пусть твои зубы наткнутся на камни!
Пусть твоя спина обгорит на солнце!
Пусть твоя голень не поместится на дороге!
Пусть твоя голова не пройдёт через двери!
Пусть будет твой уход!
Да пусть не будет твоё возвращение!»

Пословицы и поговорки носили хакасское название «сөспек». Эти памятники народной мудрости, созданные на протяжении всей истории хакасов, являлись результатом наблюдений за жизнью и окружающей природой. В них заключена народная философия и мораль, отражена любовь к своей Родине, семейные отношения и т.д. Например: Чужая земля с накипью, своя земля с маслом; хоть и низкая, но у меня есть родная гора, хоть и мелкая, но у меня есть родная река и т.д.

Среди малых жанров хакасского фольклора заметны признаки общности культуры тюрко-монгольских народов, выраженные в одних и тех же пословицах и поговорках. Например: Если треснула голова, то она в шапке, если сломается рука — то в рукаве, т.е. нельзя выносить сор из избы: Благо, когда рядом дрова, благо, когда далеко близкая родня; не бери дочери у плохой матери, не садись на почётное место у плохого хозяина; моча лягушки для озера польза; капля дождя для моря польза; т.е. и бородавка телу прибавка; разборчивая девушка натывается на плешивого, долго выбирающий опору — на лёд; не бравируй, что ты бай, не печалься, что ты бедняк; длинный подол ноги опутывает, длинный язык — голову; потерявший семь раз грешен, т.е. подозревает каждого; чужая лошадь потливая, чужая одежда грязная и т.д. Точно такие же пословицы и погов-

ворки известны среди алтайцев, тувинцев, киргизов, казахов, калмыков и даже карачаевцев и балкарцев.

В фольклоре хакасских скотоводов отражены прекрасные знания повадок животных и умение сравнить их с человеческими поступками. Например: хорошей лошади (достаточно) одной петли, плохой — тысяча, хорошему человеку (достаточно) одного слова, плохому — тысяча; лошади узнают друг друга по ржанию, люди знакомятся через разговор; детёныш волка не станет собакой; будущего коня видно по жеребёнку, будущего человека видно с детства.

Надо отметить наличие целого ряда пословиц и поговорок, характерных для народов Саяно-Алтая и киргизов. Например, хакасы говорят: корова поведёт стадо на ямы и обрывы, бык поведёт стадо к воде и горам т.е. только мужчина способен управлять обществом. Точно такая же пословица бытует у киргизов: «Если корова поведёт (стадо), то на кривой яр, если бык — то на вольное пастбище». Овца, даже если боится — умрёт, мужчина, даже если не боится — умрёт, т.е. смерти не миновать. У киргизов подобная пословица звучит так: «Даже если не боится — овца умрёт, даже если боится — овца умрёт». Хакасское назидание «с мужчиной не препирайся, с удалцом не борись», находит свою параллель у киргизов: «С народом не спорь, с мужчиной не воюй». «Слово взрослого держи рядом — говорят хакасы — слово старого положи в мешок», т.е. надо прислушиваться к мудрости стариков. Точно также — «слово старых положи в мешок» — рассуждают алтайцы и киргизы. С хакасской поговоркой — «человеческий язык — железная кожемялка» или «от человеческого языка треснул даже камень», т.е. языком можно уговорить любого человека, солидарны и киргизы, и алтайцы и, даже, калмыки. Хакасская пословица — «резвость ног — к пище, быстрота языка — на свою голову» (азах чүгүрігі — асха, тил чүгүрігі — пасха) отмечена нами в таком же звучании у алтайцев (тил іүгүрүги — пашка, бут іүгүрүги — ашка) и у киргизов (аяк жугуругу — ашка, тил жугуругу — башка). Некоторые общие пословицы связаны с общественными отношениями. Выстреленная стрела от камня не вернётся, — говорят хакасы — отправленный посол хана не испугается (атхан ух тастаң нанмас, ысхан илці ханнаң чал-

танмас)». Точно также рассуждали алтайцы (аткан ок таштан іанбас, атанган элчин іолдон іанбас) и киргизы (аткан ок таштан кайтпайт, элчи кандан тилин тартпайт). Вполне возможно, что подобные высказывания возникли в пределах единой политической системы — Кыргызского государства.

Многие устойчивые сравнения и фразеологизмы едины для фольклора народов Саяно-Алтая и киргизов. Например, когда говорят о холёных детях, выросших в домашних условиях, то применяют выражение: «Живёт как почка в сале, как губчатое вещество в середине кости». Подобное сравнение имеется у тувинцев: «как почка в сале, как табак в табакерке» и у калмыков: «живет как почка в сале, как желток в яйце». В том случае, когда жалуются на тяжёлую свою долю, то произносят: «Я ел пищу из собачьей чашки, я видел солнце через ушко иголки» (іт айагынаң ас чідім, іңе көзінең күн көрдім). Точно также говорят алтайцы (ийттин айагыдан аш ичер, ийнениң көзиден күн көрер). Чтобы сказать о конце застолья богатыря в фольклоре применяется следующая идиома: «По его горбинам бульон наполнился, по его извилинам мясо наполнилось (пүгүріне мүн толды, игіріне ит толды)». Подобное выражение встречается у алтайцев и киргизов (игіріне эт толды). По отношению к маленькой юрте, из которой выходит дымок, применяют следующую поэтическую форму: «Из юрты величиной с сердце струится дым, похожий на спинной мозг» (чүрекче ибдең чүлүмче түдүн сыхча). Точно также это выражение звучит по-алтайски. (іүрекче айыл турды, іүлүнче түдүн чыкты) и по-киргизски (журектей уйден жулундей тутун чыгат) и т.д.

Хакасские загадки — «сиспек» или «тапчаң нымах» составляют значительную часть малого жанра фольклора. Они широко бытовали и развивали сообразительность среди подрастающего поколения. Вечерами молодёжь собиралась у кого-нибудь в юрте и, часто до утра, проводила соревнования, блистая своими умственными способностями. Кто не смог отгадать загадки, того со смехом «продавали» старым людям аала, девушек — старику, а парней — старухам. Подобная игра бытовала и у алтайцев. Согласно хакасским обычаям, запрещалось загадывать загадки по дороге, иначе горные хозяева могут навредить.

Среди загадок довольно много оригинальных произведений, характерных для социально-экономических условий Хакасии. Например: Вершина дырявая, нутро червивое (юрта). Маленький Меденек меня поднял (стремя). Чёрный, но не ворона, рогатый, но не бык (жук). Поверхность перламутровая, внутренность жемчужная (рыба и икра). В простом поле кипит чёрный котёл (муравейник). В пузырь кровь налил, на молодой тальник привязал (красная смородина). Если в воду зайдёт — тысяча, если из воды выйдет — один (хвост лошади). Если в воду зайдёт — не размокнет, если на гору поднимется — не рассохнет (копыто лошади) и т.д. Плавка железа в кузнечном горне у хакасов обозначается следующей загадкой: «Солнце бушует, колонок шипит, змея ползёт, звезда варится» (Күн кўрлепче, сар сарлапча, чылан чылча, чылтыс пысча).

Аналогичные тексты мы встречаем в фольклоре алтайцев: «Ветер дует кюрр-кюрр, хорёк рычит, тощий верблюд хребет сгибает, змея-огневка рот разевает» (кўрр-кўрр — кўркўрейт, кўзен чарлайт, арык төө белин бурат, окылан оозын ачат) и у киргизов «гром гремит, плод грохочет (кун куркурейт, кумен шаркырайт)». Приведённые фольклорные данные свидетельствуют о древности металлургического производства указанных народов. Выражение хакасской загадки «звезда варится» возможно говорит о метеоритном железе, которое применяли в Кыргызском государстве.

Вечерами молодёжь собиралась у кого-нибудь дома и часто до утра проводила соревнования на сообразительность. Есть очень остроумные загадки. Например: «В огне не горит, в воде не тонет» (имя человека), «На чёрном шёлке рассыпаны бусы» (небо и звёзды) и т.д. Не отгадавшие загадки участники вечеринок в качестве штрафа за свой счёт угощали собравшихся.

Танцевальное искусство хакасов, как и других народов Сибири, восходит к древним охотничьим и скотоводческим культам. В основном, танцы состояли из пантомимы и подражания повадкам животных и зверей. Традиционные мелодии песен (ыр, сарын) не имеют большого разнообразия, особенно у населения долины Абакана, где господствует унылый однообразный мотив. В июских степях на севере Хакасии песни более мелодичны и приятны на слух. Особенно интересно

слушать древние плачи (сыгт) и песни об известных князьях (Оджен-бег, Ханза-бег и др.). Стихосложение хакасских песен имеет тот же закон и форму, как и у других тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Конечная рифма не обязательна, но, как правило, необходима начальная аллитерация и параллелизм построения фраз.

У хакасов встречаются самые различные музыкальные инструменты — ударные, духовые, струнные, смычковые, шумовые. Их насчитывается около 15 видов. Наиболее древним, вероятно, надо считать бубен, который был взят на вооружение шаманами. Смычковые инструменты (ых), как у всех азиатских народов, держались вертикально на колене. Делались они из одного куска дерева (кедра) с длинным грифом, резонансный ящик затягивался кожей.

Самый распространенный музыкальный инструмент, принадлежащий исключительно хакасам, называется «чатхан». Это длинный полый ящик с концами, загнутыми в виде бараньих рогов. На верхней стороне натянуты 7 или 9 струн из проволоки или бараньих кишок. Согласно легендам, в древние времена волшебная музыка находилась в руках семи безглазых великанов-сыгыров. Он был выкраден одним смышлёным мальчиком и таким образом попал к хакасскому народу. В настоящее время в Хакасии при музыкальном училище создано отделение национальных музыкальных инструментов. Имеется государственный ансамбль хакасских песен и танцев «Улгер».

§ 2. Хакасский календарь и календарные праздники

Хакасами была создана своя система измерения времени и пространства. До присоединения к России они пользовались своим календарем. Ещё в период Кыргызского государства, как сообщали восточные летописи, население с помощью «двенадцати животных считают годы». В настоящее время память о двенадцатилетнем животном цикле — «мүче» сохранили только люди преклонного возраста. Каждый год носил имя оп-

ределённого животного и, согласно народным представлениям, имел свои признаки и особенности. Например:

1. күске чылы (год мыши) — хороший, тёплый год;
2. інек чылы (год коровы) — холодный год;
3. түлгү чылы (год лисицы) — плохой год;
4. хозан чылы (год зайца) — холодный год;
5. килескі чылы (год ящерицы) — хороший год;
6. чылан чылы (год змеи) — тёплый год;
7. чылгы чыл (год лошади) — тёплый год;
8. кізі чылы (год человека) — холодный год;
9. хой чылы (год овцы) — холодный год;
10. таңах чылы (год курицы) — хороший год;
11. адай чылы (год собаки) — год недостатка молочных продуктов (качинцы);
12. турна чылы (год журавля) — тёплый, хороший год (сагайцы);
13. сосха чылы (год свиньи) — трудный год (качинцы);
- ёскі чылы (год козы) — хороший год (сагайцы);

Из пяти «мүче» складывался век — «пүкүл», в котором насчитывалось 60 лет. Каждый из пяти «мүче» носил определённую цветовую символику, соответствующую пяти стихиям: синий (көк) — цвет неба, красный (хызыл) — огня, белый (ах) — воды, чёрный (хара) — земли и зелёный (от көк) — растительности. Подобное представление, вероятно, было заимствовано от монголов.

Год начинался с периода весеннего равноденствия. Хакасская система счёта времени (тус, самал) фиксировала короткие промежутки светового дня, суточный период, месяцы и лунные годы. Вместо минут и часов употребляли следующие понятия: «інек мүўреенче» — время мычания коровы; «хан пысханча» — время, когда сварится кровяная колбаса; «чай хайнаанча» — до тех пор, пока не закипит чай; «тамкы тартханча» — время выкуривания одной трубки табака; «пір хазан сыхханча» — время перегонки одного казана айрана, что соответствовало полутора часам. Летом солнечными часами у хакасов служила юрта, двери которой строго ориентировались на восток, а внутреннее убранство имело традиционное расположение. Когда солнце поднималось на «длину повода коня», то лучи освещали внутренний круг дымохода. В это время скот выгоняли на пастбище. Затем солнце, поднявшись «на высоту

аркана», проникало к женскому изголовью кровати, что соответствовало летом 8-9 часам утра. Это считалось временем завтрака. Далее солнечный луч, медленно продвигаясь по северной (женской) стороне, освещал первую буфетную полку (кiчiг iлгöр) и к обеду достигал второй полки (улур iлгöр). К четырём часам вечера луч падал на кадку с айраном. В это время надо было пригонять домой телят. Наконец, солнце скользило по верхней части дымохода над дверью и исчезало из юрты. Это означало, что солнце опустилось на «длину повода коня» и наступила пора загонять скот в хлева и доить коров. Ночное время определяли по положению незаходящих созвездий Большой Медведицы (Читiген) и Малой Медведицы (Ах ат, Кöк ат чылтыс), по зимнему Ориону (Ус муйгах) и Плеядам (Улгер, Күрген), по проявлению Венеры (Солбан) и Сириуса (Кöкетеi). Согласно хакасским легендам, деление месяца на недели связано со счётом половин лунных фаз, и было предложено культурным героем Күлчалаас. Воскресенье носило название «позырах» — красный день. Он считался праздником. Понедельник — «пас күн» (начальный день); вторник — «тöй күн» (чётный день); среда — «саарсых күн» (нечётный день); четверг — «тöрт хоных» (четвёртые сутки); пятница — «пис хоных» (пятые сутки); суббота — «чичiме». С каждым днём недели существовали свои приметы, поверья и запреты.

Хакасский месяц насчитывал 30 дней. Он делился на две фазы: «ай наазы» — новая луна и «ай иргiзi — старая луна. На 14-й день наступало «белое полнолуние» (ах толы), 15-й день носил название «красное полнолуние» (хызыл толы) и был последним днём новой луны. По представлению хакасов, в день красного полнолуния месяцу обрезали горло, и он, обогранный кровью, медленно начинал умирать. Счёт старой луны вели в обратном направлении. На второй день старой луны месяц исчезал из поля зрения. Время рождения нового месяца называлось «ай аразы», т.е. междулуние. В момент рождения месяца, по хакасским поверьям, небо внезапно озарялось. Озарение неба мог увидеть только счастливый человек, который сразу должен был лечь на спину, схватить из-за правого плеча любой попавшийся предмет и произнести заветное желание. Например, если проговорить «тöнiс пай полим» — «буду вечным баем», то человек станет очень богатым. Некоторые ленивцы, думавшие без труда разбогатеть,

верили в подобные сказки и специально в междулунные караулили всю ночь озарения небосвода.

Луна и Солнце являлись почитаемыми светилами. Каждое утро хакасы поклонялись на восход солнца. При молении мужчины опускались на правое колено, женщины — на левое и, держа руки за спиной, три раза отбивали поклоны головой, прося благополучия «черноголовому народу и пасущемуся скоту». Луне молились каждый третий день новолуния. На колени не опускались, но руки держали за спиной и три раза наклоняли голову. Соблюдение обряда почитания каждого новорождённого месяца требовалось со стороны беременных женщин. При троекратном поклоне головы они произносили заветные слова: «айым—күнім чалтырапчат, мин төлім чалтырадим!» — «Сияйте мои луна и солнце! Пусть живёт моё потомство!» Хакасы с азиатской почтительностью соблюдали такую же форму поклона перед государственными властями.

«При почтительном поклоне перед начальством, — писал о хакасах А.К. Кузьмин, — ясашные прячут руки за спину и несколько приседают, в важных случаях падают ниц».

Запрещалось показывать рукой на луну. Если это случайно произошло, то произносили заклинание: «Я не вижу, а видит колотушка». В хакасском фольклоре приводится пример, как одна девочка ночью пошла за водой и показала Луне кукиш. Та тотчас же спустилась на землю и забрала её с собой. Хакасы, как и многие другие народы Саяно-Алтая, при справлении своих естественных потребностей не должны поворачиваться обнажёнными местами в сторону солнца и луны.

Серп («охчаа-кіріс» — букв. лук с тетивой) молодого месяца появляется на небе на третий день новолуния. До этого, как говорят хакасы, он виден только собаке через игольное ушко. Подобное представление бытовало у якутов и монгольских народов.

При появлении нового месяца обязательно окуривали богородской травой юрту с новорождёнными младенцами. Пятый день новолуния наиболее благожелательный день для проведения свадьбы и создания новой семьи. Охотники в этот день декабря отправлялись из тайги домой. Седьмой день новолуния считался удачным для камлания. На восьмой день луна приоб-

ретала вид отрезанной пополам булки и носила у хакасов название «тартпа кіріс» — натянутая тетива. На девятый день новолуния месяц становится выпуклым (топтах). Этот момент был благоприятным для камлания богине Умай, дающей зачатие женщинам. День белого полнолуния (ах толы) считался самым счастливым. При новолунии совершали перекочёвки, устраивали новоселья, лечили больных и ставили ызыхи (освящаемых животных, служивших оберегами стада) и т.д. При старом месяце обычно обращались к духам умерших и делали поминки. Немощные, прожившие свой век, молились о смерти. В этот период нельзя начинать новые дела.

Согласно хакасской мифологии, на Луне обитает семиголовое чудовище Чилбиген, помещённое туда творцом за свою прожорливость. Он хорошо виден на полнолуние. Лунное затмение «ай өлгені» (букв. умирание Луны), согласно одним версиям фольклора, происходит из-за Чилбигена, желающего её проглотить, а по другим — из-за злой колдуньи, которая своими распущенными волосами закрывает её. Колдунья поднимается на небо по белой шелковой нити, которая в виде луча протягивается от вогнутой в порог юрты шила или ножниц. В период затмения производят невероятный шум: «Луна умерла! Обязательно стреляют в неё из ружья, иначе колдунья или Чилбиген не испугаются и не отпустят жертву. Окончание затмения является большой радостью для всех людей, ибо они помогли Луне освободиться от напасти.

Во время солнечного затмения «күн өлгені» (букв. умирание солнца) поступали точно также. Стучали в медные тазы, крутили до визга уши собакам, стреляли из ружья вверх. Подобные обряды выполняли урянхайцы Китая, у которых считалось, что солнце может услышать крики однородного сына и лай суки.

Отправляясь в дорогу, жители Хакасии первым делом осматривали небо и по светилам прогнозировали изменение погоды.

Когда вокруг солнца или луны появлялся ореол или радужные «уши», то это служило приметой к холоду и ненастью, т.е. зимой к снегу, а летом — к дождю. Если солнце заходило с «ушами», то завтра ждали тепла, а при восходе — к холоду.

Когда перед восходом солнца небо облагрилось, то будет ясно. Если серп новорождённого месяца расположен наклонно или прямо, но виден отчётливо, с острыми загнутыми концами, то будет холодная погода, а если стоит прямо, с расплывчатыми концами — то теплая. Красные оттенки новорождённого месяца свидетельствовали об изменении погоды и т.д.

Отсутствие дождя при рождении новой Луны свидетельствовало о будущем сухом месяце. Если на девятый день новолуния пойдёт дождь (летом) или снег (зимой), то ожидался дождливый или снежный месяц. Как говорили, Луна умывает своё лицо.

Если на восьмой день новолуния пойдёт дождь, то он длился до полнолуния, а если дождя не было, то в этот отрезок времени его не ждали. Если на полнолуние не потеплело, то морозы продлятся до восьмого дня старолуния. Идентичные представления бытовали и у других народов Саяно-Алтая.

С сочетанием небесных светил хакасы связывали не только будущие урожаи посевных, но и с тем, как будут пополняться их стада овец и лошадей.

Хакасы пользовались лунным календарём, в котором начало календарного месяца соответствовало моментам новолуний.

Январь в степной части Хакасии носил название «Күрген» — месяц Плеяд. Начиная с октября (на 15 день новолуния) и кончая апрелем (на 3 день новолуния), один раз в месяц лунный диск «покрывает» это созвездие. В январе хакасы наблюдали видимое схождение Плеяд с Луной (айнаң хонысханы) на девятый день новолуния и по ним определяли будущий год. Если Луна «покрыла» их, то будет холодный год, если прошла рядом, то — урожайный. На третий день новолуния в апреле соединение Плеяд с Луной могла якобы увидеть только собака. По представлениям хакасов, это холодное созвездие на лето опускалось в подземный мир к своему творцу Эрлик-хану, где его созерцали только души умерших людей (үзүт).

Сопоставление движения Плеяд с прибывающей Луной (на 15, 13, 11, 9, 7, 5 и 3 день новолуния), определение по ним будущего месяца и прогноза погоды бытовало не только среди хакасов, но и у всех тюрко-монгольских народов, что указывало на историческую связь с древними тюрками, у которых Плеяды играли заметную роль в календаре.

Сагайцы и шорцы январь называли «чил айы» — месяц ветров. Под таким же именем он был известен у таёжных жителей Северного Алтая — кумандинцев, челканцев и тубаларов. У бельтыров январь носил название «үзүрген айы» — месяц икрометания налима. Не исключено, однако, что в данном случае встречается искажённая форма «күрген».

В начале января, по народным приметам, день прибавляется на шаг птицы, а в конце месяца — на длину верёвки для привязки телят (чиле). Любопытно отметить, что у соседних народов, где январь связан со словом «куран» — горный козёл, считалось, что день прибавляется «на скачок горного козла».

Февраль обозначали «пөзіг» — месяц высокого восхождения солнца. По народным приметам в это время солнце поднималось «на длину аркана». Северные хакасы, живущие в долине Июсов, именовали февраль «хузургул» — месяц орла. Это был период сильных ветров, когда сдуваются даже гнёзда орлов. Подтаёжное население южной Хакасии — сагайцы и шорцы нарекли его «азыг айы» — месяц медведя. В феврале медведи якобы переворачиваются во сне на другой бок.

В хакасских сказках январь выступает жестоким: «Я самый лютый месяц, — говорит он, — толстый лёд, не выдержав моего холода, трескается пополам, а у яловых кобылиц только на крупе сохраняется сало». В ответ ему хвастливый февраль заявил: «Если бы я был на твоём месте, то трёхлетнему быку отморозил бы рога, а у яловой кобылицы треснул бы круп пополам». Однако сам он уже был подвержен дыханию весны.

Март в степной части Хакасии (у качинцев, койбалов и части сагайцев) именовался хааң, т.е. месяц возвращения перелётных птиц, гомон которых по-хакасски звучит «хааң-хооң». У кызыльцев он назывался «харга айы» — месяц вороны. Вороны, радуясь возвращению перелётных птиц, приветствуют их своими криками. Подтаёжное население южной Хакасии именовало март «көрік айы» — месяц бурундука. В это время наступал гон указанных зверьков, и они резвились в тайге. Последнее название имеет полную аналогию с календарём северных алтайцев, а также с кетским и сельпукским определениями этого месяца.

Согласно хакасским сказкам, медведь и бурундук однажды в это время поспорили о количестве дней в месяце. Медведю не хотелось вылезать из берлоги, и поэтому он утверждал, что в месяце 31 день. Однако бурундук ему возражал, и доказал, что после своего рождения Луна 15 дней возрастает и затем 15 убывает, а всего, значит, 30 дней. Не имея больше аргументов, медведь в сердцах схватил его лапой, отчего на спине у бурундука остались чёрные полосы. Но с тех пор, как только наступает месяц бурундука, медведю приходится расставаться со своим сладким сном в берлоге.

Апрель у качинцев называется «хосхар» и, вероятно, относится к общетюркскому слову «кочкар» — баран. В этом месяце происходил окот овец и начиналась их стрижка. Подобное название для февраля «кочкар» — месяц горного барана, имеется в алтайском календаре. Как видим, охотники и скотоводы Саяно-Алтая применяли для обозначения месяцев названия зверей и птиц, напоминающие имена двенадцатилетнего животного цикла.

Кызыльцы апрель знают как «кёёк айы» — месяц кукушки. Южная группа хакасов — бельтыры называют март «арган кёёк» — месяц ложной кукушки, а апрель «сын кёёк» — месяц истинной кукушки. Подобные хрононимы ложных и настоящих животных известны, например, у киргизов, где март называют «жалган куран» — не настоящий горный козёл, а апрель «чын куран» — истинный горный козёл. Название месяца кукушки встречается у алтайцев, бурятов, монголов, у которых он впервые упоминается в письменных источниках XV в.

По хакасским мифам, кукушка — это бывшая девушка, которая в результате безутешного плача превратилась в вещь птицу. Когда она возносилась из своей юрты в небеса, мать успела схватить её за один башмачок. Отсюда считают, что у кукушки разноцветные ноги, а из снятого башмачка выросли цветы — «кукушкины сапожки». Во время первого крика кукушки, по хакасским поверьям, нельзя выходить утром на улицу без приёма пищи. Если услышишь впервые ее голос на тощак, то весь год будешь голодным. Поэтому надо обязательно промолвить «мин тохпын» — я сыт, и кукушка будет обманута. У тюрков Саяно-Алтая крик священной кукушки служит сигналом пробуждения природы, когда начинает зеленеть трава и появляются листья на деревьях.

Подтаёжное население южной Хакасии — сагайцы и шорцы, а также северные алтайцы, где земледелие было традиционным занятием, именовали апрель «хыра айы» или «абыл айы» — месяц начала пахотных работ.

Май в степной части Хакасии носил название «силкер» и понимался как месяц одевания деревьев листвою, когда природа «встряивалась ото сна». Кызыльцы определяли его по годовому сезону «кічіг ізіг» — месяц малой жары. Идентичное название бытовало у алтайцев.

Сагайцы, шорцы и бельтиры в связи с хозяйственной деятельностью май обозначали «пис айы» или «хандых айы» — месяц заготовки кандыка. Кандык, как и сарана, имел большое значение в питании народов Саяно-Алтая, что получило отражение в календаре. Якуты, продвинувшись из Южной Сибири на север, в своей памяти сохранили для начала лета реликтовое название «бес айы» — т.е. месяц кандыка. Однако, в Якутии, где этот съедобный корень не произрастает, термин «бес» перенесли на сосновую заболонь, заготовка которой соответствовала значению кандыка. Данный факт ещё раз подчёркивал этнокультурную связь якутов с Саяно-Алтайским регионом.

В мае звучали первые раскаты грома, служившие вестником Нового года. При первом громе надо было, обежав вокруг юрты, окропить небо и землю первым айраном и произнести «Пусть выйдет старый год, пусть зайдёт новый год! Пусть скот даст много молока!» По всей видимости, в древние времена первый весенний гром связывался с наступлением Нового года (Наа чыл). Подобные представления существовали и у других тюркских народов. Например, по якутскому календарю Новый год наступал в мае. Хакасы считали, что если первый гром прогремит с северной стороны, то много молока будут давать коровы, если с южной — то кобылицы, если с восточной — то овцы, если с западной — то много молока будет у собак.

«Дорогою грома» — так в переводе на русский язык называют хакасы радугу. Согласно народным преданиям, если пройти под ней, то мужчина превратится в женщину, а женщина станет мужчиной. Такой человек будет вечно молодым. Совершенно идентичные представления встречаются среди турков, балкарцев и карачаевцев.

Июнь назывался «тос айы» — месяц сдирания бересты. Название сохранилось с тех времён, когда хакасы жили в берестяных юртах и требовалось заготовка большого количества бересты. У кызыльцев июнь считался месяцем большой жары. — «улуғ ізіг». В связи с летним солнцестоянием сагайцы и шорцы называли его «улуғ ай» — месяц больших дней. У бельтыров, согласно их хозяйственной деятельности, он был известен под именем «сип айы» — месяц сараны (см. табл.).

Июль совпадал с периодом сенокосения — «от айы», а август относился к месяцу жатвы — «орғах айы».

Первый месяц осени сагайцы, шорцы и бельтыры называли «үртүн айы» — месяц обмолота хлеба. В степной части Хакасии для него существовал хроним «сарыг пұр» — жёлтый лист или «үлгер» — время восхождения Ориона. В конце августа на небосклоне появляются созвездия Плеяд и Ориона, с которыми приходят холода, и удлиняется ночь.

Согласно хакасским мифам, Орион — это души трёх маралух, превратившихся в звёзды. В древние времена в Хакасии жил богатырь Кокетей, который спас и вскормил щенка, рождённого из яйца турпана. По хакасским поверьям, турпан разбивает впервые снесённое яйцо, иначе из него рождается мифическая собака Хубай хус. Во время охоты от неё не может скрыться ни один зверь, ни одна птица. Однажды Кокетей вместе с крылатой собакой Хубай хус погнался за тремя маралухами. Загнанные звери попросили помощи у богов и были взяты на небо. Кокетей был превращён в звезду Сириус (Кокетей чылтыс). Там он вместе со своей собакой Хубай хус должен вечно гнаться за тремя маралухами (ряд из трёх наклонно расположенных звёзд Ориона). Кокетей стреляет в этих зверей. Стрела Кокетея (звезда Бетельгейза) ранила одного из маралов и имеет окровавленный цвет. Только в «последний год» мира Кокетей сойдёт на землю и поможет людям. Катастрофа наступит тогда, когда на концах ушей зайца исчезнут чёрные пятна, и хвост горностая станет полностью белым. Каждый год у них выпадает по одной чёрной волосинке. Охотники, отправляясь в тайгу, поклонялись своему кумиру Кокетею (Сириусу) и просили об удаче на промысле. Сюжет о космической охоте и погоне за мифическими животными распространён у многих народов Сибири, для которых таёжные промыслы являлись важной хозяйственной деятельностью.

Октябрь в степной части Хакасии назывался «кичкер», т.е. месяц малых морозов, когда леденеют малые реки. Другое название октября — «чарыс айы» (букв. разделённый месяц) связано с осенним равноденствием. Считалось, что в это время зима вступила в борьбу с летом. В октябре обычно падало много звёзд. Падающая звезда называлась «тор». Если тор упадёт на территорию аала, то будут вымирать люди, если в степи — то скот. Иногда тор представляется в виде красивой девушки, которая может свести с ума парня. Для того, чтобы узнать это, надо взглянуть на спину этой девушки — тор, где видны будут сквозь неё сердце и легкие. Но тор никогда не поворачивается спиной. Поэтому для определения истины необходимо посмотреть на неё через свою подмышку.

Ноябрь именовался «хырлас», т.е. месяц больших морозов, когда леденеют большие реки. Кроме того, подтаёжное население Хакасии обозначало его «хуртуях айы» — месяц старухи. В этот период, как объясняют хакасы, день становится настолько короток, что, пока страуха оденется, ластупает вечер.

Декабрь называется «алай» или «улай», т.е. месяц исторжения воплей из-за большого мороза. Подтаёжное население Хакасии нарекло его «кічіг ай» — месяц коротких дней. В этот период высота солнца в полдень достигает «длины конских пут», т.е. своего предела и поворачивает назад. Считается, что оно «заснуло».

Лунный год по количеству дней расходился с солнечным календарем. Для соответствия через каждые три года добавлялся дополнительный тринадцатый месяц. У сагайцев это был, вероятно, «кічіг көрік» — месяц малого бурундука (после марта), у качинцев — «кічіг силкер» — малый силкер (после мая), у бельтыров — «ал сип айы» — месяц алой сараны (после июня). Високосный год (артых чыл) считался годом Эрлик-хана. Через каждые три года, в тринадцатый месяц, Эрлик-хан выглядывал из подземного мира. Там, куда был направлен его взгляд, происходили стихийные бедствия. Под влиянием христианства високосный год некоторые хакасы стали называть Касьяновским (Касиян худай).

Хозяйственно-годовой цикл был отмечен рядом праздников. Весной после окончания посевных работ отмечали «Урен

хурты» — праздник убиения зернового червя. Он посвящался благополучию посева, чтобы червь не погубил зерно. Жители аалов выходили на пашни, где устанавливали столики с едой (саламатом) и напитками, приготовленными из остатков прошлого года ячменя (урен хурты арбазы). Почётный старец брызгал горам хакасским ячменным квасом абыртхы и читал заклинание:

«Тараан хырача тас пүтсін!
Салган хырача сарысха чіаіш!
Харыс читпес пастыг тамах ползын!
Тудым читпес төстіг ас ползын!»
«Пусть на посевной пашне образуются камни!
Пусть посевы съест кобылка!
Пусть вырастет хлеб с колосом менее четверти!
Пусть вырастет хлеб с корнем менее горсти!»

Вероятно, от подобного заклинания ждали обратного результата. В конце ритуала, после окончания кропления, старец производил гадание — «төрік», бросая через плечо чашку с ложкой. Если данные предметы падали отверстием вверх, то это предвещало хороший урожай, и все кричали «ах төрік», т.е. белая судьба. Но если они упали вверх дном, то народ с сожалением восклицал «хара төрік», т.е. чёрная судьба с плохими последствиями. До тех пор, пока не совершат гадание, за стол не садились. После этого собравшиеся на поле потчевали друг друга вином со словами: «Урен хуртын тайна!» — «Жуй зернового червя!» или «Урен хуртын өдірчөбіс» — «Убиваем зернового червя!». Подобный обычай существовал и на Северном Алтае. Под влиянием христианства во время праздника «Урен хурты» на пашне стали разбрасывать скорлупу от крашенных на Пасху яиц, вероятно, с сакральным смыслом «оплодотворения» земли. После ритуальной части пахари мыли лицо и ополаскивались в тазу, а воду выливали на пашню. Согласно хакасской традиции, с первого дня посевной компании не умывались, чтобы не смыть счастье и не обидеть землю своим брезгливым к ней отношением. За время сева пахари не должны были спать с жёнами, иначе вырастут сорняки. После праздника «Урен хурты» мужу разрешалось приступить к своим супружеским обязанностям. Остатки приготовленного на праздник вина «очы хазан» допивали на следующий день, обходя гурьбою каждую юрту аала. Обычай взаимного приглашения «хыыртызыг» до сих пор практикуется в дни гуляний*.

В конце мая — начале июня после перекочёвки скотоводов с зимника на летник устраивали Тун пайрам — праздник первого айрана. В это время перезимовавший скот поправлялся на первом зелёном корму и появлялись первые молочные продукты. Праздник «Тун пайрам» был связан с почитанием скотоводства — основы традиционного хозяйства. Для него готовились первые молочные продукты, заводили первый айран, шили новые национальные платья. Из айрана перегоняли первую араку (пасчы хазан). В определённый день жители нескольких аалов собирались утром на ближайшей горной вершине или в степи, где устанавливали берёзки, коновязь для ритуального коня и разводили костёр. Почтенный старец кроплением айрана на костёр, берёзки и коня благословлял небо, землю и желал, чтобы скот и молочные продукты не переводились среди скотоводов. Первый айран и первая арака считались лекарственными напитками. Их нельзя было проливать на землю. По обычаю, вся приготовленная первая молочная пища должна быть съедена за время праздника, оставлять её на следующий день запрещалось.

После ритуальной части устраивались спортивные состязания: бега, конные скачки, стрельба из лука, традиционная борьба (күрес). У каждого народа существовал свой вид национальной борьбы. Хакасы боролись, подпоясавшись кушаками. Борцам необходимо было держаться за кушаки и бросить соперника на землю так, чтобы он потерял две точки опоры.

Самое любимое спортивное развлечение скотоводческих народов — конные состязания. Эти конские ристалища имели древние устоявшиеся традиции и разработанные до мельчайших подробностей правила. Хозяева скакунов сами в забеге не участвовали, а садили мальчиков-подростков. Седоки держались на конях без седел, а для отличия на голову повязывали платок определённого цвета. На скакунов ставили крупные заклады — до 300 рублей деньгами и до 100 голов крупного рогатого скота. Выигравший пари ставил угощение всему собравшемуся народу.

Айранные и кумысные праздники были характерны для многих скотоводческих народов Сибири и Центральной Азии. У тувинцев он назывался «Дун-хойтпак», а у якутов — «Тунах ысыах».

В первые годы Советской власти этот праздник прекратил своё существование. Только в 1980 г., в связи с 50-летним юбилеем Хакасской автономной области, было решено восстановить и проводить регулярно «Тун пайрам». В новых условиях он получил и новое содержание.

Осенью после жатвы устраивали «Уртүн тойы» — праздник урожая. Из молодого зерна готовили бузу (поза) и перегоняли её на водку «тун арага». Застолье делали прямо на току. Совершалось ритуальное кропление окружающим горам и читалось благословление земле. В конце пашни оставляли пучок несрезанных колосков «хыра ўлүзі» на счастье. Их завязывали цветными ленточками.

После перекочёвки с летника на зимник отмечали «Айран солындызы» — праздник последнего айрана. Он совпадал по времени с христианским Покровом (1 октября). С раннего утра собирались сначала у самого пожилого человека в аале. Затем целый день гуляли, переходя компанией из юрты в юрту.

Зимних праздников хакасы не знали. Под влиянием христианских обрядов стали отмечать Рождество «Кёледе», во время которого ряжеными (хубулчах, тўрленчїк) ходили колядовать. Среди хакасов успешно пустили корни и другие христианские праздники: Крещение — «Мылтых», Масленица — «Хайах», Пасха — «Хызыл нымырха», Троица — «Тросин». В данной работе мы их не рассматриваем, также как и традиционные общественные жертвоприношения «тайыг», относящиеся к религиозной жизни.

В 1991 г. в связи с образованием Республики Хакасия был проведён новый праздник «Ада-Хоорай», основанный на древних обрядах и посвященный памяти предков. Место проведения его было выбрано на свящённом перевале Уйтаг. Здесь в честь предков был поставлен пятиметровый обелиск «көзее», наверху которого вырезана личина и солярный знак «кўн таңма». Солярный знак, дошедший до нас со времён Окуневской культуры (2 тысячелетие до н.э.), характерен практически для всех каменных изваяний, без которых невозможно представить облик Хакасии. Он связан с почитанием главного небесного светила. Отрадно отметить, что солярный знак как элемент государственной символики изображён теперь на официальном флаге и гербе Республики Хакасия. На обелиске вы-

резаны руническим письмом с транскрипцией на русскую графику имена легендарных предков хакасов, павших в борьбе за независимость своей Родины. Одним из первых среди них идёт имя Барс-бега — первого кыргызского кагана, погибшего в битве с армией Тоньюкука в 711 году. Надо отметить, что барс, как и волк, считался тотемным животным тюркских народов и выступал, вероятно, покровителем Кыргызского государства.

Согласно хакасскому обычаю, обелиск повернут своей лициной на восход. Рядом с ним насыпан каменный курган «обаа». Каждый проходящий на моление обязан поднять на гору камень в честь духов Уйтага. Горные хозяева считаются покровителями хакасов.

Ритуальная площадка украшается национальной символикой — флажками «чалама» красного, синего, белого и чёрного цветов. Они символизируют почитание хакасами четырёх стихий: красного огня, синего неба, белой воды и чёрной земли. Моление возглавляет алгысчыл — человек, знающий благословление огню, земле, воде и небу. Ритуальная процессия, состоящая из семи девушек и девяти парней троекратно обходит вокруг обелиска, огня и кургана. Для кормления духов предков забивается жертвенное животное. Его шкура вместе с головой и конечностями устанавливается на специальную подставку «чахы» у кургана в направлении на заход солнца. В ту сторону уходят души умерших. Во время моления хакасы складывают руки за спиной и производят поясные поклоны на восток. Хакасская форма моления отличается от христианской в первую очередь тем, что себя не осеняют крестным знаменем. После каждой молитвы все опускаются на одно из колен (мужчина — на правое, женщина — на левое) и троекратно припадают челом к земле. Общественное моление содействует единению народного духа, поднимает нашу мысль выше обыденной суеты к вечному.

Итак, хакасы в результате многовекового наблюдения за небесными светилами выявили закономерности их движения, которые послужили созданию у них лунно-солнечного календаря. Названия месяцев отразили хозяйственный уклад населения, астрономические наблюдения и природные явления. Наиболее архаичные среди них относятся к периоду первобыт-

ной охоты и собирательства. Хрононимы, используемые населением подтаёжной части Южной Хакасии (сагайцы и шорцы), аналогичны с календарём северных алтайцев и связаны с почитанием охоты, земледелия, пробуждением и засыпанием природы. Национальные праздники, без которых невозможно представить традиционную культуру любого народа, возникли из поклонения родной земле и основы существования кочевников — скотоводства.

§ 3. Хакасский язык и письменность

Хакасский язык (тадар тілі) сохранил очень много архаических черт. Лингвистический анализ лексики языка потомков енисейских кыргызов, угнанная часть которых до сих пор проживает в Китае под Харбином, свидетельствует о факте его близкого родства с хакасским языком. Отсюда следует вывод, что современные хакасы являются наследниками кыргызской культуры. При определении родства языков и этнических культур нельзя опираться только на лексический анализ, но в данной ситуации, когда у народа отсутствует своя писаная история, словарный состав является ярким показателем для реконструкции их прошлого.

Тюрколог М.И. Боргояков, посвятивший одну из своих работ вопросам истории хакасского языка, пришёл к выводу, что в XVIII — XIX вв. коренное население Хакасско-Минусинской котловины говорило на едином тюркском наречии с общим лексическим составом.

Основной словарный фонд хакасского языка (около 60 %) составляет общетюркский лексический пласт. Значительная часть лексики, особенно связанной с хозяйственно-культурной деятельностью, зафиксирована ещё в древнетюркских рунических текстах.

Руническая письменность (пічік), созданная предками хакасов во времена Кыргызского государства, просуществовала вплоть до монгольского завоевания XIII в. На территории Хакасии с той поры сохранилось около сотни памятников «кладбищенской поэзии». Впервые о них миру поведал российский

посол в Китае Н. Спафарий, который в 1675 г. проезжая мимо Хакасии, сообщал: «А до большого порога не доезжая, есть место, утёс каменный по Енисею. На том утёсе есть вырезано на камне неведомо какое письмо, и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы и иные многие такие дела, как сказывают, что в том камне вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого». Неведомые енисейские письма были расшифрованы учёными только спустя двести лет в 1893 г.

Историки отмечают высокий уровень образования в Кыргызском государстве, где имелись свои школы и, возможно, библиотеки. Фольклорные материалы хакасов донесли до нас память об учебных пособиях, применявшихся в древних школьных учреждениях. По поводу обучения грамоте бытует следующая загадка: «Пас-пас, паньцах, пасхан ізін индетпес, аны пілген чыныцах атхан уғын индетпес» — «Пиши-пиши, ручка, написанный след (т.е. букву) не испортишь, познавший письмо китайчонок (т.е. ученик) выпущенную стрелу (т.е. знания) не забудет». В данном примере слово «пан» (по смыслу ручка или грифель), несомненно, связано с древнетюркским «бан» — доска (для письма), а второе отождествляется с «чыны» — китаец. Оба термина ныне с хакасского не переводимы. Для обозначения буквы в фольклоре применяется термин «підер». Например: «Алтын изернің хамағында алтын підерліг пічік пастыр». — «На передней луке золотого седла написано письмо золотыми буквами», «Харысча підерледе пічік пасханнар». — «Написали письмо «аршинными» буквами» и т.д. Исходя из контекста, это слово обозначало вырезанный или даже выбитый письменный знак. По всей видимости, существовали специальные буквари для начального обучения под названием «підерлік». В фольклорных текстах встречаются выражения: «Он познал грамоту (підерлік), которая лучше устных знаний», «зачем тебе обучение по букварю (підерлік) великого князя?» и т.д. Письмо писали на бересте (тос), пергаменте (хуус) и бумаге (чачын, харас). Судя по происхождению слов, бумагу в Хакасию завозили из Китая и Средней Азии. В героическом эпосе выдающиеся богатыри с рождения владеют грамотой: «Отчётливо понимают, раскатисто читают». Они вырезают надписи — «сабыра» на древках стрел, на передней луке седла и каменных стелах. Они читают полученные от богов священные писания

«судур» и книги — «кинде» толщиной в девять четвертей и величиной с черпак. Одна из хакасских загадок гласит: «Агаспазы орам мічік (кізі миізі)» — «Вершина дерева имеет закрученное письмо (мозг человека). Исходя из этого примера, можно предположить, что хакасы представляли мозг в виде книги, в которой отпечатывается человеческая память. В эпоху позднего средневековья кыргызские беги обучались грамоте в Монголии, Джунгарии и, возможно, в Китае. Вероятно, об этом свидетельствуют следующие загадки: «На стягне буланой лошади, пришедшей из Джунгарии (Ойрат), имеется 30 различных тамг, на сером коне, пришедшем из Китая (Хыдат) имеется сорокослойный чепрак (книга)». Однако не исключена возможность, что кыргызские руны дожили вплоть до XVIII в. В российских архивах XVII — XVIII вв. хранились послания и договора хонгорайских бегов, написанные как монгольским, так и «своим татарским» письменами. Например, в 1701 г. при заключении Хонгораем мира с Российским государством князь составил договор «за их татарским письмом». К началу XVIII в. в делах Красноярской воеводской канцелярии накопилось кыргызских «одиннадцать писем, которые писаны на бумаге, да одно письмо на бересте, а подлинно оных писем перевести на русское письмо в Красноярске некому». Некоторые хонгорайские чайзаны обучались монгольской грамоте. В 1684 г. князь Еренак отправил в Красноярск письмо, которое было «писано по-калмыцки». Всего известно три его послания на монгольском языке. Вероятно, в связи с угоном в 1703 г. основной массы населения Хакасии и разрушением всей структуры хонгорайской государственности, письменные традиции были полностью потеряны. В период нахождения хакасов в составе царской России своей грамоты у них не было. Современная хакасская письменность создана в первые годы Советской власти в 1924 — 26 гг. на базе русской графики.

У хакасов существовала своя древняя система обозначения счёта знаками, напоминающими римские цифры. Специальные цифровые знаки существовали для единицы — 1, пятёрки — /, десятки — X, пятидесяти — A, ста — Ж, пятисот — ↑ и тысяча — ж. В зависимости от их комбинации обозначали нужный счёт. Цифровые знаки вырезались на деревянных бирках «киртігес». Ими пользовались для записей количества уплаченного ясака, при счёте голов скота, возов сена и т.д.

§ 4. Народная медицина и ветеринария

В течение многих веков складывался народный опыт лечения людей. Хакасы знали целебные свойства таёжных горячих источников, которые и сейчас пользуются широкой популярностью на Саяно-Алтае. Их действие на организм человека считается универсальным. Лечебные травы составляют основу народной медицины. Зубные боли лечили отваром горькой полыни, семенами белены, ромашкой. От желудочно-кишечных заболеваний применяли отвар шиповника, чёрной смородины. От простуды — отвары вересковых растений и т.д. Сильными лекарствами считаются мускусная железа кабарги, медвежья желчь, мумиё (горная смола), маральи панты, прополис, каменная соль. При молочнице у детей делали прижигание: у мальчиков на макушке и между лопатками, у девочек на груди. Однако в народной медицине было много иррациональных методов, заключающихся в магических действиях. Хакасы поклонялись изображениям различных идолов, которых называли «тёсь». Он представлял из себя стоящую на глиняной ножке берёзовую развилку, к которой были прикреплены медвежья лапа, железное кольцо и подвязаны синие ленточки. Медвежий тёсь сторожил жилище от злых сил и помогал при болезнях нижних частей тела. Если человек заболел, то приглашалась старая шаманка. Обряд совершали только при старом месяце на закате дня. Перед тёсем жгли крупу и сухой борщевик (растение), а больной в это время ему кланялся. Шаманка ударяла по железному кольцу и, совершая обряд кормления Аба тёся, произносила молитвы. После кормления тёсей человек якобы выздоравливал.

Почти все внутренние болезни и различные душевные расстройства хакасы приписывали действиям злых духов. Например, если больной страдал психическим расстройством, то его болезнь якобы происходила от горных духов (таг эззи). Для исцеления необходимо было поставить у дверей юрты священного коня — «ызыха» бурой масти (любимой масти этих духов) и сделать жертвоприношение. При моральной подавленности членов семьи умершего необходимо было изгнать из юрты оставшуюся часть души покойника — «харан», которая якобы тревожила живых.

Камлания, связанные с лечением «души» человека, выполняли, как правило, крупные шаманы — «пугдуры» (в основном мужчины). При различных внутренних болезнях молились фетишам, называемым по-хакасски «тӱс». Для этих обрядов приглашались мелкие шаманы — «чаланчики» или «арбагджы» (в основном женщины). Например, при болях поясницы поклонялись фетишу «ах тӱсу», при воспалении мочеполовых органов — «аба тӱсу», при заболевании зубов и ушей — «хорчаа тӱсу» и т.д.

Лечение любых болезней начинали с обряда окуривания «алас». В качестве дезинфицирующих средств применяли богородскую траву — «ирбен» или можжевельник — «арчын», дымом которых очищали помещение от нечисти. Ароматические травы кладутся на железный совочек с девятью горящими угольками. Больного начинали окуривать с ног, затем кадили над головой и заканчивали окуриванием постели и жилища. В это время лекарь произносил следующие заклинания:

«Алас — алас!
Умывшись водой из Молочного озера,
Окурившись богородской травой из горы Сумеру,
Пусть человек очистится от злых сил!
Пусть дьяволы вернутся в свой мир!
Пусть жилище станет чистым и красивым!
Алас — алас!»

Обряд окуривания младенцев назывался «ызырых». Он применялся в профилактических целях от испуга. При воскуривании на совочек клали девять горящих угольков, девять зернышек ячменя, семь щепоток соли и богородскую траву. Обряд «ызырых» совершали на каждый девятый день новолуния.

Богородская трава действовала на больного лучше плохого шамана. Она у хакасов считалась первой лечебной травой. Применение лекарственных растений (их насчитывалось более 100 названий) уходит в глубь веков. В героическом эпосе упоминается волшебная «трёхсуставная белая трава», которой оживляют погибших богатырей. По хакасским обычаям лекарственные растения выкапывали утром, становясь со стороны восхода солнца. Вместо выкопанного корня клали белую шерстинку или серебряную монету и благодарили землю: «Мы тебя почитаем! Дай нам исцеление! Дай нам здоровье!» Заготавливали

траву с июля и до первых заморозков. При лечении мужчина должен был употреблять траву мужской особи, а женщина — женской. Пили лекарства только вечером, когда на небе появлялись звёзды. Верили, что в это время лекарство действует сильнее. Лечение начинали при новолунии. Во время лечения остерегались называть имя болезни, иначе считали, что она может усилиться.

Любое внезапное заболевание, выраженное в общем недомогании, по-хакасски называется «урунчах». При урунчахе считалось, что человек или наступил «на дорогу» нечистого духа, или встретился с «үзүт» — душой умершего человека, или непочтительно обошёлся с оберегами домашнего благополучия (тöсьями), или пренебрежительно отнёсся к священному скоту (ызыху). Для лечения необходимо было совершить обряд окуривания (алас) дымом богородской травы (ирбен) и гарью от крупы, положенной на совок с девятью горящими углями. Приглашали шамана или знающего человека, который обмахивал больного мужскими брюками (чага) и затем, стряхивая болезнь за порог, произносил:

«Хобат, хобат, хобат!
Превратившись в урунчах, не попадайся,
Превратившись в сабынчах, не сталкивайся.
Под ногами не вертись, у подола не крутись,
Откуда пришёл, туда же возвращайся!
Ты перевалил дремучую тайгу,
Ты вышел из тёмной тайги,
Возвращайся обратно.
Я проще телёки, глупее телёнка,
Я безглазый мирянин, я как глухое яйцо!
Не поворачивайся ко мне!
Мои предки!
Называю Вас дорогим именем,
Величаю Вас почтительно.
Мои дедушки и бабушки!
Я не называю Вас чёртом,
Я не величаю Вас дьяволом.
Отпустите держащую руку,
Выдержите выпущенную стрелу,
Возвращайтесь в свою землю.
Хобат, хобат!»

Чтобы болезнь обратно не вернулась, под порог клали ножицы (если болела женщина) или ножик (если мужчина).

Обветривание губ (герпес) по хакасским понятиям было связано якобы с поцелуем злых духов — үзүт. Злые духи любили лобызать мокрые губы, если после принятия пищи их не вытирали.

Головные боли считались происходящими от небесных сил. Для того, чтобы вернуть их расположение, ставили сивого коня, который являлся небесным ызыхом, и обмахивали голову больного берёзовым опахалом (сабыт) с привязанными белыми и синими флажками. По хакасским понятиям, сивый ызых и берёзовое опахало притягивали к себе внимание небесных сил.

Северные хакасы-кызыльцы при гриппе молились «тоңаза төсү», т.е. звенкийскому (тунгусскому) онгону. Вероятно, болезнь считалась пришедшей из холодной страны, где обитают звенки.

Тиф якобы насылал на людей ызых чёрной масти «тума төс» в отместку за их непочтение к ним. Можно предположить, что термин «тума» этимологически связан с «Тува» (букв. «м» и «б» чередуются в хакасском языке). В таком случае «тума төс» можно было бы считать тувинским онгоном, а болезнь — исходящей из Тувы. Желтуху хакасы представляли в образе жёлтой женщины — «сарыг хат», которая обитает в жёлтых водорослях Жёлтого моря.

У каждой болезни имелись хозяева. При заболевании паршей и чесоткой молились Тайгыму, при конъюнктивите — Пур у, при панариции — бабушке Хартыгас, при молочнице — Апыл-хану, при малярии — Тудан-хайрахану, при бронхиальной астме — Аярым у и т.д.

Заболевание оспой хакасы связывают с появлением невидимых женщин — «гостей» из другого мира, где травы не вянут и реки не замерзают, где находятся пёстрые горы и пасётся пёстрый скот. Народ Оспы похож на людей солнечного мира, но светлый и белоглазый (т.е. глаза без радужной оболочки).

Согласно хакасским мифам, сын царицы Хара-Сарыг в результате печальных странствий попал в страну Оспы. По описанию, эта земля располагалась где-то за Восточными Саянами. Сын царицы Хара-Сарыг и его конь были невидимы для людей Оспы. Там, где стал пастись его конь, стали умирать пёстрые лошади этой страны. Там, где появлялся он сам, люди

Оспы заболели. Когда он, увидев ханскую дочь, поцеловал её, то девушка от прикосновения умерла. Великая их шаманка Палагыр-хам узнала, что из солнечного мира пришёл гость — *тіріг үзүт* (т.е. живой дух) и является источником заболевания. В результате камлания сын царицы Хара-Сарыг был «вбит в её медный бубен» и выдворен шаманкой обратно на свою родину. Вместе с ним была отправлена и ханская дочь, которую он умертвил своим невинным поцелуем. С тех пор Оспы стали «гостить» в нашем мире. Если бы сын царицы Хара-Сарыг не посетил землю Оспы, эта болезнь не нашла бы к нам дорогу. Подобные мифы известны среди северных народов Приенисейского края — кетов и нганасан.

Во время болезни оспой хакасы устраивали домашний праздник. На стол ставили угощение, как будто бы принимая почётных гостей. «Большие гости» должны хорошо повеселиться и уйти. К коновязи привязывали оседланных лошадей для их мнимого разезда. Если болезнь обострялась, то в доме устраивали особые пляски. Женщины раздевались и танцевали голыми перед больным, чтобы невидимые «гости» застеснялись и собрались в обратную дорогу. При сильном недомогании человека воровали у соседей скот (как правило, овцу, вместо которой затем возвращали свою), тайно забивали и горячим мясом кормили больного. Такая жертва называлась «*өтер*». Происходил обмен души больного человека, которую похитила оспа, на душу жертвы «*өтер*». Подобный обряд, называемый «*үөтөр*» бытовал также у якутов.

Если человек умирал, значит он плохо встретил «гостей». Умерший от оспы присоединялся к «гостям» и уходил в их страну. Оспа считалась «большим гостем», а корь — «малым гостем». Магическая форма лечения заключалась в изгнании «гостей» путём задабривания и запугивания. Интересен обряд «*өтер*» — замены души больного на душу жертвенного животного, который свидетельствует о древних этнокультурных связях хакасов с якутами. Вполне возможно, что в демонологии хакасов сохранилась память о стране «Пегих коней», хорошо известной по восточным письменным источникам. Она, вероятно, находилась на северо-востоке от Хакаско-Минусинской котловины, и её население резко отличалось от хакасов.

Хакасское население выработало своеобразные методы лечения больных животных.

После тяжёлой и голодной зимы у измождённого скота весной было частое заболевание «ноготь», известное у хакасов под названием «түгенек». От түгенек'а болел желудок, появлялся насморк, увеличивались лимфатические узлы в паху, и в углу глаза вырастал хрящевидный нарост. Если у лошади случался «түгенек», то её лечили следующим образом. Из конского хвоста вырывали волос, скатывали его в комочек и вместе с солью глубоко и плотно закладывали в ноздри лошади. Кроме того, на лбу между глаз неглубоко забивали деревянную спичку. Лошадь фыркала до тех пор, пока не вылетит из ноздрей скрученный волос. Через три дня вынимали деревянную спичку, затем раздавливали в пахах лимфатические узлы. После этих процедур лошадь выздоравливала. Крупный рогатый скот от этой болезни лечили по-другому. Хрящевидный отросток, выросший в углу глаза, зацепив иголкой с ниткой, вытаскивали и обрезали. Затем это место присыпали солью, табаком или порошком. В паху раздавливали лимфатические узлы и затем скот заставляли бегать до тех пор, пока не считали, что болезнь прошла.

Двухлетние жеребята болели мытом или молочником (по-хакасски «саго»), от которого на шее появлялась большая опухоль. Её прокалывали шилом и выпускали гной. После такой операции лошадь поправлялась.

Зимой из-за замёрзшего наста сильно страдали кони с нежными копытами. Они сбивали себе ноги. Чтобы сберечь коня, стрелку копыта подрезали и сильно перетягивали колени волосом. Лошадь не могла нормально ходить и передвигалась только на передних концах копыт. Когда она привыкала так ходить, то волос с колен (погор) снимали. Если не проделать подобную процедуру, то лошадь испортит себе ноги и на всю жизнь останется хромой. Такая хромота лошади по-хакасски называлась «хазо». Иногда по вине человека у лошади появлялись болезненные опухоли, называемые по-хакасски «көдө». Это происходило, если потную, разгоряченную лошадь напоят холодной водой или если тесный хомут натирал ей шею. Көдө разрезали, вычищали и присыпали солью. Если седлом натирали спину, то натёртое место (чаар) смазывали медвежьим салом.

Прежде чем выезжать в далёкий путь, упитанную лошадь выдерживали дня три. То же самое делали и после возвращения из дальней поездки. В противном случае легкие коня могли испортиться.

Если появлялась эпидемия ящура, то здоровый скот угоняли в горы и на острова и пасли отдельно. Рабочих лошадей, на которых ездили за продуктами, обмывали тёплой водой и окуривали богородской травой (ирбен).

От изнурения и истощения, от зимнего плохого питания происходила парша. Когда у скота появлялась парша (ходыр), то её лечили, посыпая горячей золой, отваром табака, дёгтем, присыпали пострелом (хой порчозы).

Большой урон овцеводству приносила оспа (аалчы). Лечить её хакасы не умели. По ночам вином кормили духов этой болезни и молились им. Мясо больных овец не ели, шерсть не брали, шкуру не снимали.

Народная медицина хакасов сложилась на основе многолетнего опыта отбора различных лекарственных средств. Базой последних послужили местные лечебные растения, насчитывающие более 100 видов. Кроме растительных средств хакасы пользовались лекарствами животного (до 30 видов) и минерального (до 20) происхождения. Выработаны различные мази против кожных заболеваний. Существовала терапия голодом, водолечение, прижигание, массаж, лечение гипнозом и т.д. Несмотря на многие рациональные методы, проверенные тысячелетней практикой, существовали магические действия и заговоры, связанные с шаманскими ритуалами. Хакасы верили, что лечение болезней находится в зависимости от расположения небесных светил и сакрального числа действий (3, 7, 9).

У каждой болезни были свои «хозяева», обитавшие в определённых сферах. Магическая форма лечения заключалась в изгнании этих «хозяев» путём задабривания или запугивания. Во время обострения кори, ветрянки и оспы бытовой обряд «өтер» — замены души больного на душу жертвенного животного. Подобные обряды известны среди других народов Южной Сибири, включая Якутию, и свидетельствует об их древних историко-культурных связях. Несомненное влияние на хакасскую культуру оказали тибетская и китайская медицина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по всем показателям, традиционная культура хакасов приобрела основные свои черты в эпоху позднего средневековья (XIV — XVII вв.). Данные факты не расходятся с трудами многих исследователей, которые установили, что все тюрко-монгольские народы сложились только после XIII — XIV вв.

Присоединение Хакасии к России, произошедшее официально 20 августа 1727 г. по Буринскому пограничному трактату Кяхтинского мира, фактически ликвидировало государственность хакасов.

На территории Хакасии в XVIII в. были образованы территориально-административные подразделения — землицы, которые в начале XIX в. реорганизовуются в четыре степные думы, почти полностью совпавшие с границами прежних кыргызских улусов. В это время завершаются основные процессы формирования хакасского этноса, который принимает для себя экзоэтническим «тадар». Смена своей «визитной карточки», несомненно, отразила изменения в содержании этноса, несмотря на то, что в целом генетическая и этнокультурная преемственность его со средневековой общностью «Хонгорай» не была прервана. Произошло значительное передвижение различных групп бывших киштымов из таёжных местностей Кузнецкого Алатау, Восточных Саян и Причулымья в хакасские степи, что, несомненно, отразилось на этнокультурных процессах.

Корни традиционной хакасской культуры прячутся в тени тысячелетий и связаны с далёкими предками эпохи Кыргызского, Тюркского и Уйгурского каганатов. За долгое время сво-

его исторического пути, общетюркская в своей основе, культура впитала в себя как северные (самодийские и кетские), так и значительные южные (монгольские и иранские) элементы. Созданная хакасами система счёта времени и календарные праздники идентичны достижениям соседних народов тюрко-монгольского мира. Одежда и её покрой указывают на местные истоки, не лишённые, однако, наслоений монгольских элементов. Традиционная пища характерна для всех скотоводческих народов степей Евразии. За два столетия пребывания Хакасии в составе России коренные жители позаимствовали очень много черт из быта крестьян. В связи с естественным переходом большей части населения от полукочевого быта к оседлости исчезли переносные каркасные жилища и появились дома русского типа.

В целом, в обрядах и обычаях хакасов прослеживаются общие национальные черты и не наблюдается особых локальных отличий, что говорит о единстве их традиционной культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- А б д и а Е.А., И д и м е ш е в а У.С. Хакасская кухня. — Красноярск, 1989.
- Б и ч у р и н Н.Я. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.—Л., 1950, т. 1.
- Б у т а н а е в В.Я. Культ богини Умай у хакасов.// Этнография народов Сибири.— Новосибирск, 1984.
- Б у т а н а е в В.Я. К исторической этнонимике хакасов (термин «Хоорай»)// Историческая этнография.—Л., 1985, в.3, с. 25-29.
- Б у т а н а е в В.Я. Хакасская народная медицина.// Генезис и эволюция этнических культур Сибири.—Новосибирск, 1986, с. 94-113.
- Б у т а н а е в В.Я. Почитание тёсей у хакасов.// Традиционная культура народов Центральной Азии.—Новосибирск, 1986.
- Б у т а н а е в В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX — начало XX вв.).—Абакан, 1987.
- Б у т а н а е в В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX — начале XX в.// Историко-культурные связи народов Южной Сибири.—Абакан, 1988.
- Б у т а н а е в В.Я. Хакасский календарь.—Абакан, 1991.
- Б у т а н а е в В.Я. Хакасский праздник Тун пайрам.—Новосибирск, 1983.
- Б у т а н а е в В.Я. К вопросу о хакасских цифровых знаках.// Уч.зап. ХакНИИЯЛИ.—Абакан, в. 20, 1970.
- Б у т а н а е в В.Я. Этническая история хакасов XVII — XIX вв.// Материалы к серии «Народы Советского Союза: Хакасы».—М., 1990, в. 3.
- К о з ь м и н Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края.—Иркутск, 1925.
- К у з н е ц о в а А.А., К у л а к о в П.Е. Минусинские и ачинские инородцы.—Красноярск, 1898.
- К ы з л а с о в Л.Р. История Южной Сибири в средние века.—М., 1984.
- М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности.—М.—Л., 1951, с. 7.
- П а т а ч а к о в К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII — XIX вв.).—Абакан, 1958.

П а т а ч а к о в К.М. Очерки материальной культуры хакасов.—Абакан, 1982.

П о т а п о в Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII — XIX вв.).—Абакан, 1952.

Р а д л о в В.В. Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи.—СПб., 1862, ч. 2.

Я к о в л е в Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея.—Минусинск, 1900.

Я р х о А.И. Алтай-Саянские тюрки. Антропологический очерк.—Абакан, 1947.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В в е д е н и е	3
Г л а в а I. Хакасско-Минусинская котловина — этническая территория хакасов	
§ 1. Естественно-географические условия	13
§ 2. Историческая топонимика	16
§ 3. Заселение русскими Хакасско-Минусинского края	18
Г л а в а II. Хозяйственно-бытовые традиции	
§ 1. Скотоводство	21
§ 2. Охота	26
§ 3. Земледелие	31
§ 4. Рыболовство	37
§ 5. Местные промыслы и ремесла	40
Г л а в а III. Материальная культура	
§ 1. Поселения и жилища	47
§ 2. Национальная одежда и украшения	69
§ 3. Традиционная пища	102
Г л а в а IV. Семейно-бытовая обрядность	
§ 1. Рождение и воспитание ребенка	132
§ 2. Свадебные обряды	143
§ 3. Погребально-поминальные ритуалы	156
Г л а в а V. Религиозные верования хакасов	
§ 1. Пантеон божеств	169
§ 2. Служебные духи шаманов	171
§ 3. Шаманы и их мистерии	174
§ 4. Почитание тесей	180
§ 5. Распространение христианства	182
Г л а в а VI. Духовная культура	
§ 1. Фольклорное наследие	185
§ 2. Хакасский календарь и календарные праздники	194
§ 3. Хакасский язык и письменность	209
§ 4. Народная медицина и ветеринария	212
З а к л ю ч е н и е	219
И с п о л ь з о в а н н а я л и т е р а т у р а	221

Бутанаси Виктор Яковлевич
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ ХАКАСОВ
Пособие для учителей

Редактор *О.Ю. Ашмарина*
Художественный редактор *В.Н. Кызласов*
Технический редактор *Е.Д. Сунчугашева*
Корректоры *И.К. Тахтобина, О.П. Субракова*
Компьютерное обеспечение *Н.Л. Боргояковой, В.В. Киштеевой*

ИБ 151

Сдано в набор 1.11.95. Подписано к печати 10.01.96. Формат 60x90 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 14,0.
Усл.кр.-отт. 14,5. Уч.-изд.л. 12,0. Тираж 5000. Лицензия ЛР № 010213.
Заказ № 50. С—31.

Хакасское книжное издательство 662600, г. Абакан, ул. Щетишкина, 18
УПП «Хакасия» 662600, г. Абакан, ул. Щетишкина, 32

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА
ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ
(ХООРАЯ)
В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

